

ЕКАТЕРИНА МЕКАЧИМА

ЗА
РИДЕВЯТЬ
ЗЕМЕЛЬ

ОТ АВТОРА РОМАНА
«ЗА СЕВЕРНЫМ ВЕТРОМ»

Архитекторы реальности. Иллюстрированная фантастика

Екатерина Мекачима
За тридевять земель

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Мекачима Е.

За тридевять земель / Е. Мекачима — «Эксмо»,
2021 — (Архитекторы реальности. Иллюстрированная фантастика)

ISBN 978-5-04-118415-5

Мир царит на Северной земле вот уже несколько лет. Только тьме не нужно нарушать покой, чтобы завладеть душой. Царь и царица – Веслав и Василиса – всё ещё правят Сваргореей, и царевна Злата тайно бежит из Солнцеграда. Сын рыбака Тихона, Агнеша, отправляется вместе со своим другом – лешим Лыем – в Лесное княжество учиться ворожбе. В снах царица Василиса всё чаще видит Мёртвую Страну, а волхвы предсказывают угрозу с Севера, но беда приходит с Юга. Петля за петлёй запутывается нить Судьбы, и от выбора каждого героя зависит будущее всего Света. Ведь люди не знают, что тот, о ком теперь слагают страшные сказки, не погиб. Не знают, что настоящая война ещё впереди и врагом их будет не только Бессмертный.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-118415-5

© Мекачима Е., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

Пролог	6
Часть 1	8
Глава 1	9
Глава 2	17
Глава 3	27
Глава 4	36
Глава 5	46
Глава 6	56
Глава 7	65
Глава 8	75
Глава 9	84
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Екатерина Мекачима

За тридевять земель

Пролог

Он видел сны

Он видел, как высокие заснеженные скалы терялись среди облаков. Скалы были такими древними, что от них веяло холодом. Отвесную гряду украшали мраморные разводы мёртвого камня.

Он видел, как вокруг Небесных Скал бушевал океан, наполняя воздух неистовым рокотом стихии. Волны вздымались до небес; ветер, холодный и колючий, нещадно рвал облака.

Он чувствовал пронзающий душу ветер бесконечной печали.

Он видел, как за Небесными Скалами, далеко на Севере, где воды океана сковало ледяное дыхание Неяви, стоял Мёртвый Город. В том городе был Колодец, который вёл в Царствие Мора. Ледяной ветер Неяви дул из его чёрной зияющей дыры.

Он видел себя, прикованным цепями к серому камню колодца. Его тело истлело, и на запястьях торчали белые кости.

Он видел, как по велению Мора Чёрные Птицы извлекли из его истлевшего тела Иглу и оплели Её скорлупой своих Слов. Он видел, как посланницы Мора опустились с Иглой в царствие Неяви.

Он видел, как его Смерть забрал Мор.

Ледяной холод сковал его душу.

Но он услышал песнь – немногим слышнее тишины, но совсем настоящую. Внимая музыке, Кощей закрыл запавшие глаза. Он увидел Чёрный Океан и Чёрное Древо. Корни Древа оплели сундук, который хранил его Смерть. Подле Древа стоял грозный муж, сотканный из первозданной тьмы, и смотрел на него. От Его взора замирало даже мёртвое сердце. Мор. Бог Неяви своими безглазыми очами взирал на него.

– Твоё время пришло, Бессмертный, – рокот голоса Мора содрогнул Явь.

Часть 1

Холодные ветры

Глава 1

Велейные острова

– Ну, давай ещё поднажмём! – пробасил Ведовит, крепче обхватывая массивными руками сеть. Ратибор послушался и сильнее потянул на себя снасть, стараясь затащить её в лодку. Но то ли сеть запуталась в воде, то ли рыба попалась знатная – снасть тянула обоих рыбаков в море, наклоняя лодку.

– Да что же это такое! – воскликнул Ведовит, борясь с неведомой силой. Ратибор старался помочь старшему брату, но ничего не получалось.

– Может, к Мору её, сеть-то? – спросил Ратибор. – А то ещё лодку перевернём!

Ведовит сердито посмотрел на Ратибора.

– Ничего, не растаешь в воде, – заверил он брата. – С чем на рынок идти, без улова-то? Так что тяни!

Ратибор вздохнул и что было мочи потянул сеть в лодку. Сеть дёрнулась и повлекла обоих за собой. Рыбаки упёрлись о борт лодки, но резкий всплеск моря перевернул судёнышко, и сварогины оказались в воде.

Море заслонило свет холодной мглой, но Ратибор, совладав с собой, выплыл из-под перевернувшейся лодки. Жадно глотая воздух, рыбак старался освободиться от сети, которая оплела его ноги.

– Помоги! – раздался вопль пытающегося всплыть Ведовита.

Ратибор наконец освободил ноги от пут и подплыл к Ведовиту, который с кем-то отчаянно боролся. Ратибор обхватил брата и старался вытащить его. Ведовит кричал, и Ратибор чувствовал, как невероятная сила тянет его брата ко дну: юный сварогин догадался, что его старшего брата опутала не сеть. Снасть не могла подобным образом топить взрослого мужа. Нечто неведомое вцепилось в Ведовита. Страх сковал сердце Ратибора, и он ещё отчаяннее потянул брата в сторону берега.

– Помоги! – захлебываясь, кричал Ведовит. Ратибор боролся со стихией, пока не почувствовал, что и его ноги обхватило нечто. Ратибор отпустил брата и бил ногами, стараясь сбро-

сильно то, что пленило его самого. Ведовит, не справившись с топящими его силами, с криком и бульканьем скрылся под водой. Ратибор продолжал отчаянно бороться, пока не ощутил, что его отпустили. И тут сквозь фонтаны брызг молодой рыбак увидел, как огромный плавник взметнулся над морем ввысь, а следом за ним показалась будто человеческая, только в чешуе, голова. Ратибор, в панике позабыв о брате, что было духу поплыл к берегу. Юноше казалось, что морское чудовище преследует его, всё ещё пытается схватить за ноги, шипит... Леденящий ужас сводил рыбака с ума, и Ратибор, сам не понимая как, выбрался на каменистый берег. Сварогин, падая, бежал прочь от моря, но мокрая одежда и страх мешали ему. Юноша оглянулся на бурлящую воду, которая теперь своими странными жилистыми руками топила лодку, и вновь побежал. Ратибору почудилось, что море ответило ему сильным смехом.

Ратибор бежал в сторону полосы деревьев, которая отделяла Одуваемый берег от порта Северного Велейного острова. Юноша бежал, не разбирая дороги и не обращая внимания на ветви низкорослых кустарников. Ратибор даже не заметил того, как оказался в порту Осна, – сварогин всё ещё бежал, невзирая на людей, что пытались его остановить. Молодой рыбак не слышал и окликающих его витязей, которые следили за порядком в Осне. Ратибор бежал до тех пор, пока его не схватили гриди самого князя Велейных островов – Световита. Юноша пытался вырваться, бормотал что-то невразумительное, пока один из гридей не отвесил ему оплеуху. Тогда рыбак опомнился и безумными глазами посмотрел на схватившего его богатыря.

– От кого бежишь ты, юноша? – строго спросил гридь¹ – крепкий рыжеволосый муж с суровым взглядом.

Ратибор медленно оглядел красные плащи и лёгкие парадные доспехи пленивших его воинов, и юноше сделалось ещё хуже.

– Отвечай! – пробасил другой гридь, с длинными белыми волосами и заплетённой в косу бородой.

– Я... я... – заикаясь, мямлил рыбак, которого всё ещё душил страх. – Там, в море... Моего брата... море... сеть...

– Медовухи перебрал? – возмутился рыжий.

Юноша отчаянно затряс головой. Ратибор, обезумев, сам вцепился в алый плащ княжеского воина и тихо проговорил:

– Я в-видел Морского Царя.

– Что? – хором спросили Ратибора мужи.

– Морской Ц-царь убил моего б-брата, – с трудом ответил рыбак. – Он и лодку з-забрал. Я еле спасся.

Гридь с трудом столкнул с себя мокрого рыбака, который, шатаясь, покорно встал рядом.

– Что ты думаешь, Лад? – спросил рыжий белокурого гридя. – Врёт он или...

– Думаю, надо отвести его к князю, Данко, – хмуро ответил Лад. – Как тебя звать? – Лад посмотрел на молодого человека.

– Ратибор. – Услышав предложение витязей, рыбак невольно шагнул назад. Гриди заметили это и предупреждающе покачали головами.

– Обманул нас Морским Царём, юный Ратибор? – спросил Данко.

– Нет! – воскликнул рыбак. – Я видел его, п-перед П-Перуном ответ д-держу, коли вру! Гриди усмехнулись.

– А что же боишься великому князю Световиту рассказать о том, что видел слугу Полоза? – положив руку на меч, поинтересовался Лад. – Нынче князь Световит почтил ваш Северный остров своим присутствием: великий князь показывает свои владения царскому наместнику Кудеяру, который прибыл свататься к княжне.

¹ Гриди – в Древней Руси княжеские дружинники. В Сваргории – название дружинников на Велейных островах. – *Здесь и далее прим. автора.*

Услышав имя Змия и то, что великий князь Велейных островов вместе с самим царским наместником сейчас на Северном острове, Ратибор от страха не мог ответить. Юноша молча смотрел на гридей, пока терпение у витязей не лопнуло. Гриди взяли опешившего рыбака под руки и повели в город. Ратибор покорно следовал за богатырями, не обращая внимания на косые взгляды людей, которые, наверное, полагали, что княжеские дружинники² ведут вора или преступника.

Столица Северного Велейного острова – город Велебож – располагалась за портом Осна. Город окружала каменная стена, западная сторона которой была образована древней скалой, а северная – граничила с селом Вилатья. Просторные улицы Велебожа были выложены цветной плиткой, а терема и дома стояли на высоких арочных подклетах, которым так любили подражать зодчие других княжеств и городов. Княжеский Терем, где жил князь, когда приезжал из Престольного острова в свои северные владения, располагался в центре города рядом со Свагобором. За двором Терема, на естественном возвышении острова, которое мастера по камню превратили в небольшую площадь, стояла статуя мудрого Велеса, покровителя Велейных островов.

Гриди отвели Ратибора в нижние хозяйственные хоромы Княжеского Терема, где слуги князя дали рыбаку сухую одежду, в которой он должен предстать перед правителем Велейных островов. От того, что он скоро будет говорить с самим великим князем, Ратибор готов был упасть в обморок. Когда рыбака привели в порядок и доставили в приёмные палаты князя, где гости ждали аудиенции правителя, Ратибор едва держался на ногах: встреча с морским чудищем теперь виделась ему не самым страшным событием в жизни.

Ратибор сел на лавку, которая располагалась подле высокого окна, и с замиранием сердца ждал, когда слуги пригласят его в Престольный зал. Приёмная великого князя, как и сам Княжеский Терем, была выполнена в традициях западных островов Сварогореи. Стены и потолочные балки украшала ажурная резьба, белые печи покрывал мелкий узор, изысканные подсвечники, что стояли подле портретов великих князей Велейных островов, держали хрустальные огнивицы с огнём-Сварожичем.

Двери в приёмную распахнулись, и Ратибор, вздрогнув, оторвался от разглядывания Терема. Вошли знакомые Данко и Лад, и рыбак с облегчением вздохнул. Гриди подошли к Ратибору и, окинув его хмурыми взглядами, сказали, что выслушать историю рыбака желает не только князь Световит, но и сам наместник Кудеяр. Ратибор побелел, и когда гриди приказали ему встать, чтобы идти в Престольную, юноша только сильнее вцепился в обитую бархатом лавку.

Витязи рассмеялись, силой подняли Ратибора и подтолкнули в сторону тронного зала. Рыбак на ватных ногах шёл по красному ковру, который вёл к большим расписным дверям, что почтительно открыли перед ним слуги.

Престольный зал Княжеского Терема был просторным: сводчатый потолок держали резные деревянные колонны, ставни мозаичных окон были открыты, и тёплый вечерний свет освещал золотую роспись тёмных стен и колонн. На стенах в подсвечниках уже горели свечи. Княжеский трон стоял в центре у дальней стены; по обеим сторонам трона располагались престолы меньше, для семьи князя. За княжеским местом высился капий Велеса с зажжённой небесным огнём огнивицей.

Князь Велейных островов, Световит, сидел на своём троне и о чём-то беседовал с Кудеяром, который по-дружески расположился на соседнем, меньшем, престоле. Завидев вошедших, знатные мужи прекратили говорить и обратили своё внимание на онемевшего Ратибора. Гриди, поклонившись правителям, силой заставили потерявшего ум рыбака преклонить колени, а потом, взяв его под руки, подняли с пола. Световит и Кудеяр, поняв, в чём проблема юноши,

² Дружина – княжеское войско. В Сваргореи – название воинской силы в целом.

рассмеялись, чем ещё пуще вогнали в краску юного сварогина, который, не моргая, смотрел на них.

– Мои воины поведали, что тебя зовут Ратибор, – улыбнулся в белую бороду Световит. Князь Велейных островов был в тёмном перехваченном золочёным поясом платье. Седые волосы князя украшал золотой обруч, а на груди лежал оберег Сварога. Парадного корзно на Световите не было, да и выглядел старый князь не так грозно, как представлял его Ратибор. Световит походил, скорее, на статного волхва, нежели на правителя. Кудеяр тоже с улыбкой смотрел на рыбака: наместник царя напоминал юноше бывалого воина, а не второго после царя правителя Сваргорей. Золотые волосы, которые Кудеяр убирал в длинную косу, только немного тронула седина, хотя Кудеяр был явно старше, чем казался. Его лицо будто не имело возраста: Кудеяру можно было дать хоть тридцать лет, хоть пятьдесят. Одет наместник был в простое княжеское платье, а не в золотое корзно, как мыслил Ратибор. Юноша так долго разглядывал правителей, что те вновь рассмеялись.

– Мы испугали тебя больше, чем Морской Царь? – со смехом пробасил Кудеяр, и Ратибор был готов провалиться от стыда.

– Н-нет, – пролепетал Ратибор, положив руку на сердце.

Световит сокрушённо покачал белоснежной головой.

– Расскажи, что ты видел, Ратибор, – мягко проговорил князь, внимательно смотря на юношу. Ратибор был сложен крепко для своих лет, однако страх перед князьями заставлял его держаться сгорбленно. Если бы юный сварогин расправил плечи, то выглядел бы как настоящий гридь, а не рыбак, думал князь. Тёмные волосы Ратибора перехватывала тонкая бечева; во взгляде карих очей было слишком много робости и испуга.

Юноша перемялся с ноги на ногу и, глубоко вздохнув, тихо заговорил. Он бормотал себе под нос, пока Световит не остановил его.

– Ратибор, – сказал Световит строго, и рыбак тут же замолчал, – подойди ближе и говори громче!

Ратибор кивнул и, робко шагнув к престолу, остановился.

– Ещё ближе! – возмутился Световит, и Кудеяр басовито рассмеялся. Князь Велейных островов посмотрел на наместника. – Да это просто диво какое-то, так бояться-то! – улыбнулся он. – Понимаю ещё, если бы дева предстала перед троном, – покачал головой Световит и вновь сердито взглянул на рыбака. – Сколько тебе лет? – спросил князь.

– Четырнадцать, – пролепетал рыбак.

– Ба! – удивился Световит. – В твои года мужи на войну отправлялись, во времена Светлогора-то, – укоризненно промолвил князь, – а ты свою историю внятно рассказать не можешь. Приказываю тебе подойти к трону и громко поведать о том, что случилось! Если не сделаешь, как велю, – в темницу посажу!

Ратибор от страха чуть не упал, но с места так и не сдвинулся.

– Он теперь вообще говорить не сможет! – рассмеялся Кудеяр. – Что ты натворил, Световит?!

– Мне охота его родителей увидеть, – ответил князь сквозь смех. – Как так вышло, что их сын всего боится?

– Я сирота, – тихо прошептал Ратибор, и мужи перестали смеяться. – А моего старшего брата сегодня Морской Царь забрал.

Ратибор медленно подошёл к престолу: только сейчас юноша наконец осознал то, что случилось в воде. И ужас потери единственного родного человека отогнал страх перед великим князем и наместником царя. Не стесняясь своих слёз, Ратибор поведал правителям о том, что с ним произошло. Когда Ратибор закончил свой рассказ, он поклонился в пол и собирался было покинуть престольный зал, но Световит остановил его. Кудеяр хмуро смотрел на робкого

юношу: наместник царя знал как никто другой, что если кто-то из слуг Полоза вновь явил себя людям, ничего хорошего сие не предвещает.

– Если бы ты видел Горыча, ты бы не остался жив, – задумчиво проговорил Кудеяр. Световит, нахмурившись, посмотрел на него.

– Тогда кого он видел? – тихо спросил великий князь.

– Кого-то из слуг Змия, перед Перуном ответ держу, – ответил наместник. – Но вот кого... – Кудеяр немного помолчал и сказал: – Нужно срочно доложить в столицу.

Световит кивнул.

Ратибор непонимающе смотрел на великого князя и наместника царя: рыбак был уверен в том, что ему не поверят. Но ему не то что поверили, о его истории хотят сообщить самому царю!

– То, что случилось в воде, так важно? – робко поинтересовался Ратибор.

– Разве ты забыл о Десятине Полоза?³ – удивлённо спросил рыбака Световит, и юноша отрицательно покачал головой.

– Не забыл, великий князь, – с поклоном ответил он.

– Ты слишком юн был, когда Полоз и его Наместник правили людьми, – ответил за Ратибора Световит, – вот и не помнишь того, что произошло.

– Помню, – попытался оправдаться Ратибор, который теперь понял, почему его история так взволновала и гридей, и великих князей.

– Ты не хочешь поступить на царскую службу? – спросил Кудеяр рыбака. – Станешь витязем столицы или гридем Велейных островов.

Такого предложения рыбак не ждал.

– Так я ж воинского дела совсем не знаю, – растерянно сказал Ратибор.

– Вот и узнаешь, – ответил Световит и укоризненно покачал головой. – Дух укрепить тебе надо, юноша, мужем стать. А помощника лучше дружины в этом деле не сыскать, – говорил Световит, и Кудеяр согласно кивал словам великого князя.

– Отправишься в столицу вместе со мной, и сам расскажешь царю о встрече со слугой Полоза, – заключил наместник.

– Царю?! – переспросил Ратибор, который совсем потерялся в происходящем.

– Отец Сварог, – устало вздохнул Кудеяр, – полагай, я уже взял тебя на службу.

Стоявшие у дверей Данко и Лад переглянулись.

– Лад, – обратился Световит к своему гридю, и воин вышел вперёд и поклонился. – Отведи нового витязя в гридницу, скажи смотрителю Ивану, пусть ему к завтра соберут доспех.

Лад покорно положил руку на сердце и хотел уже вести юношу в казармы, но Кудеяр предупреждающе махнул ему рукой.

– Я думаю, отплывать надо сегодня, – мрачно проговорил наместник, и Световит хмуро на него посмотрел. – У нас нет времени ждать, раз слуги Полоза нападают на людей. Надо доложить в столицу, а птицу отправлять с такой вестью ненадёжно – мало ли что с пернатым вестником случится, – нахмурился Кудеяр, и Световит кивнул, соглашаясь со словами будущего зятя. – Я сразу вернусь, – заверил Кудеяр. – Позволишь попрощаться с Любавой? – добавил наместник тихо, и Световит вновь кивнул.

– Свадьбы играть надо в спокойном мире, – ответил великий князь Велейных островов. – Я соберу веденеев, усилим охрану островов, запретим отходить далеко в море на малых судах.

– Так это недалеко от берега случилось, – набрался смелости Ратибор.

Князь и наместник хмуро переглянулись, но юноше не ответили.

³ Десятина Полоза – десять лет правления Драгослава и Полоза.

– Я отправлю слуг за дочерью, – со вздохом проговорил Световит, поднимаясь. Кудеяр поднялся тоже и благодарно поклонился великому князю. – Она так долго тебя ждала, – сокрушался Световит. – Но я уверен, Любава всё поймет.

– Новобранца в казармы вести? – с поклоном спросил Данко.

– Соберите ему доспех, – приказал Световит, – и доставьте на судно наместника царя, на корабль «Лютояр».

Данко поклонился и жестом пригласил Ратибора следовать за ним.

– Я сегодня плыву в столицу? – переспросил рыбак великого князя, но тот лишь махнул на него рукой, и Данко с Ладом вывели юношу из зала.

– Ты думаешь, Полоз вернется? – тихо спросил Световит Кудеяра, когда они остались одни.

Наместник царя мрачно посмотрел на правителя Велейных островов.

– Веслав говорил, что это возможно, – произнёс Кудеяр, и Световит шумно вздохнул. – Но в Великом Свагоборе так не думают.

– А ты что думаешь? – нахмурился Световит.

– Я думаю, что, даже если Змий и не почтит своим Духом Свет, как во времена Драгослава, свою месть детям Сварога он ещё явит, – проговорил Кудеяр, и взгляд Световита ещё больше потемнел. – Потому я и хочу доставить в Солнцеград Ратибора, чтобы в Царском Тереме слышали всё из первых уст – от спокойной жизни в думах детей Сварога появилось слишком много вольности и беспечности.

– Я отправлю слуг за Любавой, – помолчав, ответил великий князь.

Кудеяр ждал Любаву в саду, который был разбит за гостевым теремом великокняжеского двора. Солнце почти село, и невысокие раскидистые деревья освещало пламя золотых и с небесным огнём фонарей, которые устанавливали вместе на Велейных островах. Наместник царя ждал любимую на лавочке подле небольшого резного зачарованного фонтана: вода, звеня, искрилась в тёплых отсветах пламени и холодных – Сварожича; внук Стрибога оведал прохладной свежестью.

Кудеяр хотел вернуться в Солнцеград с молодой женой, но... Он никому не может доверить столь важную для всей Сваргореи весть, даже если в том его поддержит только царь. Кудеяр никогда не забудет те десять лет, которые он провёл будто в бреду. И если, не дай Сварог, Змий вновь задумал вернуться, опасность может таиться где угодно: хитрость и коварство Полоза не знают границ, как и хитрость его слуг. Наместник Солнцеграда помнил, как его самого заворожила Агния одним только взглядом, и от этого воспоминания даже сейчас, спустя столько лет, Кудеяру делалось не по себе. Предупреждал же покойный Перенег о том, что война Богов ещё не окончена... как жаль, что так мало людей согласных с ним!

– Кудеяр? – тихо сказали рядом, и наместник от неожиданности вздрогнул. Кудеяр поднял голову и тут же встал: погружённый в тяжёлые думы, он не заметил её. Любава была прекрасна: в необычном для жителей Севера платье с жилетом, что так любили знатные дамы западных островов, в лёгкой фате, закреплённой только на пучке золотых волос и тоненьком

медном обруче. Серо-голубые, как предутренняя заря, глаза. Девушка кротко улыбнулась и шагнула к Кудеяру. Наместник царя подошёл к своей невесте и взял её за руку.

– Прости – думы правителя порой весь белый свет заслоняют, – прошептал Кудеяр, чувствуя, как сжимается сердце. Любава мягко на него смотрела.

– Ничего, – понимающе согласилась она. – Отец сказал, что дал тебе Слово! – восторженно прошептала Любава, и Кудеяр понял, что Световит не сказал княжне о том, что свадьба откладывается. Будь прокляты Полоз и всё его войско!

– Да, – улыбнулся Кудеяр, – великий князь Световит благословил наш брак. – Улыбка Любавы стала шире, и Кудеяр повёл невесту в глубь сада.

Наместник царя с трудом заставил себя рассказать любимой о явлении слуги Полоза в водах Велейных островов и о том, что ему самому придётся отправиться в столицу. Любава слушала жениха молча, и когда Кудеяр закончил говорить, улыбка спала с девичьего лица. Любава сказала, что она боится за Кудеяра, боится того, что ему придётся плыть по водам Полоза. Княжна спросила жениха, не может ли он отправить в столицу гонца? Наместник царя отрицательно покачал головой: такую весть он должен передать в столицу сам, ибо умы Солнцеграда охватило беспечное спокойствие. «Лютотяр» – корабль большой, слугам Полоза его не потопить. Печалит Кудеяра только тоска по невесте, что ей вновь придётся ждать его. Любава остановилась и внимательно посмотрела на будущего мужа.

– Отправляйся в Солнцеград со спокойным сердцем, – тихо сказала она и положила руки Кудеяру на плечи. – Я буду ждать тебя столько, сколько необходимо. И даже дольше.

Наместник царя грустно улыбнулся и накрыл своими ладонями руки Любавы.

– Я скоро вернусь, – заверил он невесту. – Обещаю.

Любава хмуро смотрела на Кудеяра: тревога и холод неясным предчувствием сковывали душу. Но княжна не стала говорить суженому о своих страхах, она только кротко кивнула.

– Возьми его, – проговорила Любава, снимая с воротника оберег с руной Велеса. – Пусть мудрый защитник Велейных островов помогает тебе.

– Я только весть передам и сразу же вернусь, – заверил Кудеяр Любаву, надевая оберег. – Не на войну же ты меня провожаешь, – попытался улыбнуться наместник.

Но Любаве его замечание не понравилось.

– Дела, связанные с Полозом, хуже войны, – мрачно проговорила она, и Кудеяр покачал головой.

– Ты не заметишь, как пролетит время, и ты станешь моей женой, – заверил он Любаву и крепко её обнял.

На вечерней заре великий князь Велейных островов провожал наместника царя в плавание. На небо уже вошли обе луны; порт Осну освещали двойные фонари, в одной чаше которых горел золотой огонь, а в другой – небесный. Со Световитом были Любава и великая княгиня Далимила, которую очень встревожили вести о чудище, обитающем в прибрежных водах. Она, как и Любава, пыталась уговорить будущего зятя отправить в столицу только Ратибора, но Кудеяр полагал, что весть о слуге Полоза он должен передать в стольный град сам. Наместник

царя поцеловал на прощание невесту, поклонился великому князю с княгиней и поднялся на судно, на которое уже привели Ратибора.

Глава 2

Царевна

Она любила свою келью послушницы Сестринского Свагобора – маленькую комнатку с видом на Святобор⁴, в котором пели птицы. Подле окошка с деревянными ставнями стоял стол. У одной стены располагалась кровать, подле другой – скрины и деревянный шкаф. В красном углу горела небесным огнём огнивица у домашнего капия Полоза. Когда к Злате приходила наставница, послушница закрывала красный угол белой занавеской, в узоре которой был скрыт Треглав.

Поначалу Злате не хватало простора родных покоев теремного дворца. Но со временем царевна привыкла к новому дому и полюбила его: Злата не возвращалась в Царский Терем даже на дни праздников. Царевна с трудом переживала время, когда её навещали царица или царь. Конечно, Злата с почтением слушала и Василису, и Веслава, старалась им улыбаться. Но когда они покидали её, Злата чувствовала, как к горлу подступают слёзы ненависти. Лучше бы царь с царицей не приходили. Никогда.

За пять с половиной лет страдания царевны не угасли, а даже наоборот, девушке казалось, что она всё сильнее ненавидит царицу и царя. Когда Злата стала старше, Василиса рассказала ей историю её родителей, но Злата не поверила царице. Агния была доброй и любящей матерью, а отец – заботливым родителем, честным царём, при котором Сваргорея процветала. И Полоз действительно помогал людям, в отличие от Богов Светомира, которые после воцарения Веслава вновь замолчали. Боги. Василиса... царица ли Василиса? Где это видано, чтобы на троне Сваргореи сидела деревенская охотница-волхва, которая даже в Ведомире не училась? Злата могла допустить коронацию Веслава, но то, что потомок Светлогора взял в жёны деревенскую девушку, у юной послушницы не укладывалось в голове. Ещё больше возмущало Злату то, что волхвы одобрили выбор Веслава и обвенчали его с Василисой. Конечно, старцы говорили, что Василису благословили сами Боги, ведь царица, как и царь – единственные люди Света, которые предстали перед легендарным Алатырём. И сварогины любили своих избранных Богами Освободителей, как в народе называли правящую чету. Когда Злата слышала, с каким теплом отзываются о Василисе и Веславе люди, её сердце мучало горькое чувство несправедливости. Ведь с тех самых пор, как «Благомир» встал на якорь в порту Солнцеграда, на неё саму смотрели косо, с опаской. Другие послушницы Сестринского Свагобора сторонились царевны, считая её дочерью чёрных волхвов, которые семнадцать лет назад силой захватили власть. Послушницы боялись Златы, её одаренности в волхвовании. Да что там послушницы... сами наставницы старались её избегать. Даже Румяна и Снежана, которые навещали царевну, когда Злата только ушла в Свагобор, со временем перестали к ней приходить. Злата видела, как отворачиваются от неё люди, как отводят взгляд сверстницы и как стараются не смотреть в её сторону юноши. А ведь она была писаной красавицей, с длинными золотыми волосами и голубыми, как у матери, глазами.

⁴ Святобор – святые рощи при Свагоборах (храмах), в которых располагались капища под открытым небом.

Злата вздохнула и отвернулась от окна. Сегодня она вновь не пошла ни на занятия, ни на общие молитвы, ни на работы⁵ Свагобора. И за ней никто не пришёл, даже старшая наставница. Ни одной другой послушнице не было позволено поступать подобным образом. И Злата думала, что, если она покинет Свагобор, никто не пойдёт её искать. Всем станет спокойнее и легче.

Злата встала с постели и подошла к своему маленькому алтарю. Сложила у груди руки, обращаясь к покровителю своего покойного отца – Полозу, закрыла глаза, но тут в дверь постучали. Послушница поспешно закрыла занавеской маленький капище Полоза и, сев за стол, открыла книгу. Перевернув страницу, царевна обернулась на дверь и тихо позволила стучащему войти. Дверь отворилась, и в келью прошла пожилая волхва Славера. Славера была сухонькой и маленькой, кроткой женщиной, которая всю жизнь провела в Свагоборе. Великой Волхвой она так и не стала, хотя по годам могла бы. Но Славера никогда не стремилась свой медный обруч волхвы сделать серебряным. Вечная прислужница, она с искренним смирением исполняла волю своих сестёр, единственная, кто не отворачивался от Златы. И сейчас Славера кротко поклонилась юной послушнице, и Злата в ответ положила руку на сердце.

⁵ Работа Свагобора – обязательная работа послушников волхвов.

– Волхва-Мать Смиляна послала за тобой, – тихо сказала Славера. – Она желает с тобой говорить.

– Мать Славера, не знаешь, почему? – робко поинтересовалась Злата. Великая Волхва редко беседовала с юными послушницами, и царевне против воли сделалось неловко. Никак отругать за непокорный норов хочет.

– Великая Волхва мне не сказала, – пожала плечами Славера и улыбнулась. – Не бойся её, Злата. Она хоть и старая уже совсем, но ясная и сердечная ворожея. Пойдём.

Злата, улыбнувшись, кивнула, поднялась из-за стола и покинула келью вслед за Славемой. Спорить о сердечности Смиляны, которая, как и все, клеветала на её родителей, Злата не хотела: Славера, наивная душа, всех ясными зовёт. И даже её, Злату.

Келья, в которой жила Злата, располагалась в крайнем тереме Сестринского Свагобора. Злате, как царевне, которая выразила желание стать волхвой, Великая Мать предложила просторную светлицу в главном тереме Свагобора, но царевна отказалась. Злата хотела тишины и уединения. Царевна выбрала маленькую комнатку с одним окошком на третьем этаже ближайшего к священной роще терема.

Славера вела Злату в большой терем Великой Волхвы, который находился за каменным храмом Свагобора. Украшенный резьбой деревянный терем возвышался на мощном каменном подклете с арками, в проёмах которых цвели пышные цветы.

Начиналась первая неделя квинтень⁶, и в ещё по-весеннему свежем воздухе пахло летом. Шумели высокие ели Святобора, окружающего жилые терема Сестринского Свагобора. Перед теремом Великой Волхвы был разбит пруд, в котором обитали благородные кьор. Злата невольно залюбовалась прекрасными птицами, которые гордо расправляли крылья над водоёмом.

Славера и Злата прошли в приёмные покои Великой Волхвы, находившиеся на первом этаже большого терема. Просторный и светлый зал с мозаичными окнами, в глубине которого подле капия Свагоры стояли кресло Великой Волхвы и стол. Между окон располагались деревянные шкафы с книгами, а под окнами – украшенные резьбой скрини.

Великая Волхва Смиляна читала книгу, когда Славера привела Злату. Славера кротко поклонилась Великой Матери и покинула покои.

– Вы хотели меня видеть? – с поклоном спросила Злата, нерешительно идя к Смиляне. Великая Волхва улыбнулась, закрыла книгу и положила дрожащую руку на сердце.

– Злата, – улыбалась старушка, жестом приглашая царевну сесть напротив неё за стол. – Я не буду корить тебя за норов, не переживай.

Злата нерешительно села за стол напротив Великой Волхвы. Это мягкое замечание Матери отозвалось в душе грустью, смешанной со злобой: Смиляна всё понимала, чем ещё больше расстраивала Злату. Царевне не нравилось то, что люди либо отворачиваются от неё, как от дочери узурпатора Драгослава, либо испытывают сострадание, граничащее с жалостью. Великая Волхва с её вечной грустной улыбкой жалела Злату и с такой же улыбкой молвила о том, какие дурные поступки совершили её родители. Когда же Злата пыталась возражать Великой Матери, та всё так же неясно улыбалась. И сейчас Смиляна смотрела на юную послушницу с искренней улыбкой сострадания, от которой девушке делалось тошно.

– Злата, – мягко говорила Смиляна, – твоё горе так велико, что слова тебе не помогут, – сокрушалась старица, и Злата исподлобья глядела на Великую Волхву. – Ни волхвы, ни Боги, никто на свете не сможет справиться с твоей утратой, кроме тебя самой.

– Если вы, Великая Волхва, позвали меня ради того, чтобы наставлять, – дерзко ответила Злата, – то лучше предложите мне в наказание работу Свагобора.

⁶ Квинтень – май.

Смиляна вздохнула: ей было больно видеть страдания юной послушницы, ещё более понимать, что Злата никогда не сможет примириться со своим горем. Смиляна знала, что Злата молится Полозу и тайно носит его Треглав. Знала Великая Волхва и то, что царевна никогда не поверит в деяния её родителей. И тем страшнее виделась старой ворожее судьба её юной послушницы. И тем больше беспокоило Смилянину обращение волхва Полоза Миодрага, который просил позволения встретиться с царевной. Великая Волхва была бы рада отказать ему, только вот знала Великая Мать, что Миодраг обратился к ней из вежливости и волхв найдет возможность встретиться со Златой. И тогда Миодраг скажет Злате, что Смиляна запретила Великому Волхву её отца видаться с ней, и Злата ещё больше отстранится от мира.

– Я позвала тебя, потому как Великий Волхв твоего отца, Миодраг, просил позволения встретиться с тобой, – тихо говорила Смиляна против своей воли. – Я сказала Миодрагу, что на всё твоя, Злата, воля.

Злата удивлённо смотрела на Смилянину: неужели Великая Мать и правда позволит ей общаться с волхвом самого Полоза? С тем человеком, который был одним из тех немногих – оставшихся верными Драгославу людей?

– Я встречусь с Миодрагом, – ответила Злата и вздёрнула подбородок. – Когда он хочет видеть меня? И где?

Смиляна сокрушённо покачала головой.

– Он просил меня позволить тебе выйти к нему, – ответила Великая Волхва. – Миодраг ждёт тебя в общей приёмной Сестринского Свагобора. – Смиляна поднялась из-за стола и жестом позвала послушницу следовать за ней. – Миодраг позвала тебя на прогулку.

– Я пойду с ним, – строго сказала Злата, вставая следом за Великой Матерью. – Пойду без сопровождения сестёр. Миодраг – волхв моего отца, он сам защитит меня, – добавила она уверенно.

Смиляна с укором посмотрела на Злату, но ничего ей не ответила.

Великая Волхва-Мать и Злата в молчании вышли из большого терема и направились к храму Сестринского Свагобора. Злата шла гордо, с прямой спиной. На царевне был светло-зелёный сарафан, надетый на белую рубаху, длинные рукава которой Злата скрепила браслетами, и такой же светлый плащ, скреплённый фибулой. Хотя царевна и отправилась в Свагобор по своей воле, льняное платье послушницы Злата так и не надела. И никто ничего не мог поделать с поведением царевны, не помогали даже работы в Свагоборе. Однажды, когда одна из наставниц решила публично отчитать Злату за её поведение, царевна явилась на наказание в царском платье и венчике, чем ещё больше рассердила старшую ворожею и своих сестёр. Гордо выслушав назидательную речь, Злата отправилась в своём парадном платье мести в Свагоборе пол, чем совсем прогневала волхвов. Но со временем Злату перестали ругать её наставницы, а другие послушницы только больше сторонились её. Теперь никто не обращал внимания ни на одежду бывшей царевны, ни на её поведение. И Злату это злило.

Смиляна и Злата прошли мимо Свагобора – белокаменного храма с серым куполом, окружённого изящными башенками, верх которых украшали маленькие нежилые теремки. Великая Волхва и послушница миновали площадь, что располагалась перед парадным входом в Свагобор, и пошли к воротам окружной стены.

Миодраг ждал в общей приёмной – пристроенной к внешней стороне каменной стены, окружающей Свагобор и терема послушниц, небольшой крытой ротонде. Кроме Миодрага посетителей не было, и старец ждал Злату, сидя на обитой бархатом лавке подле окна. Увидев вошедших, волхв Полоза встал и сердечно поклонился.

Злата невольно улыбнулась волхву: за прошедшие года он будто не изменился – всё тот же царственный взгляд пронзительных серых глаз. Только волосы сделались белые как снег. И почудилось вдруг царевне, что всё как в прежние времена: она пришла к Богам в Свагобор, а

дома, в Царском Тереме, её ждут отец и мать. Волхв Полоза улыбнулся, и наваждение прошло, а сердце сковало холодом.

– Гой еси, послушница Злата, – тихо и ясно проговорил Миодраг своим низким бархатным голосом. Волхв перевёл взгляд на Смиляну, которая хмуро смотрела на него. – Благодарю, Великая Мать, что позволили мне встретиться с послушницей вашей.

Смиляна учтиво положила руку на сердце.

– От всего сердца желаю Злате добра, – мягко сказала Великая Волхва. – Злата была рада вас увидеть, а её радость для меня превыше всего. Только послушница должна вернуться в Свагобор к вечерней молитве.

Миодраг заметил, как Злата косо взглянула на Смиляну.

– Конечно, Злата вернётся в Свагобор вовремя, – подтвердил он и посмотрел на Злату. – Могу ли я позвать тебя на прогулку, юная ворожея? День в самом его владении, да и погода благодатная.

– С радостью, Великий Волхв! – искренне воскликнула Злата и тут же осеклась. Царевна с опаской взглянула на Великую Мать, но Смиляна лишь понимающе улыбнулась.

– Тогда идём, – прошелестел Миодраг и рукой пригласил Злату к выходу. Царевна кротко поклонилась Великой Волхве и покинула приёмную вслед за Миодрагом.

День был в разгаре, и солнце ярко освещало широкую Улицу Богов, которая вела на Царскую Площадь Солнцеграда; внук Стрибога, будто ещё по-зимнему холодный, приятно освещал. По обеим сторонам мощёной дороги росли невысокие ровно стриженные сосёнки. Миодраг и Злата шли в сторону Царской Площади, вдоль каменной стены Великого Сестринского Свагобора. На другой стороне улицы располагался огороженный резным забором двор расписных теремов Сестринского Ведомира, за которым можно было видеть высокие крыши грандиозного терема Великого Ведагора.

– Давно мы с тобой не виделись, царевна Злата, – проговорил Миодраг. Злата резко посмотрела на старца.

– У меня нет титула, – прямо ответила она и покачала головой. – Не надо называть меня так.

Волхв тихонько хмыкнул.

– Злата, царского титула нельзя лишиться, – чётко проговаривая каждое слово, сказал Миодраг. – Царевной ты родилась и царевной тебе быть до тех пор, пока ты не станешь царицей.

Злата остановилась. Послушница не ожидала подобного от Миодрага. Неужели волхв тоже, как и все, смеётся над ней?

– Вы знаете, что мне никогда не стать царицей, – сердито ответила Злата. – Я возвращаюсь в Свагобор.

– Подожди, царевна, – положил руку на сердце Миодраг, видя, как ещё сильнее разозлилась Злата. Настоящая прислужница Полоза, подумал старый волхв, но сказал Злате другое. – Я не просто так к тебе пришёл, – прошептал Миодраг, и Злата удивленно посмотрела на него. – У меня есть для тебя весть, которая может всё изменить.

– Что изменить? – нахмурилась Злата.

– Пойдём дальше, царевна. Я не могу говорить здесь. – Миодраг медленно пошёл по улице и рукой пригласил Злату следовать за ним.

Злата немного постояла, размышляя, стоит ли идти за Миодрагом, и, решившись, догнала волхва.

– Почему вы не можете сказать сейчас? – с вызовом глядя в серые глаза, спросила Злата.

– Потому что я хочу поведать тебе тайну самого Полоза, – ответил Миодраг шёпотом, и Злата с искренним интересом посмотрела на старца. – И чем дольше мы с тобой стоим под стенами твоей темницы, тем больше вероятность, что я не смогу рассказать тебе тайну.

Злата хотела спросить, что за тайна, но лишь легонько кивнула и молча пошла рядом с Миодрагом. Царевна не могла представить, о чём желает толковать Великий Волхв её отца. Но Миодраг впервые за последний год почтил её своим присутствием – с тех пор, как Злата стала старше, Миодраг почти не навещал её. Может, он и правда знает некую тайну Бога-Покровителя отца?

– Где вы хотите говорить? – тихо спросила Злата, когда они уже шли по оживлённой Царской Площади. Свежий ветер развеивал белые одежды волхва и светло-зелёный плащ Златы. Гуляли яркие горожане, громыхали запряжённые лошадьми повозки. Царевна невольно бросила взгляд на белокаменный Теремной Дворец и стоящий по его левую сторону Великий Свагобор. За Свагобором и Царским Теремом высился Перун, у кованой ограды Терема гордые витязи в белых плащах с красной руной Сварога несли почётный караул. Нахмурившись, царевна отвернулась и посмотрела на искрящийся в центре площади большой зачарованный фонтан. Она помнила, как любила сбегать от родителей и ловить его брызги, пока никто не видит. За фонтаном находилось открытое украшенное колоннадой ристалище⁷, в котором она когда-то смеялась вместе с мамой. Злата никогда не забудет её тёплых мягких рук и добрую улыбку. Никогда не забудет Злата и своего отца, который хоть и был достаточно строг, но даже не повышал на дочку голоса. А какие чудные подарки дарил ей отец! В какие игры с ней играл... Нет, её родители не были теми людьми, о которых рассказывают в народе. Они не могли совершить те страшные вещи, что приводят людей в ужас. Её мать – не Яга из Тайги, а оклеветанная царевна далёких островов, её отец не рушил силами Полоза Солнцеград. И клевета эта – дело рук Богов, которых разозлило первенство Полоза, в этом царевна была уверена. Была уверена она и в том, что клевету по поручению Богов наворожили Василиса и Веслав. А те люди, которые молвят о крушении Солнцеграда, просто им вняли.

– Мы идём в сквер Молчания. – Ответ Миодрага испугал Злату, которая погрузилась в безрадостные думы. – Там в тени деревьев мы и потолкуем, царевна Злата.

Злата посмотрела на серьёзного Миодрага: что же он хочет поведать, раз всё время называет её царевной? Неужели он знает, как распутать клевету избранных Богами Освободителей?

До сквера Молчания Злата шла молча. Миодраг предложил взять извозчика, но послушница отказалась. Спешить было некуда – до вечерней молитвы ещё далеко, а царевна давно жила по своему расписанию дня, не всегда посещая занятия по волхвованию и обязательные работы.

По шумным столичным дорогам Миодраг и Злата дошли до сквера Молчания, который располагался в глубине города, на другой его стороне от Царской Площади. В сквере, что находился в небольшой низине, росли высокие раскидистые сосны, кроны которых смыкались в вышине. Укрытые сенью сосен, тянулись к небу и невысокие нежные деревца белохвой, редкой северной сосны с белой корой. Меж деревьями белели насыпанные гравием дорожки, ажурным кружевом соединяя множество беседок парка.

По традиции говорить в сквере Молчания можно было только в беседках, которые хранила древняя ворожба сплетённых Слов: снаружи нельзя было услышать то, о чём молвили внутри. Традиция запрещала и спрашивать о том, что обсуждалось под сенью деревьев. Поэтому в парке Молчания так часто встречались молодые пары, отношения которых не одобряли родители.

Злата и Миодраг миновали кованую ограду сквера и пошли по насыпной дорожке. От поступи гравий тихо шуршал; в вышине, среди крон, пели птицы. Свежий сосновый аромат пьянил. Золотой узор солнечных лучей, пробивающихся через густую хвою, украшал сизую землю. Волхв и царевна прошли мимо деревянных беседок, за резными решётками которых

⁷ Ристалище – площадь для гимнастических, конных и других состязаний (*устар.*). В Сваргорее так называли и открытые, обустроенные на манер амфитеатра, театры.

можно было видеть целующиеся пары или серьёзных, обсуждающих государственные тайны князей, чей покой хранили грозные витязи. Волхв и Злата нашли свободную беседку в глубине сквера и расположились в ней. Между колонн, что держали крышу, древний мастер по дереву вырезал райских птиц; подле колонн стояли подвижные лавки, в центре беседки – маленький круглый стол, на котором благоухали в горшочке цветы. Злата, сев напротив Миодрага, внимательно посмотрела на старого волхва.

– Здесь вы можете не бояться говорить, – сказала она. – Поэтому прошу вас, – Злата положила руку на сердце, – говорите сразу. Я не люблю долгие вступительные речи. Какую тайну вы решили мне поведать?

Миодраг внимательно смотрел в голубые как небо глаза Златы. Вылитая мать. Но если Агния была по характеру кроткой, то Злата походила на своенравную непокорную змеиху – настоящая наследница рода Полоза. Умна не по годам, строптива, как Полоз, и резка, как ледяная ворожба Владыки подводных пучин. Злата не верит никому и не боится ничего. Миодраг видел, что девушка уже готова исполнить то, что больше пяти с половиной лет назад повелел ему Полоз.

– Злата, если я скажу тебе, что Полоз являлся тебе? – Как бы ни желала Злата прямого разговора, Миодраг знал, как надо поступать.

Царевна нахмурилась.

– Я никогда не видела Повелителя отца, – сухо ответила она.

Миодраг наклонил голову набок.

– А если подумать? – чуть улыбнувшись, прошептал он.

– Я не хочу думать. – Злата поджала губы и встала. – Я не люблю загадки. Если вы не скажете, зачем позвали меня сюда, я уйду в Свагобор.

– Конечно, уйдешь, – кивнул Миодраг. – Только сначала вспомни ту ночь Чернобога, когда ты нарушила слово.

Злата с недоумением посмотрела на белоснежного старца: вытянутое лицо, хитрый прищур серых глаз и нос с горбинкой придавали волхву сходство с хищной птицей.

– Когда я нечисть увидела? – шёпотом спросила царевна, глядя на Миодрага снизу вверх. Волхв тихо рассмеялся.

– Злата, ты нечистью самого Полоза назвала, – ответил Миодраг сквозь смех, и Злата села обратно.

– Но отец мне сказал, что мы с девочками видели умертвие, – растерянно проговорила царевна.

Волхв отрицательно покачал головой:

– Драгослав не хотел тебя пугать, но тогда тебе явился Дух Бога Полоза. Ты помнишь, что Он сказал тебе?

Злата удивлённо смотрела на старого служителя Богов: её волхвовское чутьё подсказывало, что Миодраг говорил правду. И тот праздник... она никогда его не забудет. И только сейчас Злата поняла, почему. Царевна поверила словам отца, только в глубине души она знала, что отец не сказал ей правды. И слова Полоза...

– «Ты совсем не похожа на них, царевна Злата», – прошептала послушница. – Полоз сказал мне так. Я никогда не забуду его слова и то, как Полоз напугал меня.

– Конечно, напугал, – кивнул Миодраг. – Явление Бога всегда пугает человека, поэтому Драгослав и решил раньше времени не говорить тебе, кого ты видела.

От мыслей об отце у Златы сжалось сердце. Как бы она хотела вновь сидеть с ним за столом и слушать то, как Драгослав говорит, что нарушать своё слово – плохо, что надо быть честной и не обманывать. Подавив подступившие к горлу слёзы, Злата спросила волхва:

– Если Полоз являл мне свой Дух, тогда я могу с Ним говорить? Сама говорить?

– Конечно, можешь, – согласился Миодраг. – Поэтому я пришёл к тебе. Тебе через пять дней стукнет шестнадцать лет, но ты сильна и мудра не по годам, царевна. – Волхв положил на сердце руку. – И это, Злата, не похвала. Ты – дочь не только Драгослава и Агнии, ты – дочь Наместника Бога и сильнейшей ворожеи, и твой Дух поистине силен. – Миодраг видел, как Злата хмурится от его слов, но продолжал свою речь: – И тебе по силам то, что не по силам людям. И ты сможешь не только с Полозом говорить, но и отправиться туда, куда не дерзнёт отправиться ни один человек.

– О чём вы говорите?

– Пять лет назад во сне я видел чёрных Птиц Неяви. – Миодраг положил на стол руки и наклонился ближе к Злате. – Полоз явил мне видение, в котором показал, как Стражницы Мёртвого Града спасли твоего отца. Повелитель поведал и о том, что Драгослав был повержен Иглой, мечом Перуна, который сохранил в себе Дух твоего отца.

– Что?! – Злата вскочила. – Как вы смеее так говорить! – возмутилась она, вытирая слёзы. – Моего отца убил Веслав! Веслав убил и мою мать! – Царевна не выдержала и зарыдала в голос.

– Усмири свои чувства, обратись к своему Духу волхва и вспомни, что случилось после того, как пал твой отец! – строго сказал Миодраг вставая. Волхв испугался, что царевна, подавшись чувствам, убежит. И тогда обратного пути уже не будет. Злата заплаканными глазами зло посмотрела на старца.

– Он упал, пронзённый мечом, – прошептала она.

– Да. – Миодраг внимательно смотрел на Злату. – А дальше? Помнишь, что случилось дальше?

– Я плакала! – воскликнула Злата. – Я плакала до тех пор, пока дружина не подвела меня к этим самозванцам!

– Вспомни! – властно проговорил Миодраг и Словом направил на Злату ворожбу, но царевна её отбила.

– Так вы заволхвовать меня хотите?! – Злата с ужасом глядела на Миодрага, который гневно взирал на царевну. – У вас ничего не выйдет! – заверила она и зашептала. Только Миодраг оказался проворнее: волхв перепел её Песнь и скрепил её же словами дверь беседки. Царевна от злости побелела и вновь приготовилась шептать, но Миодраг резко схватил девушку за руку и притянул к себе. Злата чуть не упала на старого волхва.

– Вспоминай! – властно приказал Миодраг, и поражённая его поступком Злата опешила. Волхву этого мгновения хватило для того, чтобы обратиться своим Словом к закрытой душе царевны. Миодраг почувствовал, как злость Златы опала, и отпустил девичье запястье. Злата отшатнулась от волхва и потёрла руку. Царевна продолжала с ненавистью взирать на старца, пока её глаза не расширились от понимания.

– Птицы... – поражённо прошептала Злата и села на лавку. Миодраг облегчённо вздохнул и опустился следом. Царевна хмуро на него смотрела и плакала.

– Птицы забрали тело отца, – пробормотала Злата. – Мор забрал его, да?

Миодраг отрицательно покачал головой.

– Мор спас его, – ответил он. – Ты знаешь, Полоз и Мор ещё в Золотом Веке заключили союз, – продолжил Миодраг, и Злата кивнула. – Мор спас твоего отца, забрав его Дух вместе с Иглой Перуна.

Злата не могла вымолвить и слова.

– А... – Царевна вытерла слёзы. – А тело его где?

– Тело твоего отца Мор схоронил в колодце Мёртвого Града. Ветер Неяви не даёт ему исчезнуть, – сказал Миодраг. – Полоз явил мне видение после того, как корабли вернулись из Блажена.

Злата тяжело дышала. Глаза царевны были красными от слёз.

– А что же вы столько лет молчали? – тихо спросила она.

– Ты была ещё слишком юна. Я, правда, и сейчас долго думал, не рано ли тебе рассказывать, – признался старый волхв. – Вижу, что не рано. Я вижу, что ты готова не только узнать правду, Злата.

Злата всхлипнула и осторожно взглянула на Миодрага.

– Ты готова исполнить волю Полоза и освободить отца? – спросил волхв.

– Что? – заикаясь, переспросила Злата. Миодраг поднялся и строго посмотрел в голубые глаза послушницы.

– Готова ли ты, царевна, собрать тех, кто всё ещё верит твоему отцу и Полозу? Готова ли ты, царевна, узнать, что есть те, кто не согласны с выбором Богов? Готова ли ты, царевна, отправиться на далёкий Север, к вратам Неяви? Готова ли ты, царевна, предстать перед Колодцем, спеть Песнь и разрубить пути, которые удерживают тело твоего отца? Готова ли ты, царевна, увидеть Драгослава в ином облике, но живого? Готова ли ты, царевна, вернуть себе трон?

Поражённая Злата, едва дыша, смотрела на белоснежного волхва.

– Ты готова? – повторил Миодраг, не сводя с царевны пристального взгляда.

Злата кивнула.

– Я готова на всё, – проговорила она сквозь слёзы. Полоз услышал её молитвы. Полоз ей внял.

Миодраг, утвердившись в том, что Злата ответила ему искренне, опустился на лавку.

– Я готова, – повторила Злата, продолжая плакать. – Только если я сбегу из Свагобора, меня будут искать, и...

Миодраг отрицательно покачал головой.

– Сбегать, царевна, точно не нужно, – заверил послушницу волхв. – Я подам прошение на твою отлучку из Свагобора. Пока мы с тобой гуляли, ты призналась мне в том, что всегда хотела увидеть город, которым правил твой отец, – Борей. Тебе скоро исполнится шестнадцать лет, и я хочу сделать тебе подарок.

– Но в таком случае меня отправят на корабле в Борей, – растерянно ответила Злата. – Да ещё и сестёр в сопровождение дадут...

– Правильно, отправят, – согласился Миодраг. – Мне как волхву будет позволено плыть с тобой, а сестёр – сама заворожишь, тоже мне проблема, – пожал плечами старец.

Злата всхлипнула и вытерла слёзы.

– Я не понимаю, – искренне сказала она. – Мы же на Север поплывём, зачем плыть в Борей?

– Сначала нам нужно собрать тех, кто последует за тобой, – улыбнулся Миодраг и накрыл своей ладонью руку Златы. – В княжествах, в отличие от столицы, не так благословят Освободителей, – хмыкнул волхв. – Особенно после того, как Корона вновь налоги учредила, и земли крестьянам раздала. На некоторые острова и Большую Землю морок Солнцеграда не проник, и остались те, кто верит Драгославу. – Миодраг многозначительно помолчал и продолжил: – Мы поплывём не в Борей, мы своим Словом направим кормщика на Власов остров, остров, на котором капий Полоза всё ещё в центре стоит. Там ты сможешь обратиться к Повелителю, и он поднимет воды близ Борея бурей. Бурей, в которой погибнет твой корабль, который, как все подумают, отправился в Борей.

– И все решат, что я умерла? – спросила царевна.

Миодраг кивнул.

– Ты больше не вернёшься в Свагобор. Ты станешь свободной, Злата. Ты соберёшь верных тебе и твоему отцу людей и отправишься на Север. Князь Власова острова уже ждёт тебя.

Злата выпрямилась и подалась вперёд.

– А верные мне люди, те, о которых вы говорите, не знают, что мой отец – жив? – тихо спросила Злата.

– Нет. Ты скажешь им об этом.

Злата горящими глазами смотрела на Миодрага.

– Когда вы отправите Матери Смиляне прошение на мою отлучку? – тихо поинтересовалась царевна.

Глава 3

Песнь Мора

Заснеженные скалы были настолько высокими, что их вершины терялись среди облаков. Чёрные горы украшали серые разводы: грозный монолит хранил вечную границу миров.

Вокруг Небесных Скал бушевал океан: волны вздымались до небес и ветер, холодный и колючий, нещадно рвал облака. Мир наполнял неистовый рокот стихии.

А за Небесными Скалами, далеко на Севере, где воды океана сковало ледяное дыхание Неяви, стоял Мёртвый Город. В том городе был Колодец, который вёл в Царствие Мора. Ледяной пронзающий до костей ветер дул из чёрной зияющей дыры Колодца.

Она видела истлевшее тело, прикованное цепями чёрных слов к серому камню Колодца. Она видела заледенелые белые кости, иссохшую кожу и запавшие глаза на уродливом черепе. Его волосы были белее снега, а взгляд пустых глазниц испепелял. Испепелял страданием и смертной тоской.

Она стояла напротив и полным ужаса взором смотрела на него. Её сердце замерло от всепоглощающего страха, но она не могла отвести взгляд от безглазой смерти. Она чувствовала, как душу сковывает лёд, как мысли путаются в бескрайней насланной им Тьме. Она видела, как он протянул ей руку: страшную, обезображенную, со сгнившей плотью, почти истлевшую, с белыми костями, что торчали на запястье. Она видела, как с кончиков его костяных пальцев сорвался чёрный дым Неяви. Дым закружил вокруг неё, опутал, не давал дышать, пока не поглотил свет. Истошный нечеловеческий крик сорвался с её уст, когда она, ведомая Чёрными Птицами, пала в Колодец Мора. Неистовый рокот расколовшейся ворожбы потряс Явь, когда Кощей исполнил свою месть.

Василиса с криком открыла глаза. Над ней склонился муж: Веслав мягко держал её за плечи, стараясь разбудить. Царица не сразу поняла, где оказалась: в тихом сиянии лун горница виделась продолжением кошмара. Только тёплые родные руки говорили о том, что всё хорошо.

– Ты опять кричала, – тихо прошептал Веслав и обнял жену. Василиса крепко обняла его в ответ: ей всё ещё было страшно. – Тебе вновь снился Мёртвый Город? – спросил царь, отстранившись.

– Теперь не только Мёртвый Град, – с трудом проговорила Василиса, силясь разглядеть глаза Веслава в темноте. – Я видела его.

– Кого? – непонимающе спросил царь.

Василиса молчала. Ледяной страх, оставшийся после сна, не давал говорить.

– Драгослава, – наконец сказала царица, и царь сел на постели. Даже в темноте было видно, как нахмурился Веслав. – Он жив.

Царь отрицательно покачал головой:

– Я сам пронзил его мечом, я видел, как его тело забрал Мор.

Василиса приподнялась на локте.

– Мор забрал Иглу с его Духом, – прошептала она. – А тело Драгослава Мор приковал цепями к Колодцу. Я видела его.

Царь молчал. Василиса беспокоила Веслава всё больше. Её странные кошмары начались пару лет назад, кошмары, от которых она не могла проснуться сама. Сны душили Василису, но царица не хотела обращаться к волхвам, будучи уверенной в том, что сама понимает видения: после того, как её Дух спас оберег, она стала ближе к Царствию Мора, чем другие люди.

– Зачем же Морю спасать Кошея Полоза? – спросил жену Веслав.

Василиса села на постели напротив мужа.

– Затем, зачем и Полоз поработил Агнию, а потом, с помощью неё, и твоего дядю, – вздохнула Василиса. – Ты же помнишь слова Искрена о том, что война Богов ещё не окончена.

Ты говорил, что Драгослав заключил союз с Мором. А Мор ещё в Золотом Веке заключил союз с Полозом.

– Ты думаешь, что видения тебе посылают Боги, а не Мор? – спросил Веслав.

Василиса пожала плечами.

– Кто бы мне ни посылал сны, я чувствую, что это – правда, – шептала она. – И... и сегодня я видела... – Царица замолчала и опустила голову.

– Что ты видела? – обеспокоенно спросил Веслав и обнял жену. Василиса некоторое время молчала, глядя его руку.

– Мор забрал меня, – сдавленно сказала Василиса.

– Что? – едва дыша, переспросил царь.

Василиса молча кивнула.

– Мор забрал меня в Неявь. – Она подняла взгляд на мужа. – Грядёт тёмное время, родной, – прошептала сквозь слёзы Василиса, и у Веслава сжалось сердце. – Пряжа Макоши всё ещё запутана.

– Тебе надо поведать о своих видениях волхвам, – ответил Веслав, но Василиса отрицательно покачала головой.

– Я спрашивала волхвов, являлся ли им Семаргл, – нахмурилась она. – Старцы мне сказали, что с тех пор, как пала ворожба Полоза, Боги вновь замолчали.

– Может, волхвы, как и ты, боятся говорить?

– Я бы почувствовала ложь, Веслав. Они мне говорили правду.

Царь молчал. Веслав верил Василисе, и слова жены его страшили. Что делать? Собирать войска? И против кого идти? Отправиться в Мёртвый Город людям не по силам, ветра Смерти убьют каждого, кто дерзнёт приблизиться к входу в Царствие Мора.

На протяжении пяти с половиной лет, которые прошли со дня коронации, Веслав старался держать в боевой готовности дружину, укреплял рубежи граничащих с морем княжеств. Царь проводил и Соборы волхвов, на которых велел служителям Богов обращаться к Семарглу, в надежде узнать, какую месть ждать от Змия. Но пёс не являлся волхвам. И Боги молчали. Волхвы же были убеждены в том, что Веслав беспокоится зря: Боги позволили ему предстать перед самим Алатырём, Перун даровал свой меч, которым царь одержал победу. Полоз не вернётся, говорили волхвы. И Веслав верил старцам. Верил до тех пор, пока у Василисы не начались страшные видения. Чувствовал царь, что ужасы являются жене неспроста. А сегодняшний её сон... Веслав вновь ощутил тот ледяной страх, который мучил его в юные годы. Неужели Драгослав и правда остался жив там, на краю миров? Неужели... Веславу невольно вспомнились слова Искрена о том, что Иглу с заключённой в ней Душой Кошца Полоза забрал Мор; Агния же сделалась свободной, ведь силу Мора она не приняла. Выходит, Мор спас Драгослава, как и видит Василиса.

Веслав крепче обнял жену.

– Волхвы думают, что мы одержали окончательную победу, – наконец проговорил царь. – Если ты расскажешь в Свагоборе свои видения, может, волхвы смогут истолковать их и сказать, что делать.

– Истолковать сны я и сама могу, а что делать, никто не знает, Веслав. Даже сами Боги.

– Боги знают, – мрачно сказал Веслав. – Но Они ждут нашей воли, нашей силы – я запомнил их урок. Ведь Они хотят оставить нам целый мир.

– Тогда, – Василиса обернулась на хмурого Веслава, – тогда Боги вновь незримо поведут нас. Просто, наверное, ещё не пришло время, – прошептала царица, целуя мужа. Веслав хотел возразить, но Василиса не позволила ему сказать.

– Ну, душа моя, вот и прибыли мы в Солнцеград, – улыбнулся Мухома Фросье, которая вместе с их дочкой Ясной шла рядом с Зайцем по белокаменному причалу столицы. – Отправ-
лял я бересты⁸ Веславу, ждёт нас царь.

За Мухомой и его семьёй к парадным воротам столицы шёл их слуга Осьмуша – несклад-
ный долговязый юноша, который нёс вещи князя Воыньки и его жены, и два княжеских
витязя.

– Как думаешь, про Агнешу сразу скажем им? – тихо спросила Фросья. Заяц испуганно
взглянул на жену.

– Я, душа моя, вообще не хочу говорить эти басни глупые, – признался Мухома.

– Ты сам знаешь, что не басни это! – возмутилась Фросья.

Мухома покорно кивнул.

– Тогда сразу всем поведаем, в трапезной, – решительно сказала Фросья. – Сегодня царь
устраивает торжественный обед, как писал тебе в бересте, и Гоенег с Белозёром, которые
теперь веденеями стали, тоже пусть послушают.

– Может, не надо при всех-то, – нахмурился Мухома. – Не только мы на царском приёме
будем, может, князя ещё какие-нибудь, советники. Вся та свита, которая теперь за Веславом
ходит.

– А сам-то ты теперь кто? – усмехнулась Фросья. – Тем более надо, князя князя послу-
шают, за басню наш рассказ не примут, – уверенно проговорила Фросья и указала на ожида-
ющего их царского извозчика, который с запряжённой лошадьми повозкой и двумя витязями
ждал гостей царя подле левого обелиска сокола Рарога.

Веслав и Василиса в окружении свиты спустились по парадной лестнице Царского Терема
навстречу Мухоме и его семье. Ни Василиса, ни Веслав не соблюдали вековых традиций, кото-
рые накладывали ограничения на жизнь правящей четы. И царь, и царица могли самостоя-
тельно отправиться на торговую площадь или гулять по городу, как обычная пара, среди про-
стого люда. Конечно, за Веславом и Василисой всегда следовали царские витязи, но охрану

⁸ Береста – верхний слой (белая наружная часть) коры берёзы. На Руси бересту использовали как материал для письма. В Сваргории название «береста» закрепилось для писем в целом и стало их синонимом. В Сваргории писали не только на бересте, но и на пергаменте. Также была известна и бумага, созданная из древесины примитивным способом – ручным размолом массы деревянными молотками в ступе и вычёпыванием формами с сетчатым дном.

царь держал на расстоянии. Такое поведение царя и царицы только больше располагало к ним народ.

И сейчас, вместо того чтобы дожидаться в приёмных покоях, царь и царица вышли к гостям, на радость гуляющих на Царской Площади людей. Царь широко улыбнулся другу и крепко обнял Зайца.

– Сколько лет прошло, – улыбался Веслав, оглядывая княжеское платье Зайца. Мухома ещё больше располнел, а его рыжие волосы тронул пепел седины, – князь Воляньки! – покачал головой царь и перевёл взгляд на маленькую Ясну, которая пряталась за Фросьей, и помахал ей рукой, отчего девочка только больше спряталась за мать. Фросья по-прежнему оставалась пышущей здоровьем крепкой дамой.

– Ну же, – пыталась приободрить дочь Фросья. – Поздоровайся с царём и царицей!

Ясна отрицательно покачала головой и закрыла лицо маминой юбкой.

Василиса и Веслав рассмеялись и пригласили гостей в Теремной Дворец.

– Ну, а у вас когда? – тихо спросил Заяц Веслава, когда Василиса и Фросья с Ясной прошли вперёд и стали подниматься по ступеням Царского Терема. – Наследник будет у Сварго-рей?

– Будет, – мрачно ответил Веслав и опустил взгляд. – Когда благословят Боги.

– Может, к волхвам, а?

– Обращались уже, – пожал плечами Веслав и вновь посмотрел на обеспокоенного Зайца. – Думаю, тут дело в видениях жены. Мор зовёт её с тех пор, как оберег спас её душу, – горько проговорил Веслав, и Мухома округлил глаза. – Но я Василису Морю не отдам. Я её никому не отдам, и другой жены мне не надо. Не получится у нас – Злата править будет, – заверил он друга. Заяц хотел было спросить Веслава, но царь предупреждающе покачал головой: – Потом поговорим. И прошу тебя, не говори об этом с ней, – царь кивнул в сторону жены. – Она очень тяжело это переживает.

Заяц кивнул, и они проследовали в приёмные палаты, которые в виде галереи обрамляли первый этаж теремного дворца. В приёмных палатах уже ждали Яромир и Яра с сыном Любозаром, которые остались жить в Солнцеграде. Яромир сделался царским веденеем и вместе с Вороном и военным советником Здебором участвовал в делах дружины. Несмотря на года, что сделали седыми волосы, богатырь был всё ещё крепок и меч бы уверенно держал. Яра почти не изменилась – счастье так долго ожидаемого материнства и спокойной столичной жизни будто сделали время не властным над нею – её волнистые русые волосы так и не украсила седина, а взгляд светился беззаботностью и миром бытия.

Яромир и Яра, оба в парадных одеждах, радостно приветствовали Мухому и Фросью, а Любозар пытался познакомиться с маленькой Ясной, которая вновь пряталась за мать, чем смешила взрослых. Привыкшая к спокойной деревенской жизни, княжна испугалась шумной и помпезной столицы и незнакомых людей, которые всё время желали с ней говорить.

Слуги проводили Зайца и Фросью в гостевой терем, который располагался за Теремным Дворцом. Между Царским Теремом и гостевыми теремами был разбит небольшой сад, в центре которого на небольшой площади искрился зачарованный фонтан. Гостевых теремов подле Царского Терема было три, и все они связывались между собой крытыми галереями на высоких арочных опорах. Позади гостевых теремов находился пруд, в котором раньше обитал Горыч, а сейчас жили благородные кьор. А за прудом и большим садом, что располагался за гостевыми теремами, на самой высокой выполненной в форме цветка с шестью лепестками площади Солнцеграда высился Перун.

К вечеру слуги богато украсили трапезную Царского Терема для торжественного обеда, который царь устраивал в честь своих гостей. Веслав ещё ранней весной отправил приглашение Мухоме, которого избрали первым князем Волиньки и дарованных короной деревне земель. Царь позвал и Яромира с семьёй, и Гоенегу с Белозёром, что жили при дворе. Веслав хотел развеять тоску Василисы, которая из-за своих видений и тщетных попыток стать матерью совсем погрузилась в печаль. Ах, как бы ему хотелось вновь услышать её звонкий смех! Но сны царицы сводили с ума и царя, и Веслав вновь не знал, что делать. Самым страшным кошмаром царя было не то, что его дядю, возможно, спас Бог Неяви, а то, что однажды Веслав не сможет разбудить Василису. От подобной мысли, что Мор может забрать царицу, стыла кровь.

Когда свечи были зажжены и на белоснежных скатертях стояли изысканные блюда, слуги торжественно распахнули двери трапезной перед царём и его гостями. Правящая чета Сваргореи и приближённые Короне гости сели за стол, напротив которого на небольшом возвышении располагалась сцена.

Сквозь разноцветную мозаику окон лились мягкие лучи вечернего солнца; отсветы от пламени свечей играли на золотой росписи багряных стен и начищенном столовом серебре. В зал прошли музыканты и, поклонившись царю и царице, расположились на сцене. Заиграла нежная музыка, и слуги стали обслуживать пирующих людей. Ясна вновь пряталась за мать, а Любозар не хотел сидеть за столом, желая пройти к музыкантам, и Яра с Яромиром с трудом удерживали непоседливого сына.

Гоенег сидел подле Василисы, а Белозёр – рядом с Веславом. Хоть Гоенег и потерял крепость тела, сделавшись под стать своим годам, его взгляд был по-прежнему остр; глаза сухонького Белозёра ещё больше украсили морщины. Веслав даровал старикам титулы веденеев, но ни охотник, ни рыбак так и не занялись государственными делами. Зато оба давали молодому царю житейские советы, и именно они предложили Веславу вновь собрать своих друзей. Гоенег сильно переживал за дочь, но, как и Веслав, не представлял, что делать. Гоенег знал, что, по просьбе Василисы Яра обращалась за помощью к сестре покойной травницы Настасьи (Настасья умерла от старости год назад) – Малуше, но её рецепты не помогли. Гоенег даже уговорил Василису сходить в Свагобор, волхва-врачевательница которого прописала царице травы, что должны были справиться с её кошмарами. Но и это не помогло. Не помогло и снадобье волхвов Велейных островов, которое Гоенег купил у купцов, обещающих, что чудесный отвар поможет деве стать матерью. И сейчас бывший охотник видел, что, несмотря на старания музыкантов и встречу с давними друзьями, царица оставалась печальной. Василиса, конечно, улыбалась, но её улыбка была вымученной. О своём последнем видении Василиса не сказала отцу, просила Всеслава никому не говорить. Царю не понравилось желание жены молчать о таких важных вещах, однако он исполнил её просьбу.

Мухома, который понял, почему царь устроил торжественный приём, собрав только самых близких (других князей и веденеев, как думал Мухома, на обеде не было), искренне пытался развеселить Василису. Его душевные порывы были не всегда уместными, и Фросья несколько раз одёргивала мужа за его попытки рассмешить царицу не очень культурными байками.

– Василиса, – Фросья положила руку на сердце, – не сердчай на Зайца. Он порой не очень дружен с головою.

– Как ты говоришь, душа моя?! – наигранно воскликнул Мухома. – Я же князь теперь!

– Князь, – усмехнулась Фросья. – Если бы с титулом ещё и воспитанность даровали!

– Это тебе бы точно, Мухома, не помешало бы, – подтвердил Яромир, всё ещё старающийся уговорить сына сидеть спокойно.

– Не сердчаю я на Зайца, – понимающе ответила царица и кротко улыбнулась. – Не ругай его, Фросья.

– Видишь! – улыбнулся Фросье Мухона. – Сама царица за меня заступается!

За столом рассмеялись. Ясна наконец оставила подол платья матери и своими большими глазами посмотрела на смеющихся людей.

– Как поживает Агнешка? – спросила Василиса Мухому, и князь чуть не подавился. Фросья сердито взглянула на мужа и перевела взор на Василису, которая, почувствовав неладное, хмуро смотрела на Зайца. Царь тоже внимательно смотрел на князя Волыньки.

– Василиса, – заговорила Фросья, когда поняла, что муж не хочет отвечать. – Ты знаешь, Агнеша очень любил лес. – Княгиня смотрела в хмурые глаза царицы. – Агнешка сначала рассказывал, что общался в лесу с женщиной, – теперь и Гоенег с Белозёром обратили взоры на Фросью. – Затем сын рыбака Тихона уверял всех, что встретился с лесным народом.

– С лешими? – удивлённо переспросила Василиса.

Мухома и Фросья кивнули.

– Агнеша говорил, что у него появился друг из леших, – ответил Мухома. – Говорил, что этого его лешего Индрик послал. Кроме меня сыну рыбака никто не верил, – добавил князь.

– А что ещё Агнешка говорил, Мухома? – спросил Веслав.

– Он говорил, что... – Заяц бросил взгляд на Фросью, которая ему кивнула. – Он говорил, что Индрик передал, будто грядёт тёмное время для Света. Агнеша молвил, что Царь Зверей звал его ради важного дела, а когда я пытался узнать, ради какого дела, юноша мне не сказал. – Фросья кивнула словам мужа. – Я даже пытался отправиться вместе с Агнешкой к лесному народу, говорил сыну Тихона, что знаком с Индриком, да только мальчик не слушал меня, – сокрушался Заяц. – Сам Тихон не слушал меня, всё к волхвам в Половодье сына везти собирался, пока... пока Агнешка не пропал.

– Как? – удивилась Яра, и Любозар передразнил мать, так же удивлённо открыв рот. Но взрослые не обратили внимания на мальчика.

– Да вот так, – пожал плечами Мухома. – Отправился в лес и не вернулся. Правда, перед тем как уйти, Агнешка ко мне пришёл и попросил тебе, Василиса, кое-что передать. – Заяц испуганно посмотрел на царицу. – А я, глупец, сразу и не понял, что Агнешка тогда прощался...

– Он бы всё равно ушёл, – уверенно ответила Василиса, – ты не виноват. Что он передал мне?

Мухома обернулся на Фросью, и она накрыла своей ладонью его ладонь. Веслав нервно сжал в руках столовые приборы. Ясна тоже глядела на отца.

– Что он просил передать? – вновь спросила Василиса. – Не тяни, Мухома! Прошу!

Князь вздохнул и посмотрел на царицу.

– Знайте, я не хотел эти басни говорить... – признался он.

– Мухома! – Терпение лопнуло и у Веслава. – Скажи прямо как есть.

Князь долго смотрел на царя и царицу. Заяц было боязно говорить о том, о чём он пытался мыслить как о байке юного мальчишки. Но чем больше Заяц думал о том, что поведал ему сын рыбака Тихона, тем яснее чувствовал, что юноша ничего не выдумывал.

– Агнешка сказал, что женщина из леса просила тебя не смотреть в видениях в Колодец, – наконец проговорил Мухома, и за столом воцарилось молчание. – Я не знаю, о каком Колодце толковал Агнеша, но...

– Что «но»? – едва дыша, спросила Василиса.

– Та женщина в лесу говорила Агнеше, что он заставит тебя смотреть, – ответил Мухома. – Ума ни приложу, о ком тут речь и что это за Колодец. И вот когда он наберётся сил, он понудит тебя смотреть, и ты должна не отвечать на его зов. Ибо если ответишь, то... – Заяц не выдержал и замолчал.

– Если я отвечу, то меня заберёт Мор, да? – закончила за Зайца Василиса, и Мухома кивнул.

– Околесица какая-то, да? – растерянно проговорил князь Волянски.

– Ещё какая, – нахмурился Белозёр, обеспокоенно глядя на названного сына.

Василиса положила приборы и закрыла лицо руками. Веслав, невзирая на этикет двора, обнял жену.

– Я никому тебя не отдам, – заверил он Василису, но она только покачала головой.

– Если бы я тогда по-настоящему умерла, этого бы не было, – тихо сказала царица, и Гоенег всплеснул руками. «Отец Сварог!» – прошептал Белозёр, схватившись за сердце. Яра и Фросья ахнули. Ясна попробовала удивиться, как и взрослые. – Равновесие сил было бы сохранено: погибла Агния и должна была погибнуть я.

– Что ты говоришь, родная?! – ужаснулся Веслав. – Никогда так не говори! Даже Птицы спустились помочь тебе, твоя жизнь – дар Богов! И... я бы никогда не стал царём, не будь тебя рядом. Если бы ты тогда погибла, я бы ушёл к волхвам.

– Да, дочь, – кивал Гоенег, – послушай мужа, он дело говорит! И как ты можешь так думать, что тебе надо было... – Гоенег запнулся, – умереть?

Василиса опустила руки и посмотрела на собравшихся за столом родных. Тёплые свечи освещали просторный зал трапезной, играли музыканты и слуги подносили новые яства. Но казалось царице, будто ледяной холод её видений, что мучали её ночами, витает даже в Теремном Дворце. Она обернулась на мужа, который хмуро смотрел на неё, и попыталась улыбнуться.

– Я не прыгну в Колодец, обещаю, – заверила Василиса Веслава, и царь крепко сжал её ладонь. – Я не буду внимать Песне Мора.

– Подождите, – проговорил Яромир, – то есть то, что поведал Заяц, – не сказки мальчика, который наелся в лесу мухоморов?

– Папа, мухоморы не едят! – поправил отца Любозар, но Яромир, хмурясь, смотрел на Василису.

– Нет, – ответила ему Василиса. – Я вижу те сны, о которых говорит Мухома. – Царица посмотрела на замершего Зайца. – Это Колодец Мёртвого Града, который находится на Севере. К стене того Колодца Мор приковал цепями Драгослава. Кощей теперь слуга Неяви и царь Мёртвой Страны.

– Что? – хором спросили все, кроме Веслава, который сидел, понутив голову. Торжественный обед в кругу близких, которым царь хотел поднять настроение жене, только больше тяготил душу. Но, думал Веслав, Василиса хотя бы расскажет о том, что видит, остальным. И кто знает, может, Боги явят через кого-нибудь ответ. Даже Мухома принёс весть от самого Индрика, а это вселяет надежду на то, что Боги ещё помнят о людях.

– Я видела пленённого Кощей, – со вздохом ответила царица. – Его спас Мор. И Кощей звал меня.

– Отец Сварог... – еле вымолвил Заяц.

– Папа? – тоненьким голоском поинтересовалась Ясна, но Фросья приложила к губам палец, призывая дочку сохранять молчание. Ясна вновь спряталась за мать.

– Перун Всемогущий, – прошептал Белозёр, хмуро глядя на Веслава. Какие же ещё испытания Боги преподнесут и так натерпевшемуся от них сыну?

– Что же ты молчала, дочь?! – воскликнул Гоенег и укоризненно посмотрел на Веслава. – И ты, царь-батюшка, потакаешь ей! Такие вещи надо сразу говорить, к волхвам обращаться!

– Мы обращались, отец! – не дала ответить Веславу Василиса, и Гоенег сокрушённо покачал головой.

– Хоть и стала ты царицей, а разума не набралась...

– Даже твои снадобья не помогли мне, отец! – печалилась царица. – Правильно Агнешка передал – только мой дух способен защитить меня.

– Позволь нам помочь тебе, – обратился к жене Веслав. – Не закрывайся от нас.

Василиса посмотрела во встревоженные глаза мужа: как бы она хотела, чтобы он был в силах ей помочь. Но Веслав не видел её снов, он не чувствовал того холода, который сковывал её сердце. Царь не ощущал силу Неяви, как она: Веслав никогда не умирал. С тех пор, как начались видения, Василиса поняла, что после того, как душа покидает тело, она становится иной. Её душа вернулась в тело из оберега, но этого было довольно для того, чтобы почувствовать дух Неяви, холод и одиночество вечности. Царица кротко кивнула мужу только потому, что любила его. Но Василиса знала, что ей никто и никогда не сможет помочь: никто из живущих не чувствовал студёного ветра от взмахов крыльев смерти.

– Я буду обо всём говорить, – заверила близких царица, но Веслав продолжал хмуро смотреть на жену. Такие обещания Василисы не сулили ничего хорошего: царь боялся, что она и ему перестанет рассказывать о снах.

– Давай обратимся к Великому Волхву за советом, как твой Дух укрепить в борьбе с Неявью? – предложил жене царь.

Василиса вновь покорно кивнула и обвела взглядом близких людей. Несмотря на тоску, в которую погружали Василису видения Мора, царица радовалась тому, что её родные собрались вместе. Как в те беззаботные времена, когда они ещё жили простой деревенской жизнью и сидели не за царским, а за деревянным столом, а сама она, Василиса, пекла для них блины и хлеб. Теперь, кажется, она понимала Веслава, который всегда стремился к тихому бытию. Но...

– Если Боги передали нам весть о том, что Драгослава спас Мор, значит, дадут и силы и вновь направят нас на путь. – Василиса попыталась улыбнуться. – А теперь давайте оставим мысли о Кощее в стороне Неяви.

– Вот теперь я узнаю свою дочь, – улыбнулся Гоенег, и Василиса тепло посмотрела на отца.

– Силам Неяви не одолеть Свет, – уверенно сказал Белозёр, глядя на Веслава и Василису, которая кивнула свёкру.

Слуги принесли новые блюда, и мальчик-служка доложил о том, что артисты прибыли ко двору. Василиса удивлённо взглянула на мужа, но Веслав, пожав плечами, дал разрешение приглашать артистов.

Музыканты закончили играть, слуги отворили двери, и перед царём и его близкими предстали девушки в белых с широкими алыми поясами платьях и кокошниках с фатой. Девы поклонились царю и царице в пол и встали перед музыкантами, вытянувшись, как струнки.

Заиграла музыка, и девушки стали танцевать. Их движения были плавны, легки и грациозны, подола платьев поднимались, открывая худые ноги, украшенные лентами танцевальных туфелек. Вначале танец был мягким и нежным, но музыка убыстрялась, вместе с ней и быстрее кружились в хороводе танцовщицы, которые теперь будто плыли над полом. Прозрачная фата кокошников летела за девами, словно ветер, и плясуньи непринуждённо исполняли сложные па, танцую слаженно, все как одна. Когда музыка достигла своего апогея, девы закружились в быстрых поворотах, юбки их платьев поднялись, сделав девушек похожими на цветы. Музыка, громыхнув, внезапно оборвалась, и девы тут же замерли, будто статуэтки.

От увиденного чуда Василиса рассмеялась, Яра всплеснула руками. Непоседливый Любозар и Ясна во все глаза смотрели на прекрасных дев. Танцовщицы поклонились и расступились перед молодым гусяром в золотых одеждах. Царские слуги принесли поэту стул, и гусяр, поклонившись обедающим в пол, сел и заиграл. Музыканты тихо ему аккомпанировали. Голос у поэта был сильный, мощный, бархатный и глубокий. Гусяр пел древние сказания о Золотом Веке, былины и легенды. По просьбе царя певец не исполнял так горячо любимых народом песен о нём самом и о Василисе, что освободили Сваргорею от ворожбы Полоза. Когда сказитель закончил петь и с поклоном удалился, Василиса искренне улыбалась. Любозар и Ясна хлопали в ладоши.

После гусяра вновь плясали девы, за которыми выступали факиры с небесным огнём-Сварожичем, и снова танцевали юные плясуньи...

Веслав обернулся на жену: на щеках Василисы проступил здоровый розовый румянец. Улыбка царицы была настоящая, как в те времена, когда они только вернулись из Блажена в Солнцеград, и им обоим казалось, что всё плохое позади. Значит, подумал царь, он будет чаще веселить жену, он обратится к волхвам, он сделает всё что угодно, но не позволит силе Неяви забрать Василису. Царь думал о том, что проведёт Великий Царский Собор, на который созовёт князей Палаты, что учредил ещё его дядя, и царских веденеев, и волхвов. Веслав увеличит жалованье дружине и за лето построит ещё корабли. Царь будет готов к тому, о чём предупреждал Искрен, даже если двор и волхвы его в том не поддержат, – ведь только тогда Боги смогут направить его по пути.

Глава 4

Веснянка

– Ты идёшь весну звать? – рассмеялась Забава и опустилась на лавку рядом с Мирославой, которая продолжала смотреть в окно. Яркое вечернее солнце разливалось золотом по улице за окном: по украшенным резьбой избам с гульбищами, по дымчатым берёзам, что росли у заборов; по светлой дороге, по обеим сторонам которой пробивалась первая трава; по сложенным подле заборов поленницам. На улице уже собирались гуляющие – нарядные девушки и молодые люди.

– Да, кажется, весну звать уже и не надо – смотри-ка, как Хорс светит! – Мирослава обернулась на старшую сестру и улыбнулась. Вечернее солнце, преломляясь на стёклах, играло в сестринских русых волосах и отсветами разбегалось по избе: зайчиками дрожало на белёной печи, на стоящей подле неё утвари, золотило сушащиеся под потолком травы. – Весна пришла уже.

– Пришла не пришла, а звать-то Ярилу с Ярой надо! Смотри, – Забава махнула рукой на стол, на котором стоял плетёный коробок с печеньями в виде птиц, – матушка нам куликов напекла, будем птичек за теплом отправлять!

– Ты иди, Забава, гуляй до утра. Может, тебя на рассвете хороводницей выберут, и позовёшь нам тепло!

– А ты что в избе делать будешь? С родителями тосковать?

– Почему же тосковать, – пожал плечами Мирослава. – Отпустим птичек с крыльца, поужинаем и спать ляжем.

Забава хмуро посмотрела на сестру.

– Скука смертная. – Забава покачала головой. – Ты же знаешь, заклинание весны пропускать никак нельзя! Тем более девушкам на выданье, – многозначительно добавила она, и Мирослава рассмеялась.

– Ах, вот оно что! – хитро улыбнулась Мирослава. – Не о весне ты думаешь, Забава!

– Не всем же как тебе – по лесам одной бродить да бересты читать! – подбоченилась Забава. – Мне – семнадцать, тебе – пятнадцать! Пора и о женихах думать. А то ещё в Свагобор волхвою заберут.

– Хорошо бы, если бы забрали, – честно ответила Мирослава, и Забава удивлённо посмотрела на сестру. – Я бы ворожеей стала... – мечтательно добавила Мирослава.

– Да сдалась тебе эта ворожба, – поморщилась Забава, – с ней и ум Сварогу легко отдать! Лучше пойдем гулять да весну звать!

– Вот и иди гулять, ведь в праздник родители позволяют, – нахмурилась Мирослава. – Меня-то зачем зовёшь?

– Да потому и зову, сестра, что по всей Еловой уже молва ходит, мол, Мирослава-краса только в лес ходит, а от женихов нос воротит! Нелюдистой считают тебя, сестрица, да странной. Хорошо, что только я видела, как ты с Таёжной речушкой беседы ведёшь, а то бы в деревне таких сказок о тебе насочиняли, ух! Ведь все знают, что за река у нас такая. – Забава укоризненно покачала головой. Но Мирослава кротко улыбнулась.

– Да хорошая речка, звонкая и чистая, – пожал плечами Мирослава. Людской молвы Мирослава не слушала, а гулять у речушки любила: вода в ней будто живая была, и Мирославе казалось, что Таёжная понимает её думы лучше людей. – А люди – Сварог с ними – пусть думают что хотят, – махнула рукой Мирослава. – Какое мне до остальных дело?

– Вот ты дивная у меня, – всё не соглашалась Забава. Подумала немного и спросила: – А ради меня весну звать пойдешь?

– Да неужели ты сама не справишься? – удивилась Мирослава. – Вон, когда вечерами тайно на гулянья ходишь – не боишься ведь!

– Ох, не справлюсь, – лукаво улыбнулась Забава. – Вся Лесная на Красну-Весну соберётся! И Вель там будет солнце звать... – Забава опустила взгляд.

Мирослава рассмеялась и хитро взглянула на заалевшую сестру.

– Ах, теперь понятно, почему не справишься! Никак Вель твоему сердцу мил?

– Кажется, мил, – тихонько сказала Забава и кротко спросила: – Ну что, идёшь со мной? – С просьбой посмотрела на Мирославу.

– Ну как же я тебя в такой беде оставлю, – улыбнулась Мирослава. – Коли ты меня ради себя просишь – пойду звать весну!

Деревня Еловая располагалась недалеко от Северной Тайги в Половодском княжестве, которое теперь соседствовало с княжеством Вольнским. До озёр Половодья деревенским было далеко, только маленькая речушка вытекала из тайги недалеко от Серебряной Горы – невысокого холма, названного так из-за цветов белой ветреницы, которые во время цветения усыпали холм так, что он казался серебряным. Саму речушку величали Таёжной, но воду брать из неё не решались – ходила молва, будто начало речка в Чёрном Озере брала и вода её Словом Чёрного Волхва поражена.

Весну люди начинали звать с первого дня месяца брежена⁹. Если в начале весны песни пели тихо, то с наступлением тепла веснянки – песенки-заклички – становились веселее и радостнее. Сварогины звали не только Ярилу и Яру, но и птиц, которые должны были прилететь из тёплых краев и помочь силам весны принести тепло. В день весеннего равноденствия провожали Зиму, сжигая её чучело. А на праздник Красной Весны, что проводили двадцать пятого дивена¹⁰, молодые люди водили хороводы, пели песни, дабы тепло, уже пришедшее, более не покидало Северные земли.

Когда Мирослава и Забава, обе нарядные, вышли из дому, солнце почти село, и по всей деревне молодые люди грели весну: разжигали огни, водили хороводы и прыгали через костры. Под весёлые переливы кугикл дети подбрасывали испечённых птичек в воздух, зовя их живых собратьев из тёплых краев. Радость разливалась по Еловой вместе с песнями птиц и сладким ароматом весны, который витал в воздухе.

– Какая красота, ты смотри! – улыбалась Забава, когда сёстры вышли за ворота своего дома. – А ты в избе сидеть хотела!

– Хотела, – согласилась Мирослава, взяв коробок с печеньем в другую руку. – Если бы не твои дела сердечные – точно бы осталась.

– Не говори об этом громко! – вспыхнула Забава и приложила палец к губам.

– О чём не говорить громко? – раздался позади веселый девичий голос, и сёстры обернулись: со стороны улицы к ним шла Марфа – весёлая девушка из соседнего дома.

⁹ Брежен – март.

¹⁰ Дивен – апрель.

– О том, что я на праздник идти не хотела, – нашлась Мирослава, и Забава облегчённо вздохнула.

– Почему не хотела? – удивилась Марфа.

– Не люблю я громкие праздники, – пожалала плечами Мирослава.

– Любишь не любишь, а весну звать надо! – уверенно ответила Марфа, и девушки пошли по шумной праздничной улице. – Вон, красавица-то какая! Волосы выющиеся да золотые, а глаза – синие, как небо. Хороводницей сделаем!

– Не надо хороводницей, – нахмурилась Мирослава. – Пусть в этом году Забава Ярилу и Яру зовёт! Она краше меня будет: русая коса, зелёные глаза!

– Надо-надо, – согласилась с Марьей Забава, которая очень хотела, чтобы сестра с ней гуляла. Ведь нелюбимость Мирославы порой и на неё саму тень бросала – молодежь частенько спрашивала Забаву, почему её сестра будто не из мира и не досталось ли самой Забаве того же характера. – Вот придёт по твоему, Мирослава, зову весна, каждый праздник петь будешь!

Подружки рассмеялись. Мирослава открыла коробок, достала испечённых птичек, и девушки, подбросив фигурки, хором спели веснянку.

– Ай-ай, а птички недалеко улетели! – Крепкий юноша с чёрными как смоль волосами, в белой, перевязанной красным поясом рубахе, что была видна из-под распахнутой свиты, подошёл к подругам. Храбрость покинула Забаву: она сделала легкий шажок назад, увидев Веля.

– Далеко, ты просто не заметил, – уверенно ответила Марфа.

– Не далече того камешка, – хмыкнул Вель и лукаво посмотрел на Мирославу, которая держала коробок. – Жаль, птичек только девушки и дети отпускают.

– Если бы птичек отпускали хлопцы, это было бы похоже на состязание в метании камней, – фыркнула Марфа и, взяв у Мирославы птичку, положила печенье в рот.

Вель рассмеялся и, вновь посмотрев на Мирославу, предложил:

– Идёмте с нами праздновать? Моя сестра тоже птиц напекла.

– Идём! – радостно согласилась Марфа.

Вель повёл девушек в сторону молодых людей, которые собрались у поленницы¹¹ на другой стороне улицы. Последние лучи заходящего солнца золотили призрачные верхушки берёз, крыши деревенских домов, теряясь в сизых вечерних тенях. Празднующие смеялись и пели песни, но лёгкий весенний ветерок был по-зимнему свеж. Мирослава невольно нахмурилась: будто бы Матушка-Природа весне была не рада.

– Моя сестра, Святослава, – представил Вель черноволосую девушку Забаве, Марфе и Мирославе, когда подруги подошли к собравшимся у поленницы, – Лад, – Вель указал на кучерявого юношу, и тот легонько поклонился. Вместе с Ладом пришли на праздник рыжеволосая Лучезара с младшим братом Богданом, таким же рыжим, как и сестра, и высокий статный Всеволод, который, как показалось Мирославе, был старше всех.

– Пойдёмте на деревенскую площадь, – предложила Святослава, протягивая подошедшим девушкам коробок со своими птичками. Подруги вежливо взяли печенье и угостили своим. – В этом году, говорят, двенадцать золотых костров разведут, вокруг центрального, с небесным пламенем!

– Диво-то какое будет! – обрадовалась Марфа и, осмотрев себя, обеспокоенно сказала: – Главное, юбку маменькиного сарафана не опалить. А то ведь ругать будет, храни меня Сварог!

– Главное самой не опалиться, – заметила Лучезара, и Лад кивнул.

– Да разве когда опаливались? – удивилась Марфа, и молодые люди пошли по улице.

– Опаливались, – ответил Всеволод. – Ты забыла, как в том году пламя взметнулось, когда Марья прыгала? От девицы только черевички остались.

¹¹ Поленница – аккуратно сложенные под навесом дрова.

– Тоже мне басни травишь! – покачал головой Лад. – Не было такого. Марья сама в огонь шагнула – ум её давно у Сварога был!

– Да, Марья странная была, всё о русалках да о леших толковала, – согласилась Лучезара. – Но где это видано, чтобы сам человек в огонь ступал? Прав Всеволод – пламя разбушевалось да спалило её.

– Наверное, ветер сильный подул, – предположила Святослава. – Вот и взметнулось пламя.

– Да никогда прежде Стрибог так не поступал! – отрицательно покачал головой Лад. – То Марья сама в огонь шагнула. Ведь все знают, что она Ивана любила, а он за Яролику посватался.

– Конечно, – кивнула Забава, – разве нужна Ивану юродивая, что в русалок верит и с водой беседы ведёт? Марья одинокая была, даже дома не жаловали, вот она и наложила на себя руки.

– Наверное, так Боги на Марью свой взор обратили, – пожал плечами юный Богдан. – Пожалели деву.

– Ну, скажешь ещё, – возмутилась его сестра. – Навью она стала, раз сама себя убила. Богам подобное не по нраву.

Мирослава невольно замедлила шаг: беседа, которую вели юные сварогины, была не по душе ей, оведала льдом и тоской. Но молодые люди так увлеклись, что даже птиц не отпускали и веснянок не пели – они стали спорить о том, как погибла Марья на празднике год назад.

– Не любишь страшные истории? – тихо спросил Мирославу Вель, и она от неожиданности вздрогнула.

– Не люблю, – нахмурилась Мирослава. Слова сестры её особенно печалили, но она не сказала об этом Велю. – Да и зачем подобное в праздник обсуждать? – девушка взглянула на Веля, который мягко посмотрел в ответ.

– Согласен, – кивнул Вель. – Весну надо звать, а не мёртвых поминать.

– Не хотела я и весну звать, – вздохнула Мирослава. – Сестра заставила, – призналась она.

– Неужели такой красе, как ты, гулянья не милы? – удивился Вель.

– Нет, мне гулянья не милы, – покачала головой Мирослава. – Вот сестре гулянья по нраву!

– Знаю, – улыбнулся Вель. – Забава частенько тёплыми ночами с подругами по селу до утра гуляет.

– Она у меня такая, – улыбнулась Мирослава.

– Неужели родители её ни разу не ловили?

– Сама диву даюсь! Может, она волхвованию где научилась? – рассмеялась Мирослава, за ней и Вель.

Забава обернулась на смех и на мгновение замерла. Но тут же взяла себя в руки, замедлила шаг и, взяв у Мирославы из коробка птичку, протянула её Велю.

– Я знаю, юноши не отпускают птичек в небо, – проговорила Забава, вставая между сестрой и Велем, – но, может, угостишься?

– Угошусь. – Вель принял сладость и взглянул на Мирославу, которая догнала Лада с Лучезарой и теперь шла впереди.

– Сама пекла! – похвасталась Забава.

– И почему твоюстряпню сестра несёт? – хитро улыбнулся Вель.

– А что в том такого? – растерялась Забава.

– Ничего, – пожал плечами юноша. – Вкусное печенье.

Деревенская площадь была окутана дымом и жаром костров: в самом её центре располагался большой костёр из небесного огня-Сварожича, вокруг которого сложили двенадцать малых золотых. Всполохи золотых и небесных огней играли на окружённых заборами изб, бежали по деревьям и крышам домов. Молодые люди водили хороводы, прыгали через костры, смеялись, пели песни; факиры танцевали с огнём под музыку кугикл и свирелей. Толпа гудела и плясала, закружила вновь пришедших на праздник в хороводе. Мирослава потеряла из виду Забаву и остановилась, стараясь разглядеть сестру, но её чуть не сбили с ног танцующие. Мирослава хотела было отойти, но кто-то сильный взял её за руку и повёл в хоровод. У девушки не получилось освободиться, коробок с печеньем выбили и подхватили под другую руку. Хоровод понёс Мирославу, подобно могучей реке, закружил в безудержном танце огня, песен и смеха. Мирославе сделалось дурно, но река вдруг остановилась и Мирослава оказалась напротив большого пылающего жаром золотого костра.

– Ну, смелее! – раздалось позади, и Мирослава обернулась: молодые люди, и девушки, и юноши, раскрасневшиеся от танцев и хмеля, ждали того, как она прыгнет через костёр. – Не соломенная, не сгоришь!

Мирослава вновь взглянула на костёр: золотое пламя опаляло, его языки взлетали высоко.

– Ты так и будешь там стоять? – возмутилась другая девица, и Мирослава вновь обернулась. Позади неё девушка её возраста, подняв все свои юбки до колен, готовилась перепрыгнуть огонь.

– Я не хочу прыгать, – призналась Мирослава и попыталась отойти в сторону, но толпа не пустила её.

– Такая красавица, а трусиха! – выкрикнул кто-то, и люди рассмеялись.

– Да, я трусиха! – с вызовом ответила Мирослава. – Я не буду прыгать! – решительно сказала она и уступила место девушке, которая держала свою юбку.

Толпа ещё пуще рассмеялась, девушка ещё выше подняла свои юбки («Какой позор!» – подумала Мирослава) и прыгнула через горящее пламя. Со звонким смехом опустила юбку и помахала Мирославе рукой.

– Трусиха! Видишь, не растаяла я! – звонко хохотала девчушка.

Мирослава попробовала выйти из круга, но её вновь не пустили. Толпа только плотнее обступила костёр и Мирославу.

– А давайте заставим её прыгнуть? – предложил кто-то. – А то чую, с такими недотрогами Ярила не придёт нас греть! И Яру-весну не позовёт с собой!

– Пожалуйста, не надо! Я не хочу прыгать! – искренне говорила Мирослава. – Вон, есть у нас девушки-веснянки, – она показала рукой на девицу, которая ещё раз перепрыгнула высокое пламя, – что хорошими невестами Яриле станут!

– Каждая должна быть хорошей невестой! – громко сказала прыгунья и, взяв Мирославу за руку, потянула её к костру.

Толпа гудела, пламя дышало жаром, когда Мирослава вновь оказалась перед костром.

– Прыгай! – прокричали молодые люди хором.

– Только юбки подбери, – прошептала на ухо прыгунья. – А то в том году Марья вместе с сарафаном своим спалилась, только черевички от неё и остались!

Мирослава с ужасом смотрела в огонь.

– Отпустите меня, – прошептала она, почти плача.

– Прыгай! – требовательно раздалось позади.

– Не буду! – возмутилась Мирослава. – Это праздник Весны, а не казнь! Что с вами со всеми творится? – Она обернулась на толпу.

– Хмель с ними творится, – услышала она громкий знакомый голос. Толпа зашевелилась, пропуская кого-то, и к костру вышел Вель. – Пойдем отсюда. – Он протянул Мирославе руку, и девушка приняла помощь. Под сдавленные смешки и не очень приличные замечания Вель вывел Мирославу из круга.

– Почему ты не пошла с нами? – строго спросил Вель, ведя растерянную Мирославу сквозь гуляющую толпу. – Зачем с ними хороводы водила?

– Они меня сами за руки схватили, – призналась Мирослава. – Я не смогла освободиться. Даже коробок с птичками, которых матушка нам напекла, выбили! Теперь и Весну звать не получится...

– Ничего, у Святославы целый короб пташек, – успокоил Мирославу Вель. – Ты говоришь матушка пекла?

– Да, – согласилась Мирослава. – А что?

– Передай ей, что вкусно очень, – улыбнулся Вель.

Забава, Марфа, Святослава и друзья Веля расположились недалеко от одного из золотых костров: Богдан, брат Лучезары, достал из заплечной сумки дудочку и играл на ней, а молодые люди пели и танцевали. Забава, завидев подходящих к ним Веля и Мирославу, вышла вперёд.

– Отец Сварог! Я уж переживать стала, куда это ты пропала! – Забава решительно взяла младшую сестру под руку и встала между ней и Велем. – Спасибо, Вель! – обратилась она к юноше, который сдержанно кивнул. – Помог нам очень!

Мирослава хмуро посмотрела на сестру и освободилась от её рук.

– Я потеряла матушкиных птиц, – сказала Мирослава грустно. – В хороводе коробок из рук выбили.

Забава испуганно взглянула на Веля, но, заметив, что тот не обратил на слова сестры внимания, прошептала Мирославе:

– Ничего страшного! У Святославы много птичек, всем хватит!

Мирослава кивнула в ответ, к ним подошла Святослава.

– Давайте все вместе весну позовём! – предложила она. – Станцуем солнечный хоровод, споём веснянку!

– Да, а Богдан будет играть нам! – поддержала Лучезара.

– Давайте! – обрадовалась Марфа. – Что петь будем?

– Птички-жаворонки? – предложила Мирослава.

– Отлично! Кто предложил – тот и запекает! – улыбнулась Марфа, взяла у Святославы из короба печенье и положила в рот.

– Хватит кушать птичек! – возмутилась Забава. – Нам ещё зарю встречать надо, а наш короб Мирослава потеряла.

– Тут на всех хватит, – мягко улыбнулась Святослава и, поставив коробок на землю, обратилась к Мирославе: – Ну, девица, предложила – запевай! А мы в хороводе подхватим!

– Давай, сестра, говорили же, хороводницей выберем! – Забава отвела Мирославу в середину круга и, взяв одной рукой Святославу, а другой – Веля, повела хоровод. Богдан встал рядом со смутившейся Мирославой, а Лучезара с Ладом замкнули хоровод.

Богдан заиграл на дудочке, но Мирослава некоторое время молчала: улыбки друзей светились радостью (хотя Забава, как заметила Мирослава, теперь смотрела на неё как-то иначе),

но Мирославе стало не по себе. Ей часто делалось неловко от внимания других людей, нынче же чувство казалось холоднее и глубже. И песнь Богдановой дудочки будто зиму, а не весну, закликала. Да и весенний ветер, что раздувал пламя костра, был больно студёным. Мирослава покачала головой, отгоняя наваждение, шумно вздохнула, посмотрела на высокое темнеющее небо и запела:

Птички-жаворонки!
Несите к нам на крыльях лето,
Заберите зиму паводками,
Много песен Весне спето!

Птички, летите,
Зовите нам лето,
Студеную зиму унесите,
А то зерна у нас нету!

Вот тепло придёт,
Зима на саночках уйдёт,
Солнышко согреет,
Землю обогреет!
Птички-жаворонки, смотрите!
Тут песни вам поют,
Тут – блины пекут!
Птички-жаворонки, летите
Да Весну зовите!

Птички-жаворонки, летите
Да Весну зовите!

С каждым спетым Словом Мирославе чудилось, будто бы мелодия дудочки сливается воедино с её песней. Каждое спетое Слово придавало сил и наполняло теплом. Музыка Богдановой дудочки не отпускала хороводницу, Мирослава пела, и ей виделось, что мелодия течёт сквозь тело – едва слышимая, но явная Песнь. И эта Песнь была Словом, и была она повсюду: в земле и в воде, в тонких ветвях берёз и первых сочных листочках и набухших почках; Песнь струилась по стволам деревьев, она давала жизнь полям и лесам; Песнь искрилась радостью в глазах людей, но и отзывалась в их душах тёмной вечной тоской. Песнь даже слышалась в деревенских домах, на резных ставнях которых играли отсветы ночных огней...

Мирослава пела, не заметив, как хоровод вокруг неё стал больше и что вместе с ней закликали Весну не только её друзья. От Песни стало так жарко, что Мирослава скинула свиту, оставшись в алом сарафане, надетом поверх белой украшенной красной вышивкой рубахи. Кто-то из хоровода протянул Мирославе птичку и деревянную чашу. Мирослава с поклоном приняла дар, под песнь дудочки подбросила птичку и отведала хмеля. Хороводнице стало ещё жарче, Песня зазвучала ещё громче, и ноги сами пустились в пляс.

Мирослава танцевала вместе с Песней, пела вместе с Ярой, а Ярила помогал ей прыгать через костёр. Только, заметила Мирослава, у Бога весенней силы волосы были чёрные, как ночь, и звали его почему-то Велем. Но девушка не обратила на его имя внимания – Песнь вела её, вела, словно волхву...

– Скоро заря, – тихо говорил Ярила-Вель. Его дыхание пахло хмелем. – Позовёшь нам Весну с Серебряной Горы?

Мирослава улыбнулась ему и осмотрелась: вокруг них собрались девушки и юноши, которые выбрали себе Веснянку. Мирославе протягивали птичек, и она их с улыбкой принимала. Теперь Мирославе было спокойно и тепло. Песнь Мирославы захватила многих, только Забава стояла в стороне и хмуро смотрела на сестру. Интересно, почему? Мирослава хотела было подойти к Забаве, но Песнь вновь напомнила о себе: она решительно взяла Мирославу за руку рукою Веля.

– Есть у нас хороводница-красавица! – громко проговорил Вель, и толпа одобрительно заулюлюкала. – Ай да мбодцы! Ай да дёвицы! Идём птиц отпускать да весну величать!

Песнь вновь повела Мирославу под переливы кугикл и свирелей, повела через всю деревню к Серебряной Горе. Мирослава вновь запела, её песню подхватил Вель, а вместе с ним и следующие за Мирославой и Велем люди.

Сварогины, шедшие по деревне вслед за Хороводницей, громко пели и танцевали с огнём – с небесным и с золотым. Яркие всполохи огней плясали вместе с Песней, искры взлетали до небес и превращались в звёзды. Золотой свет, смешиваясь с лазурным, рассеивал предрасветную мглу. Мирослава рассмеялась, так ей сделалось хорошо. Она крепче взяла руку Веля и запела ещё громче. К весеннему шествию присоединялись новые празднующие: люди, кто закликал весну на улице, спускались с поленниц дети, а старшие выходили со дворов. Всех Песнь звала к Серебряной Горе.

Когда среди марева дыма, хмеля и огня Мирослава увидела пологий силуэт Серебряной Горы, небо на востоке стало светлеть, а серебряные звёзды – гаснуть.

– Скоро восход, – прошептал на ухо Вель. – Позовешь Весну для всего Света?

Мирослава обернулась на Веля: он был слишком близко, он даже держал её за плечи. Почти обнимал. Мирослава нахмурилась. Вель обнимал её. Почему? Как так вышло? Где Забава? Где остальные? Но нежная мелодия напомнила о себе, Мирослава улыбнулась Велю и кивнула.

Юноша позвал людей за собой, взял Мирославу за руку и повёл её на Серебряную Гору. Основание холма утопало в сизом тумане. Сырая земля скользила под ногами, но сильная рука Веля не давала Мирославе упасть. Мирослава хотела пойти сама, происходящее казалось ей неправильным, но она не могла понять почему. Мирослава не могла вспомнить ничего, кроме Песни, которая Словом захватила всё её существо.

Под музыку свирелей, рожков и кугикл гуляющие взошли на холм вслед за Мирославой и Велем – наречёнными Ярилой и Ярой. Сложили из факелов на вершине холма два костра, небесно-голубой и золотой, рядом с которым запели песни Мирослава и Вель.

– Перед тем как позвать Весну, поженим Ярилу и Яру! – Из толпы, окружившей костёр, вышла Святослава – Мирослава узнала её. Отсветы огня плясали на её чёрных волосах. – Дабы лето было тёплым и благодатным на урожай! – Святослава обернулась на брата. – Будешь нашим Ярилой?

– Буду, сестра моя, буду! – громко провозгласил Вель и, посмотрев на улыбающуюся ему Мирославу, спросил: – Будешь ли ты невестой моей на восходе солнца?

Его слова больно укололи будто в самое сердце. Укололи холодом и тоской. И показалось вдруг Мирославе, что среди толпы она увидела хмурый и злой взгляд сестры. Но наваждение померкло в золотом огне, и Мирослава кивнула.

– Вот теперь и тепло придёт к нам! – рассмеялась Святослава и, подведя Веля и Мирославу к небесному костру, сняла с волос Мирославы ленту и обвязала ею руки своего брата и его наречённой. Позади Веля встал Всеволод, а позади Мирославы – Святослава, которая громко запела:

Как весну мы звати
Да тепло встречати!

Вот, молодые, смотрите
Да Богов не гневите!

Путь ваша лента сгорит в огне,
Пусть Свет поёт о Весне!

Всеволод пропел следом:

Пусть огонь с вас снимет путы,
Пусть зима отступит!
Пусть не будет в мире смуты,
Пусть тепло прибудет!

Ярило и Яра!

Путь ваша лента сгорит в огне,
Пусть Свет поёт о Весне!

Вель и Мирослава опустили руки в огонь-Сварожич, и лента, соединяющая их ладони, распалась сияющими искрами. Люди заулюлюкали, и огромный хоровод двинулся по кругу.

– Жарко! – крикнула Святослава, и остальные её поддержали.

Вель крепко держал Мирославу за руку, Мирослава хотела освободиться, но не вышло: Песнь обняла её руками Веля и поцеловала.

– Светает. Пора тебе спеть о Весне всему Свету, – прошептал Вель. Он мягко отстранился и отошёл назад, оставив Мирославу одну на вершине холма.

Мирослава оглянулась: люди, взявшись за руки, ждали её Песни. Горизонт алел над лесом, предвещая скорый восход. Серпы румяной Дивии и бледноликой Луны сделались едва заметными на фиолетово-голубом небе. В небе, в котором звучала Песнь Весны.

И Мирослава запела, и хоровод двинулся по кругу.

Птицы серебряные да золотые,
Летите к нам из южных краёв!
Птицы из Ирия, птицы иные,
Пойте громче соловьёв!

Птицы серебряные да золотые,
Пойте Весне свою вечную песню!
Птицы из Ирия, птицы иные,
Пусть тепло с Весною воскреснет!

Пусть на ваших солнечных крыльях
Отблески душ, живущих в раю,
Нам освещают дорогу всеильно,
Пусть среди тьмы укажут тропу!

Птицы серебряные да золотые,
Летите к нам из южных краёв!
Птицы из Ирия, птицы иные,
Пойте громче соловьёв!

Пусть ваши тёплые песни
Растопят лёд и тоску,
Пусть Весна воскреснет,
Пусть будет лето в Свету!

Птицы серебряные да золотые,
Летите к нам из южных краёв!
Птицы из Ирия, птицы иные,
Пойте громче соловьёв!

Когда заря разгорелась, озарив небосвод алым, сквозь серебряный узор слов Песни Мирослава увидела стольный град. Белокаменные стены столицы сверкали на свету, только странно сверкали. Будто не камень отражал полуденное солнце, а настоящий лёд. Весь Солнцеград был скован льдом, и даже монументальные ворота навеки запечатал лютый мороз. «Вот почему этой весной будто зиму закликали», – сквозь морок подумала Мирослава.

Серебряные Слова Песни растаяли с первым солнечным лучом, и Мирославе открылся Царский Терем. На троне Теремного Дворца восседал иссохший человек. Нет, правитель Сваргорей не был человеком. Тёмный бессмертный дух, пленённый Мором, одиноко чах над златом на престоле погибшей от ветра Неяви страны. Кощей медленно поднял голову и чёрными запавшими глазами посмотрел на Мирославу. Его ледяной взор пронзил, будто меч, и Хороводница, схватившись за сердце, упала.

Глава 5

Князь леса

Леший вёл Агнешу заворожёнными тропами лесного народа, и ни мавки, ни русалки, ни лесные упыри не могли учуять путников.

Сын рыбака Тихона с трудом пробирался сквозь ельник за лешим: стояла первая седмица дивена, и в лесу всё ещё лежал снег. Ноги проваливались в снег и вязли в сырой земле, с ветвей падала капель. Ранее утреннее солнце едва пробивалось сквозь сплетённые ветви деревьев, и в тайге пахло сырой свежестью.

Высокий и мохнатый проводник сварогина был одет в вывороченную шкуру, перетянутую массивным клёпаным поясом. Косматый с удивительной для своих размеров лёгкостью шёл по лесу: Агнеше даже чудилось, что леший не касается земли, настолько тихой была его поступь, а вековые деревья будто сами расступались перед хозяином леса. Агнешка хоть и старался изо всех сил поспеть за своим проводником, но всё равно изрядно отставал, и лешему приходилось останавливаться, дабы ждать юношу.

– Ты же в лесу бываешь чаще, чем дома! – усмехнулся леший, вновь дожидаясь человека, который пытался пробраться сквозь бурелом. – Пора уже освоить лесную ворожбу!

– Я много раз просил тебя научить меня, Лый, – проворчал Агнеша, преодолевая валежник. – Но даже сейчас ты не хочешь помогать!

Леший басовито рассмеялся и покачал косматой головой.

– Мы не учим так, как учат люди. Я много раз говорил тебе об этом, – улыбаясь в длинную бурую бороду, ответил Лый. – Лесной ворожбе надобно учиться самому, а не помощи от лешего ждать!

Агнеша наконец выбрался и, встав перед своим грозным спутником, сердито на него посмотрел.

– Я – человек, а не леший, – напомнил юноша Лыю. – Я ещё не умею слушать Лес. Если бы ты...

Но Лый предупреждающе поднял лапу.

– Всё ты умеешь, – заверил леший человека. – Только, как и все люди, ждёшь, когда за тебя сделают твоё дело.

Агнеша хотел было возразить, но Лый погрозил ему мохнатым пальцем – леший не любил бессмысленные споры.

– Учись и ни на кого не надейся! – грозно проговорил Лый и продолжил путь. Агнешка, вздохнув, пошёл за ним.

Сын рыбака Тихона искренне старался постичь то, что лешие называли «слушанием леса», но у него никак не выходило. Лый же уверял юного сварогина в том, что он – способный ученик. Даже не просто способный, а особенный – Лый впервые встретил человека, который был духом так близок к природе. Да и сам Индрик послал за Агнешей и велел обучить юношу всему, о чём ведаёт лесной народ. А Царь Зверей не может ошибаться. Поэтому уже две седмицы Лый вёл Агнешку туда, где не бывал ни один человек, – в лесное княжество.

Агнеша хорошо умел идти молча, и Лый ценил это его качество. Агнешка, конечно, как и всякий человек, мог и спорить, и чудить, но умел он и молчать. А молчание, знал Лый, – среди людей редкий дар. Тот, кто умеет молчать, – умеет слушать и слышать, а это значит, что такому сварогину будет по силам и внять Песне Леса, и постигнуть науку лесного народа. Индрик предрекал тёмное время для всего Света, да и Лый, как и другие обитатели Леса, чувствовал, что неладное витало в воздухе. Неспроста ведь оживились и мавки, и русалки – месяц назад даже на полевых леших напали, что впредь никогда не случалось. Не зря князь леших, мудрый Дреф, молвил о том, что не только слуги Полоза наводнили лесные речки – никак сам Мор желает вновь явиться в Свет. Вот и просыпается сила нечистая, вот и послал Индрик за юношей, за тем человеком, кто сможет передать людям знание. Ведь дети Сварога давно перестали слышать...

К середине следующего дня Лый и его юный спутник добрались до сердца Южной Тайги, где ели и сосны были невероятной высоты, а их кроны смыкались, будто потолок. Солнечный свет почти не проникал сквозь плотную хвою, и казалось, будто сами стволы вековых деревьев излучают тихий тёплый свет. Земля была неестественно чиста: не было ни валежника, ни кустарников, только лежал плотным слоем хвойный опад, кое-где закрытый снегом.

– Мы почти пришли, – обратился Лый к Агнешке, который невольно поёжился. – Ты чего, боишься? – удивился леший и потрепал сварогина по плечу.

– Не боюсь я, – постарался уверенно ответить Агнеша, и Лый, хохотнув, направился к двум особенно высоким елям, которые стояли будто ворота.

Дойдя до деревьев, леший остановился и зашептал, Агнеша остался позади. Шёпот лешего был низким, рокошущим, но удивительно мягким, словно мох; его Слово поднялось с земли сухой хвоей и мерцающим кружевом оплело пространство между елями. Воздух задрожал, и зелёная паутина Слов, похожая на стену, колыхнулась и с хрустом пала, открыв вход в царство лесного народа.

Деревья, представшие взору, были настолько высокими, что казалось, их крона упирается в небеса. Солнечный свет лился сквозь высокую хвою водопадами, освещая деревянные терема, пристроенные к монументальным стволам деревьев. Терема перемежались с огромными трутовиками, в которых тоже были вырублены окна; верхние гульбища и балконы теремов соединяли переброшенные подвесные мосты с установленными на них фонарями. Мосты, как и улицы лесного города, были оживлены, и идущие по ним лешие с такого расстояния виделись совсем маленькими.

Лый обернулся на замершего Агнешу.

– Добро пожаловать! – улыбнулся он, лапой приглашая человека следовать за ним.

– Я думал, вы среди леса живёте, – искренне признался сварогин, и Лый рассмеялся.

– Город Йолк, – представил лесное княжество леший, проходя между елями-вратами. Агнеша шёл рядом. – Один из самых больших лесных городов, город, в котором живёт сам лесной князь Дреф!

– Вот это диво! – искренне восхитился Агнешка, и лесные врата закрылись. Теперь если заплутавший путник и окажется в сердце тайги, то увидит только вековые ели, между которыми будет лежать старый валежник.

Лый повёл гостя к низине, где располагался лесной град. Йолк не окружала крепостная стена, не было и воинов-дозорных. Услышав вопрос Агнешки, Лый рассмеялся в голос и покачал косматой головой.

Просторные улицы Йолка устилал хвойный опад, и, несмотря на солнечный день, на улицах горели жёлто-зелёные фонари. Терема, пристроенные к монументальным соснам, оказались огромных размеров. Срубленные из массивных брёвен, они будто вырастали друг из друга, поднимаясь на невероятную высоту. А сверху, над головой, качались подвесные мосты.

Жители Йолка, увидев человека, останавливались и, не стесняясь, показывали на него лапами. Высокие грузные мохнатые лешие удивлённо перешёптывались, кто-то даже шёл следом, во все глаза разглядывая юного сварогина. Агнеше стало совсем не по себе, но Лый, не обращая внимания на любопытных, продолжал уверенно вести юношу вглубь Йолка.

Несмотря на страх, Агнеша не упускал случая и сам разглядывал лесной народ. Одеты лешие были примерно одинаково – в вывороченные шкуры до колен, скреплённые поясами. Некоторые носили длинные подпоясанные рубахи, сплетённые из необычного зелёного, похожего на мох сукна. Женщины, которых можно было узнать по более изящным фигурам, облачались в подпоясанные хламиды, отдалённо напоминающие платья. Обувь у леших не было. Густая шерсть, которая покрывала их тела, различалась по цвету: от тёмно-бурого, как у Лыя, до белого. Ростом лешие различались тоже. Совсем маленькие, не больше аршина, лешие были бурого и бежевого цвета, но встречались и совсем светлые. Особо могучие – белые и серые жители Йолка; коричневые и красноватые хоть и были выше людей, но среди лесного народа являлись средними.

Морды леших нельзя назвать ни человеческими, ни звериными. На покрытых мелкой шерстью лицах глубоко посажены выразительные похожие на человеческие глаза, небольшой курносый нос и почти безгубый рот. На голове шерсть была длиннее, чем на теле, и многие, как и люди, собирали волосы в косы. Головных уборов лешие не носили, и можно было видеть их чуть заострённые, похожие на звериные уши.

– Это елмаганы, – наклонился Лый к Агнеше, когда заметил, что его спутник разглядывает двух белых грозных громил, которые хмуро взирали на человека. – Самые воинственные из нас. Пока к тебе здесь не привыкнут, лучше не иметь с ними дел.

Агнешка робко кивнул: елмаганы были одеты в некое подобие деревянных доспехов, и за их поясами красовались топоры.

– Таких, как я, называют гаркунами, – продолжил рассказывать Лый, ведя Агнешку по улице, которая была образована как отдельно стоящими избами, поросшими мхом, так пристроенными к деревьям теремами. – А самые маленькие из нас – полевики. Их ещё называют полевыми лешими, потому как родина полевиков – поля.

– Ты никогда не говорил о том, что лешие бывают разные, – тихо удивился сварогин, и Лый басовито хмыкнул.

– Я много чего тебе не говорил, – признался он. – Всеу своё время.

Улица, по которой они шли, стала шире и привела на площадь, в центре которой росла невероятных размеров раскидистая сосна. Огромный ствол опоясывали теремные пристройки, каскадом крыш и балконов поднимавшиеся до середины мощного дерева. Причелины и наличники теремов украшала грубая резьба, на концах охлупеней крыш висели нитки с полыми дере-

вянными бусами, глухо постукивающими на ветру. Дерево с его теремами окружал невысокий, скорее для красоты, редкий забор из стоящих частоколом брёвен. По обеим сторонам самых больших брёвен забора, которые располагались на расстоянии друг от друга, несли почётный караул елмаганы в деревянных доспехах и с копьями.

– Княжеский терем, – пояснил Лый, ведя Агнешу к грозным стражам. Юноша хоть и боялся, но старался не выдавать свой страх: он сам согласился уйти в Лес, дабы учиться мудрости. Когда последний раз Агнеша встречался с берегиней в шкуре медведя, которая вновь просила сварогина защитить Василису, Агнеша повстречал и давнего знакомого – лесного лешего Лыя, который принёс весть от самого Индрика. Тогда Агнешка и поведал гаркуну, что отец собрался вести его к врачевателю в Половодское княжество. Леший возмутился, что люди настолько отошли от природы, что даже забыли о лесном народе, но сын рыбака Тихона ничего не мог поделать. Вот Лый и предложил Агнеше уйти с ним, дабы учиться внимать Песне Леса. Агнеша, конечно, сразу согласился и вечером того же дня, передав послание для Василисы и проведая семью, ушёл с Лыем.

– Не переживай, – подбодрил Лый Агнешку, но грозные елмаганы преградили им путь, скрестив копья.

– Вы чего творите? – возмутился Лый. – Я поступаю по приказу самого Индрика!

Витязи-елмаганы переглянулись.

– Великий князь Дреф не говорил нам о таком приказе! – громыхнул тот, что был крупнее. – А ты, Лый, нарушил закон, приведя в священный Йолк человека.

Агнешка невольно шагнул назад, но гаркун успокаивающе положил на его плечо лапу.

– Тогда, Ырь, доложи великому князю, что посольный Индрика привёл ученика от самого Царя Зверей.

– Ученика?! – переспросил Ырь и раскатисто захохотал. Лый угрожающе рыкнул, и воин замолчал.

– С каких это пор Индрик имеет дело с людьми? – нахмурившись, спросил страж меньше.

– С тех пор, как Полоз нарушил границу нашего мира, с тех пор, как Мор обратил взор на наши леса! – прорычал Лый. – Твоё дело докладывать князю о гостях, а не пытаться думать – у тебя это плохо получается, Енк.

Енк раздражённо зарычал и потряс копьём, но, успокоившись, закрыл глаза и обратился к князю Дрефу со своим Словом. Агнешка чувствовал, как от страха онемело тело и пересохло во рту – он даже попытался спрятаться за Лыем, но леший не дал сварогину отступить.

Стражи наконец убрали копья и с поклоном пригласили гостей войти. Правда, когда Агнешка проходил мимо белых великанов, он заметил на себе их грозный взгляд. Но Лый подтолкнул сына рыбака вперёд, и они прошли к крыльцу княжеского терема.

Двускатная крыша крыльца покоилась на мощных резных брёвнах и располагалась так высоко, что в Терем могли войти самые высокие елмаганы. На конце охлупения крыши висели те же странные нити с полыми деревяшками, которые глухо постукивали на ветру.

– Что это? – робко спросил Агнешка, указывая на необычное украшение.

– Музыка Ветра, – ответил Лый. – По её звучанию можно услышать настроение Леса.

– Это как?

– Всему своё время, – пробасил Лый, вновь подталкивая замешкавшегося сварогина к высоким ступеням крыльца. Юноша послушно поднялся, и гаркуны-стражи распахнули створы деревянных врат.

Агнешка и Лый вошли в просторные с высоким потолком сени. На бревенчатых стенах горели золотые с зеленоватым отливом факелы, между которых располагались проёмы, ведущие в другие помещения. В середине противоположной входу стены, украшенной грубой резбой и рунами, два маленьких полевика с копьями вышколенно стояли подле высокой двустворчатой двери, украшенной рогатинами и светящимся мхом.

Полевые лешие поклонились гостям князя и, расступившись, зашептали. Вторя их тихому шёпоту, массивные створы дверей медленно, с глухим стоном открывались.

Агнешка непроизвольно взял Лыя за лапу, но гаркун со смехом отстранился.

– Запомни, никогда не поддавайся страху, – тихо прошептал Лый на ухо человеку. – Ибо страх делает тебя слабым.

Агнешка послушно кивнул и прошёл в престольную вместе с лешим.

Тронный зал походил на огромную срубленную избу, высокий потолок которой держали брёвна, установленные как колонны. На глухих стенах рос светящийся зелёный мох, тянясь ветвями, поросшими белыми грибами, к пространству зала. На колоннах горели те же жёлто-зелёные факелы. В центре зала на постаменте, сложенном из грубых брёвен, стоял мощный деревянный трон, украшенный покрытыми светящимся мхом рогатинами. По обеим сторонам трона находились серые елмаганы в доспехах и с копьями. На троне сидел маленький седой полевик, одетый в льняную человеческую рубаху, перехваченную алым поясом. На ногах полевика были настоящие брюки, онучи с атласными лентами и лапти. По сравнению с собственным престолом, на котором мог поместиться грозный елмаган, великий князь Дреф казался крошечным. Агнешка ждал увидеть на троне елмагана или, на худой конец, бурого гаркуна. Полевик, одетый по-человечески, так удивил сына рыбака Тихона, что юноша забыл поклониться лесному князю. Лый, поняв, в чём дело, аккуратно надавил на плечо Агнешки, и сварогин тут же поклонился в пол.

– Гой еси, Агнеша! – поздоровался Дреф с улыбкой. Голос у полевика был удивительно низким и мягким, а жёлтые глаза смотрели по-доброму, но в самую душу. Седые волосы Дрефа перехватывал обруч, а на концах заострённых ушей красовались маленькие кисточки. – Так у людей принято здороваться, верно?

Агнешка нерешительно кивнул, и Дреф тихо засмеялся.

– Я вижу, что совсем сбил тебя с толку, – хмыкнул Дреф, оглядывая своего гостя. Дреф был древнейшим лешим – он родился в ту давнюю пору, когда лешие и люди жили рядом, и князь лесного народа, в отличие от большинства леших, ведал, как выглядят дети Сварога. Агнеша по человеческим меркам был высоким юношей, наделённым редкой крепкой жилистой худобой. Дреф знал, что такие, как Агнешка, становятся хорошими и ловкими воинами. Тело юноши было будто создано для бега не только по людским землям, но и по непроходимым лесам. Длинные убранные в косу волосы цветом походили на кору дуба, а глаза были янтарными, как драгоценная смола. Не зря Индрик обратил внимание на этого лесного человека – хоть Агнешка был ещё слишком юн и глуп, учеником он мог стать даже лучшим, чем леший.

– Сомневаешься в моей силе? – улыбнулся в белую бороду Дреф, и Агнеше стало неловко. – Так я скажу тебе, что главное – сила Духа, а не тела. Когда Дух силен, тело становится ему под стать, но не наоборот.

Дреф проворно прыгнул с высокого трона, спустился по ступеням престола и, встав перед Агнешей, зашептал. Его шёпот был тихим, мягким, спокойным, а оттого отзывался в душе человека смутным волнением. Сварогин неуверенно шагнул назад, когда зелёное кружево слов Дрефа окружило его.

Дреф, шепча Слова, поднял взгляд на Агнешку.

«Отвечай!» – властно скомандовал князь, не переставая шептать на своём шелестящем наречии, и Агнеша понял, что слышит слова Дрефа только в голове. От испуга юноша оступился и чуть было не упал. Великий князь леса продолжал шептать, его Слова ещё сильнее опутывали Агнешу, который не знал, что делать – Агнеша никогда не учился волхвованию. Когда ворожба окружила сварогина плотным зеленоватым туманом, юноша даже вскрикнул, пытаясь отмахнуться от Слов руками. Но чем пуще боролся с ворожбой сварогин, тем крепче опутывали его зелёные Слова Дрефа. «Твой страх сильнее твоего духа! – раздался в голове Агнешки мягкий голос лесного князя. – А ну-ка соберись!» Юноша попытался так же мыс-

ленно ответить Дрефу, что он не умеет волхвовать и не знает Слов, но у него не получилось. Застлавшая мир ворожба будто колола Агнешку, который не выдержал и опустил, закрыв лицо руками. В голове раздался добрый смех, и Слова опали, превратившись в зелёный мох.

– Вставай, – властно проговорил Дреф, и Агнеша почувствовал, как тело против его воли распрямляется. Какова же сила Слова полевика? Сварогин поднялся и робко посмотрел на великого князя, который был ему по колено и, положив руку на сердце, уважительно склонил голову.

– Эх, сколько с тобой работы-то будет! – хмыкнул Дреф, глядя на удивлённого Агнешку. – Человеческие пути с души снимать.

– Человеческие пути? – переспросил сын рыбака Тихона.

– Да, – кивнул Дреф и стал медленно обходить сварогина по кругу, внимательно рассматривая будущего ученика. – Глупости человеческие, что Духу твоему мешают. Правда, эти глупости и у леших стали появляться. – Дреф бросил сердитый взгляд на елмаганов, которые всё это время с недоверием смотрели на человека, и витязи тут же опустили взоры. – Но с мраком невежества нужно бороться, иначе он победит, а ты и не заметишь, – уверенно проговорил Дреф и, встав напротив Агнешки, твёрдо сказал: – Я беру тебя в ученики, как и велел мне в видении Индрик.

От последних слов великого князя удивлённо рыкнул даже Лый, который был уверен в том, что наставником человека будет он.

– Ты тоже можешь помогать ему. – Дреф посмотрел на Лыя. – Но обучить этого отрока тебе не по силам. Даже мне будет сложно распутать всю ту паутину страхов и заблуждений, которая мешает Агнеше слышать Песнь своей Души и Леса. Что же творится сейчас в мире человеческом, если Индрик Дух этого сварогина, – великий князь махнул лапой в сторону изумлённого Агнешки, – свободным и внемлющим назвал?

– Беда, – произвольно ответил Агнешка, и Дреф кивнул.

– И, к сожалению, эта беда настолько глубока, что коснулась даже нас, – сокрушённо покачал седой головой Дреф. – Поэтому нам придётся помочь друг другу перед тем, как лесной народ покинет Свет.

– Лесной народ покинет Свет? – удивленно переспросил Агнешка.

– Придёт время, и Боги, и духи, и лешие покинут этот Свет, оставив его вам в полное владение, – ответил Дреф поражённому сварогину. – Только главное, чтобы было что оставлять и кому оставлять. – Леший задумчиво помолчал. – Да и чтобы было кому уходить, – добавил князь, горько усмехнувшись.

– Меня пугают ваши слова, – искренне признался юноша.

– Они и меня пугают, – вздохнул Дреф и, глядя на хмурого Лыя, проговорил: – Отведи моего ученика в третий терем двора, где живут ученики Великого Ведая и йари. Посели в горнице с окнами, покажи трапезную и выдай ему одежду, – велел князь леса, и Лый покорно кивнул. Дреф вновь посмотрел на Агнешку. – Сегодня проводи день с Лыем, он расскажет тебе о городе, о наших обычаях, – сказал князь, и юноша поклонился. – А завтра жду тебя на восходе солнца на Большой Поляне, – мягко проговорил Дреф и вновь посмотрел на Лыя: – Не забудь показать ему, где это, хорошо?

Лый положил лапу на сердце и поклонился Дрефу. Агнешка поклонился тоже, и Дреф ответил коротким уважительным поклоном, чем несказанно удивил сварогина.

– Ну что, – Лый потрепал по спине Агнешку, когда за ними закрылись двери тронного зала, – поздравляю, юный йарь.

– Кто? – удивился сварогин.

– Йарь – ученик князя, – пояснил, улыбаясь, Лый. – Великая честь! Даже я, способный ученик, не был удостоен внимания самого Дрефа, – немного завистливо добавил он и, заметив удивлённый взгляд человека, рассмеялся.

– Обучением у нас занимаются ведаи – по-вашему волхвы, – объяснял леший, ведя юношу из сеней в соседний с тронным зал. В центре зала поднималась массивная дубовая лестница, освещённая факелами. – Самых способных веденников, как мы зовём учеников, берёт на обучение сам Дреф, и такие отроки именуются йарями.

– Я не понимаю, – искренне признался Агнешка. – князь же должен править, а не учить молодежь.

– Так он и правит! – улыбнулся Лый, и лестница под ним тягуче закрипела. Агнешка стал подниматься следом, с трудом преодолевая высокие ступени. И как князь ходит по лестнице? – Какое же правление без обучения? – удивился гаркун. – Ведь Дреф передаёт мудрость и знания молодым лешим, а они ему помогают править, поступая соответственно полученным знаниям. Неужели ваши князья этого не понимают?

– У наших князей есть веденеи, которые на Соборах дают им советы, как править. А сами князья помогают править царю, на Соборах Великой Палаты Князей, – стал объяснять Агнешка, от чего Лый рассмеялся в полную силу. – Что смешного? – удивился юный сварогин.

– Ты уверен, что те, о ком ты говоришь, действительно помогают? – смеясь, уточнил Лый, и лестница повернула на второй этаж. – Да и нужна ли такая «помощь»?

– Где это видано, чтобы с целым народом один человек управился? – возмутился Агнешка. – Сваргорей-то – земля большая! Даже самому великому царю с ней не справиться!

– А зачем ему с ней справляться? – удивился Лый. – Если бы каждый из сварогинов был обучен мудрости, «справляться» бы ни с кем не приходилось.

Агнеша удивлённо посмотрел на своего спутника, и лестница повернула в третий раз.

– А у леших – так, как ты говоришь? – спросил сын рыбака Тихона. – Все лешие обучены этой мудрости?

– В том то и дело, что нет, – признался Лый. – Поэтому великий князь Дреф и учит. А судя по тому, о чём поведал мне ты, ваших князей и царей самих учить надобно.

Агнеша хотел возразить, но Лый предупреждающе поднял лапу, и юноша замолчал. На третьем этаже Лый повёл будущего йаря в сени и, отворив дверь в противоположной лестнице стене, вывел сварогина на широкий балкон. Балкон обрамляла высокая деревянная ограда с резными балясинами.

– Вот это высота! – поразился Агнешка, восхищённо глядя на представший взору Йолк.

– Не самая большая, – пожал плечами леший. – В тереме великого князя двенадцать этажей.

– Сколько? – не поверил своим ушам Агнеша. Царский Терем Солнцеграда, который славился своей монументальностью, поднимался на восемь этажей.

– Дюжина, – улыбнулся Лый. – А те, кто в трутовиках живет, могут жить и выше, почти у самой кроны высовитов.

– Кроны кого?

– Деревьев, у которых строят дома, – объяснил Лый, показывая лапой на сосны и ели с пристроенными к ним теремами. – Высовиты – древнейшие деревья, у них очень толстая кора, и наши постройки им не вредят. Идём.

Лый повёл Агнешу по балкону, что опоясывал терем. На балкон выходили украшенные простой резьбой двери и окна, в которых кое-где горел свет. Агнеша с любопытством попытался заглянуть внутрь, но леший укоризненно покачал головой, и сварогин тут же отошёл от окна. Балкон закончился большой огороженной забором террасой, с которой был переброшен подвесной мост к следующему терему, пристроенному к той же сосне и поднимавшемуся на шесть этажей.

– Вот же диво дивное! – искренне прошептал Агнешка.

Довольный Лый обернулся на сварогина: лешему льстило, что человек восхищался его родным городом.

– Сосна, которая хранит Княжеские Терема, зовётся Живой, – пояснил гаркун. – В третьем тереме княжеского двора живут ученики Великого Ведая и ученики самого князя.

– А сколько учеников у Дрефа? – спросил Агнеша, проходя на террасу вслед за Льем.

– Теперь вас пятеро, – улыбнулся Лый и шагнул на подвесной мост. Мост был таким мощным и широким, что почти не качнулся под весом лешего. – Ты, Ватан, Айул, Иванка и Явих.

– Иванка? – переспросил удивлённый Агнешка, ступая на мост вслед за Льем. – Девочка?

– Девушка уже, – усмехнулся леший, – одарённая ворожея.

Сварогин даже остановился.

– Князь учит девушку? – удивлялся он.

– Да. А что тут такого? – обернулся на человека Лый и, увидев круглые глаза Агнешки, рассмеялся в голос. – А ваши девы разве не учатся?

– Учатся, – растерянно ответил Агнешка, – но отдельно от мужчин.

– Что? – переспросил леший и разразился смехом так, что задрожал мост. Лый остановился и хохотал, держась за верёвочные перила. Агнешка растерялся и не знал, как успокоить задыхающегося от смеха лешего. Спустя некоторое время хохот Лыя превратился в вой и затих. Леший стоял, облокотившись на перила моста, и держался за живот. Наконец леший вытер слёзы и, покачав головой, посмотрел на Агнешку. – Ну вы чудные, – с трудом проговорил он и вновь захохотал. – Вот же обычай...

Лый отошёл от перил и, смеясь, двинулся по навесному мосту, лапой позвав Агнешку следовать за ним.

– Лый, я слышала, ты человека привёл, – проговорила высокая рыжая гáркунка, что стояла на террасе подле терема, к которому вёл подвесной мост. – Пришла его увидеть!

– Уже весь Йолк, наверное, знает, – со смехом сказал Лый, остановившись напротив лешей, и махнул лапой на ставшего рядом с ним Агнешку. – Агнеша, будущий йарь Дрефа. – Лый посмотрел на поклонившегося сварогина и представил ему лешую: – Иванка, старшая йарь Дрефа.

– Приятно познакомиться, – растерянно пролепетал Агнешка, разглядывая Иванку. Ворожея была выше человека, но Лью всего лишь по плечо. На Иванке было зелёное перехваченное кожаным поясом платье с вышитым знаком йарей – деревом с копьём. Шерсть у лешей была рыжей, а глаза – зелёными, как лес. Волнистые волосы собраны в мощную косу, а сильные руки держали такое же копьё, какое Агнешка видел у стражей. «Неужели женщины леших тоже умеют воевать?» – удивлённо подумал сварогин. Будто услышав его мысли, Иванка звонко рассмеялась.

– Конечно, умеют, – кивнула гаркунка, и Агнешка вздрогнул. Лешая прочитала его мысли!

– Неужели люди не умеют закрывать свои думы? – спросила Иванка изумлённого Агнешу, и юноша отрицательно покачал головой.

– Уже нет, – ответил за Агнешу Лый. – Дреф как-то рассказывал, что в начале Эры Перуна люди ещё могли владеть своими думами, но сейчас никто из них на это не способен.

– Надеюсь, Индрик не ошибся в тебе, – со вздохом произнесла Иванка, и у Агнешки невольно сжалось сердце. Он не хотел подвести лесной народ, правда, сам не знал в чём. – Если не можешь сохранять тишину, – строго сказала Иванка, – думай, пожалуйста, тише.

Агнеша поник.

– Он ещё совсем юный, – заступился за человека Лый. – По-нашему – совсем дитя. Но ты знаешь, сколько живут люди.

– Да, – печально согласилась Иванка. – Не хотела тебя обидеть, – обратилась она к сварогину, положив руку на сердце. Агнеша невольно улыбнулся. – Сколько тебе лет?

– Семнадцать, – ответил Агнеша, и Иванка удивлённо на него посмотрела. – А тебе сколько? – в свою очередь поинтересовался юноша.

– Восемьдесят, – улыбнулась лешая, и Агнеша ахнул. – Но леший может жить и больше тысячи лет, потому я по нашему разумению – твоя ровесница, если не моложе.

– Великому князю Дрефу, говорят, более трёх тысяч лет, – наклонившись, прошептал Лый.

Иванка, хмыкнув, посмотрела на Лыя.

– Его Дух обладает редкой силой, потому Дреф так долго живёт, – ответила она. – Обычному лешему такое долголетие не по силам.

– А человеку? – робко спросил Агнеша.

Иванка пожала плечами:

– Тут дело не в расе, а в силе Духа, – предположила она. – Так говорит сам Дреф. Великий князь учит, что смерть – выбор Духа, но не тела. Когда Дух выбирает Иное, тело с ним соглашается и начинает стареть.

– То есть можно жить вечно?

– Не знаю, – искренне ответила Иванка. – Такие вопросы лучше Дрефу задавай. – Лешая тепло улыбнулась сварогину. – Мне пора, – она махнула рукой в сторону подвесной дороги. – Рада была познакомиться, Агнеша! – Иванка положила на сердце руку, и сварогин тоже поклонился ей. Когда Иванка ушла, Лый вновь пригласил Агнешу следовать за ним.

Леший повёл человека по гульбищу терема, от которого был переброшен мост до следующего, третьего, терема, в котором жили йари князя и веденники, ученики Великого Веда.

– Лый, может, ты скажешь мне, как закрывать свои мысли? – спросил Агнеша лешего, когда тот стал открывать дверь, ведущую в терем. Гаркун обернулся на сварогина.

– Не думать, и всё.

– Как это – не думать?

– Ну как – не думать ни о чём, молчать в своей голове так же, как ты умеешь сохранять молчание при ходьбе, – пожал плечами Лый.

– Я не понимаю, – искренне признался юноша.

Лый покачал головой и отворил дверь в терем. Сени, в которые они вошли, почти не отличались от сеней Княжеского Терема: на стенах между дверей горели факелы, а у дальней стены располагался арочный проход к лестнице.

Лый отворил дверь, ведущую в просторный зал с большой печью. Стены зала, украшенные грубой резьбой, покрывал мох; меж резных полуколонн стен располагались двери. На каждой двери были написаны руны, значения которых Агнеша не знал. Между дверьми горели в подставках свечи и стояли шкафы с книгами. В центре зала находился большой стол, на котором лежали бересты и книги. За столом сидел белый елмаган в зелёной рубахе и что-то так увлечённо писал, что даже не заметил вошедших.

– Здравствуй, Айул, – громыхнул Лый, и елмаган от испуга подскочил, с грохотом опрокинув стул. Агнешка тихонько рассмеялся. Увидев Лыя, Айул облегчённо вздохнул: он испугался, что вновь не заметил Учителя. Дреф часто корил Айула за невнимательность и за то, что он так увлекается своим занятием, что перестаёт замечать окружающее.

– Всё ещё учишься внимательности, – мягко заметил Лый, и Айул, вернув стул на место, хмуро посмотрел на гаркуна, а затем и на сварогина.

– Иванка передала мне Слово о том, что среди нас теперь человек, – низко говорил Айул, идя к Лыю и Агнешке. Сварогину не понравилось настроение белого елмагана с рыжими глазами, и сын рыбака Тихона отчаянно пытался не думать и скрыть свой страх. – Человек, который так громко думает и боится, – судя по замечанию Айула, у Агнешки ничего не получилось.

– Тоже мне, Великий Ведай, – хмыкнул Лый. – Сам-то от испуга чуть душу Индрику не отдал.

Елмаган гневно посмотрел на Лыя, и Агнешка понял, что йарь рассердился именно поэтому.

– Я, правда, боюсь, – попытался смягчить гнев елмагана сварогин, но громила только грозно на него посмотрел.

– И что ты хвастаешься своей слабостью? – поинтересовался Айул. – Или у людей так принято?

Агнешка ничего не ответил, а вот Лый укоризненно покачал головой.

– Агнеша, как и ты, – йарь Дрефа, – сказал он елмагану. – Вы не должны враждовать, вы должны помогать друг другу.

Айул отрицательно покачал головой.

– Человеку помогать не буду, даже если об этом попросит сам Дреф! – с вызовом сказал он, строго глянув на сварогина.

– Какой же ты ещё глупый, Айул, – вздохнул Лый и, наклонившись к Агнеше, тихо прошептал: – Ему просто только сорок лет, он самый юный из йарей, вот и гоношится.

Айул явно услышал слова Лыя: он грозно зарычал и, что-то буркнув, вернулся за стол.

Лый, усмехнувшись, прошёл к ближайшей двери, на которой не было рун (Агнеша догадался, что то, что он принял за руны, было именами учеников), и отворил её. Окно ученической кельи выходило в сторону балкона, у дальней стены стояла срубленная кровать, подле которой располагались скрыни. У противоположной окну стены стоял шкаф, поросший светящимся с белыми грибами мхом. Подле окна находился небольшой стол со стулом.

– Зачем ты его дразнил? – тихо спросил Агнешка у Лыя, когда за ними закрылась дверь его кельи.

– Потому что хоть Айул и елмаган, но труслив. Да и к тому же зазнайка ужасный, – проворчал Лый, проходя к одной из скрын. Леший открыл сундук и достал оттуда зелёную рубаху со знаком йарей и бросил её на кровать, застеленную тем же зелёным сукном. – Вот тебе и одежда самого настоящего йаря. Оденешься завтра так. Про размер не беспокойся, рубаху шили для гаркуна – перевяжешь туже поясом.

– Я могу надеть сверху свиту? – робко спросил Агнеша, разглядывая длинную, как платье, рубаху. – У меня нет шерсти, как у вас, мне будет холодно.

– Не будет: теплее сукна, чем сукно из мха-веретенника, не сыскать, – рассмеялся Лый и достал из скрыни зелёный плащ с тем же знаком йарей. – Вот, оденешь, – гаркун положил и его на кровать. – Свои штаны, онучи и кожаные сапоги можешь оставить. А теперь, – Лый посмотрел на Агнешку, – я покажу тебе трапезную ученического терема, отведу в город и на Большую Поляну. Спрашивай обо всём, что тебя интересует.

– Я боюсь того, что лешие меня не примут, – искренне признался Агнешка. Лый удивлённо на него посмотрел.

– Они тебя уже приняли, – ответил гаркун. – Сам Дреф будет учить тебя! Разве благословение Дрефа для тебя не принятие?

– Я имею в виду остальных, – робко проговорил сварогин. – Я вижу, как они на меня смотрят.

– Ах, вот о чём ты, – улыбнулся Лый. – Но это – только в твоих силах, – подмигнул юноше леший.

Глава 6

Власов остров

Когда двухмачтовый «Триян» встал на якорь в порту Змай, заканчивалась первая седмица червеня¹². Погода стояла прекрасная: ярко светило солнце, по высокому небу плыли пушистые облака, внук Стрибога студёным ветром поднимал волны, и море пело берегу и кораблям.

Сам князь Власова острова Бронимир прибыл встречать парусник, приплывший из Солнцеграда. С корабля спустилась богато одетая девушка с двумя слугами – заморожёнными ею послушницами волхвов. Царевну Злату сопровождал и высокий белоснежный волхв. Когда Злата и Миодраг дошли до каменного пирса порта Змая, «Триян», ведомый заморожённым капитаном и командой, отчалил, дабы уплыть окольными водами и погибнуть близ города Борея. От взора других судов хранило «Триян» Слово Златы и Миодрага. Корабль плыл во все паруса, подгоняемый холодным ветром и ворожкой волхва Полоза и царевны. С тайного капища князя Бронимира Злата собиралась обратиться к Полозу с просьбой потопить корабль и забрать в море всех, кто был на нём, в качестве дара, в услужение. Царевна была уверена, что Змий ей внемлет. А Миодраг был уверен в том, что не ошибся в юной волхве.

Бронимир приветствовал царевну поклоном.

– Приветствую вас, великая Злата, на земле Власова княжества, – проговорил он, распрямившись. – Люди острова преданы Повелителю.

Стоящий по правую руку Бронимира княжеский веденей – сухой и хмурый муж Окамир, напомнивший царевне Миодрага, кивнул.

Злата взирала на высокого князя, его веденея и свиту, гордо вздёрнув подбородок. Она помнила преданных отцу людей, которые теперь также преданно служили Веславу, и царевна не спешила принимать на веру речи князя.

– Насколько преданы вы Полозу, покажут ваши поступки и время, – внимательно глядя в чёрные глаза Бронимира, сухо ответила Злата. Правитель Власова острова, неясно улыбнувшись, поклонился в ответ и пригласил царевну и Миодрага следовать за ним и его свитой.

– Негоже так разговаривать с тем, кто в тебя верит, – одними губами прошептал Злате Миодраг, когда вся процессия направилась в порт. Злата хмуро посмотрела на волхва.

– Негоже верить всем, – едва слышно ответила она. – Вы вверили мою судьбу в руки Бронимира, в скором времени для всех я стану мёртвой, и мне нужно быть уверенной в том, что я поступаю правильно, и жители Власова княжества действительно последуют за мной.

Миодраг Злате не ответил: царевна была умна, но ещё по-детски прямо. Злате не хватало хитрости. И, по мнению Миодрага, не помешало бы царевне научиться пользоваться своей красотой, как поступала Агния. Волхв Полоза был уверен, что Злата смогла бы зачаровывать мужей не хуже самой невесты Полоза. Но когда Миодраг говорил об этом Злате, царевна только злилась на волхва, гордо считая, что справится одной лишь силой своего Духа.

Знатную гостью Бронимира ждала запряженная лошадьми княжеская повозка; сам князь, как и его свита, поехал на лошади верхом. О прибывших гостях своим подданным Бронимир не сообщил: несмотря на то, что на его остров тайно съезжались верные Полозу люди и основное население Власова княжества почитало Змия, доносчики могли найтись. Крышу повозки, в которую сели царевна и волхв, подняли слуги, и процессия направилась в стольный град.

¹² Червень – июнь.

Столица княжества – город-крепость Власо-Змай – располагалась в глубине острова, за портом Змай и деревней Ильянка. Домики Ильянки занимали всю землю от Змая до крепостной стены Власо-Змая, и казалось, что это не разные поселения, а один город, разросшийся до невероятных размеров. Сварогины, увидев князя, едущего по дороге в окружении свиты, отрывались от своих дел и кланялись ему.

– Обрати внимание, как люди чтят Бронимира, – шепнул на ухо Злате Миодраг, когда царевна тихонько выглядывала из-за крыши повозки.

– Они его боятся. – Злата посмотрела на удивлённого Миодрага. – Но это хорошо. Люди должны не только чтить своего правителя, но и бояться его, – ответила царевна на немой вопрос старого волхва.

Миодраг нахмурился: порой Злата пугала даже его.

Впереди высился Власо-Змай: под пронзительным небом на зелёной, усыпанной деревенскими хатками равнине стояла, будто волот¹³, серая крепость. Сложенную из мощных каменных блоков крепостную стену Власо-Змая с внешней стороны окружал ров, заполненный

¹³ Волот – великан.

водой, что доставлялась по каналам из моря. Через ров был переброшен массивный разводной деревянный мост. По обеим сторонам врат крепости располагались каменные дозорные башни с деревянными теремками наверху.

– Разве рвами окружали островные крепости? – удивлённо прошептала Злата.

– Окружали, только очень давно – до объединения земель Светлогором, – ответил Миодраг. – За тысячу лет мирного времени сохранилось мало оборонительных рвов на островах, на Большой Земле их осталось больше.

Процессия миновала главные врата Власо-Змая, и царица с любопытством стала рассматривать представший взору город. Дома столицы Власова княжества были простыми, без росписи и вычурных крылец, ставни украшал скупой орнамент. Чаше здания были каменными, но встречались и деревянные терема, такие же простые – украшенные не росписью и не резьбой, а только важными охранными знаками. Прямые чистые улицы – редко какой переулок петлял. Деревьев в каменном городе почти не было.

– Город у них скучный, – Злата поделилась впечатлением с Миодрагом, который тоже с интересом рассматривал стольный град княжества.

– Не тратят время на ерунду, – предположил он, но царица отрицательно покачала головой.

– Красота – не ерунда, взору должно быть приятно, – сказала она. – Была бы я княгиней этого града, заставила бы их, – царица махнула рукой в сторону жителей Власо-Змая, – привести город в порядок.

Миодраг удивлённо посмотрел на свою юную спутницу: хоть Бронимир и служил Полозу, волхву пришлось несколько раз отправлять бересты в столицу Власова острова, пока князь, боявшийся за свое положение в Палате, не согласился принять царицу и помочь ей. Конечно, Миодраг не говорил о том Злате, но волхв и сам не был до конца уверен в преданности Бронимира. Но служитель Полоза не мог поступить иначе: вдвоём со Златой не добраться до Мёртвого Града, одному кораблю воды Океана Блуждающих Льдов не преодолеть – волхв ведал о плате, что потребуют ветра Неяви, да и в Перуновой буре одному судну тоже не выстоять. Если же пообещать князю царскую свадьбу... Миодраг так внимательно смотрел на царицу, что Злата, почувствовав на себе его взгляд, обернулась.

– Ты хочешь стать княгиней? – тихо спросил Миодраг. По ответу Златы он будет знать, стоит ли говорить с Бронимиром.

– Я – царица и хочу стать царицей, – строго ответила она. – Всей Сваргореи, а не этого серого захолустья.

Неплохо, подумал волхв.

– Тебе нужен царь, – пытался намекнуть Миодраг, и Злата, прищурившись, внимательно смотрела на служителя Богов. – Бронимир – сторонник твоего отца, происходит из знатного рода, не женат, молод и богат. – Царица нахмурилась ещё больше, но Миодраг продолжал свою речь: – Если пообещаешь ему царский брак, он будет служить тебе до последнего вздоха.

– А потом? – спросила Злата.

– Ты станешь царицей Сваргореи, а он – царём, – удивлённо ответил Миодраг, и Злата отрицательно покачала головой.

– И я должна буду покориться его Слову, как и всякая другая жена, да? – уточнила царица.

Миодраг даже растерялся. Волхв с таким удивлением смотрел на Злату, что девушка рассмеялась.

– Я не покорюсь ничьему Слову, – улыбалась она. – Я стану единоличной самодержавной царицей Сваргореи, – добавила царица гордо. – Мне будет помогать мой бессмертный отец и Полоз. А ещё я обращусь за помощью к Морю. Хочу, чтобы войско навий мне служило.

От упоминания Чернобога Миодраг невольно вздрогнул, отчего Злата сильнее рассмеялась. Со времён разговора в Парке Молчания Злата изменилась до неузнаваемости: из обиженной на весь белый свет девочки она превратилась в надменную и гордую деву. К сожалению, Злата не понимала, что они с Миодрагом в крайне опасном положении и одной ей не по силам освободить отца. Когда Миодраг пытался говорить об этом Злате, царевна даже не хотела слушать.

– А как же наследник престола? – спросил Миодраг. Злата перестала смеяться и серьёзно посмотрела на волхва.

– Я об этом не подумала, – призналась она и насупилась. – А это – обязательно? – наивно поинтересовалась Злата. Миодраг, сдерживая улыбку, кивнул.

– Тебе надо будет не только передать власть, – отвечал волхв, – но и укрепить свой Род перед народом. Как бы ни чтили люди Освободителей, разная ходит молва о том, почему наследника до сих пор нет. – Миодраг многозначительно помолчал. – А покоряться слову мужа не обязательно – научишься хитрости, о которой я столько раз говорил тебе, царь будет слушаться тебя. Целый корабль заворожил, и «Триян» теперь путь в Борей окольными водами держит, а с одним мужчиной будто не справишься?

Злата, задумчиво закусив губу, посмотрела на спину едущего впереди Бронимира. Князь был статен и силён, да и замуж ей не завтра выходить.

– Вы уже с ним говорили? – поинтересовалась царевна у волхва.

– Нет, – ответил Миодраг. – Я решил сначала поговорить с тобой.

– Если вы полагаете, что помолвка поможет освободить отца, – Злата вновь посмотрела на замершего Миодрага, – можете поговорить с князем, пусть сватается ко мне, я приму его предложение.

Княжеский терем Власо-Змая традиционно располагался на центральной площади города, рядом со Свагобором. Из серого камня, приземистый, но монументальный, обнесённый простой кованой оградой с каменными балясинами. За Княжеским теремом виднелись крыши гостевых теремов двора и деревья сада, за которыми, по левую сторону, можно было видеть высокие кроны дубравы Святобора.

Князя и его гостей почтительно встретили слуги. Злату проводили в верхние хоромы гостевого терема. Завороженных девочек-послушниц – черноволосую Марфу и рыжую Оленью, которые несли вещи царевны, разместили в нижних комнатах для прислуги. Миодрага ждали в Свагоборе, и волхвы, пришедшие в терем князя Бронимира почтить старшего служителя Полоза, проводили Миодрага в келью.

Вечером следующего дня Бронимир решил созвать закрытый Собор для прибывших из Солнцеграда гостей и доверенных веденеев и волхвов. Князь собирался представить Злату высоким чинам княжества (Бронимир представлял свою гостью как княжну с Большой Земли, которая, оставшись верной Богу Полозу, прибыла почтить Змия вместе с волхвом). Миодраг советовал Злате рассказать на Соборе о том, что Драгослав жив и пленён Мором. После этой вести Миодраг обещал говорить с Бронимиром лично и наедине. Волхв скажет князю, что

Злата прибыла не искать убежища, а свататься за князя – за верного Повелителю благородного мужа. Услышав такие речи, Злата возмутилась, отказалась – она думала, что Миодраг её просватает от своего лица. Где это видано, чтобы девушка сама сваталась? Да ещё и царевна, да и не к царю, а к князю? Но Миодраг вновь спокойно объяснил строптивой царевне свой расчёт. Волхв пояснил девушке, что такое внимание к собственной персоне Бронимир не сможет оставить незамеченным. А возможность самому стать царём Сваргореи побудит князя не только оставаться верным Злате и Полозу, но и как можно быстрее отправить флот Власова острова на Север. Миодраг обещал Злате сыграть свадьбу только тогда, когда Бронимир поможет ей освободить Драгослава, и Злата станет царицей. Пусть царская свадьба и коронация станут наградой, до которой князь, возможно, и не доживёт. Последние слова Миодрага воодушевили царевну: пугающая свадьба может не состояться никогда, а выгоду от предложения волхва Полоза царевна понимала.

На обеде, что Бронимир провёл для своих гостей, Злата, слушая почтительные речи Миодрага, Бронимира и Окамира, тайно разглядывала своего возможного мужа. Бронимир был не так красив, как её отец Драгослав, однако, по видению царевны, являлся приятным человеком. У князя были немного резкие черты лица, которые придавали ему сходство с вырубленной из камня скульптурой, и такая же бледная, словно мраморная, кожа. Свои каштановые кудри Бронимир не собирал, оставляя свободно ниспадать из-под медного обруча на плечи; борода князя была стрижена искусно. «Даже убивать жалко, – подумала Злата. – Если верно мне послужит, может, и оставлю его в живых. А может, и правда, замуж выйду».

На следующий день Бронимир, как и полагал, провёл Собор. Когда Хорс, преодолев вершину небосклона, стал медленно клониться к Нижнему Миру, Бронимир пригласил Злату и Миодрага в Престольный зал, где уже собрались приближённые к правителю Власова острова люди. После царских хором княжеский Престольный зал не произвел впечатления на Злату. Невысокий сводчатый потолок украшал орнамент, изображающий мировое дерево. Светлые стены престольной были расписаны серебристой краской, которая тускло бликовала на свету, лившемся из полукруглых мозаичных окон. Между окон стояли высокие подсвечники с золотым огнём, а вдоль окон – подвижные обитые серым бархатом лавки, на которых ожидали Бронимира придворные. Когда слуги отворили двери перед правителем Власо-Змая, ждавшие князя мужи поднялись и поклонились Бронимиру и его гостям. Князь проследовал к престолу, находившемуся в центре зала; рядом с тронем князя слуги поставили высокие инкрустированные камнями стулья для почётных гостей. Сначала опустился на трон Бронимир, затем заняли свои места Злата и Миодраг, и уже потом сели веденеи и волхвы. Княжеские слуги, почтительно поклонившись, покинули зал, и два грозных витязя, что несли караул с внешней стороны дверей, скрестили копыта – княжеский собор являлся закрытым.

Собор начался с речей и почестей, которые знатные, следуя этикету, воздавали друг другу. Подобные речи заставляли скучать царевну ещё в детстве, когда правил Драгослав. И сейчас, будучи взрослой и понимая необходимость этого представления скоморохов, как Злата называла про себя государственные собрания, девушка с трудом заставляла себя слушать то, как веденеи и князь обмениваются любезностями и представляют друг другу хорошо известные титулы и заслуги. Миодраг заметил настроение юной царевны и молился Полозу, чтобы сидящая рядом с ним Злата не прервала Собор, потребовав от Бронимира прямого подхода к делу. Хвала Полозу, царевна не перебивала князя и даже пыталась слушать говоривших, а не с безучастным видом смотрела в окно, как поступала Злата при Драгославе или на общих соборах волхвов.

Когда вступительные речи завершились, Бронимир, переглянувшись с кивнувшим ему Миодрагом, обратился к присутствующим:

– Почти шесть лет назад Веслав Первый одержал победу над Драгославом Великим. – Злата вздрогнула, услышав слова Бронимира. – Говорят, Освободителям покровительствовали

сами Боги. Но вы знаете, что так хорошо, как при Драгославе и Полозе, в Сваргорее никогда не жили. Иначе бы люди не совершали паломничества на Власов остров с молитвами к Покровителю. – Бронимир выдержал паузу, во время которой веденеи и волхвы согласно кивали. – По княжествам ходит молва о том, что жители Солнцеграда вспомнили крушение собственного города, а Полоз забирает в услужение юношей, умерщвляя их. – Злата сердито посмотрела на Бронимира, но князь не повернулся к ней. – Во времена Разобшённой Сваргорее люди гибли на войне. Рыбаки часто погибают в море, а охотники – в лесах. Разве золотое войско, которое охраняло нас самих, такая уж великая плата за ту мощь и богатство, которое даровало нашей стране покровительство Полоза?

Бронимир замолк, ожидая ответов на свои речи. Подданные переглядывались, перешёптываясь. Злата не могла разобрать, действительно ли люди уважают Бронимира или просто боятся его? Бронимир, заметив, что многие с опаской взирают на его гостей, заверил подданных, что он доверяет и Злате, и Миодрагу.

– А было ли крушение Солнцеграда? – хмуро взглянув на Злату, спросил крепкий воевода – глава княжеской дружины – и поклонился князю. – Об этом так много говорят, но... Как так получилось, что, когда ворожба пала, об этом вспомнили только жители стольных островов? Почему те, кто жил в Мореграде, ближайшем к столице городе, до сих пор молвят только о морской буре, что случилась семнадцать лет назад?

– Яволод, я и сам часто размышлял об этом, – признался князь, и царица с воодушевлением посмотрела на Бронимира. – Почему люди полагают, будто ворожба была Полоза и сейчас она пала? А не наоборот.

– И так ли избраны Богами Освободители? – низко проговорил веденей Окамир. – Мне доводилось беседовать с гостями из столицы, и даже они удивляются тому, что Боги до сих пор не позволили царю продолжить свой Род. Не является ли это обстоятельство свидетельством тому, что Боги не покровительствуют Всеславу Первому?

– И голосов Богов более не слышно, – будто сам себе пробормотал сидевший в отделении ветхий волхв в серебряном обруче. Старец с грустью посмотрел на князя. – Как бы моей душе ни претили твои слова, княже, разуму они кажутся верными.

– Благодарю тебя за честность, Бажен. – Бронимир положил на сердце руку и кротко кивнул Великому Волхву Власова острова. Злата с подозрением посмотрела на старца.

– Без даров моря казна оскудела, – вздохнул худенький казначей Зим. – Рыба, которая так спасала нас, будто покинула воды. Да и без каменье, поднятыми слугами Полоза, тяжело выкупать должное количество зерна у жителей Большой Земли...

– Не только острова о казне сокрушаются, – согласился заведующий гонцами¹⁴ веденей Младан. – Докладывали мне, что есть князья, которые недовольны тем, что дарованные Драгославом земли Корона вновь свободными сделала. А свободные земли негодуют оттого, что Корона вновь стала требовать плату в казну.

Злата, слушая мужей, тихо улыбалась. Бронимир заметил настроение царицы и обратился к залу.

– Вы искренне поведали о своих думах, – сказал князь, и в престольной воцарилась тишина. – Теперь настало время представить нашу почётную гостью из столицы. – Встревоженный шёпот пронёсся над залом. – Гостью, о которой кроме вас, преданных мне сынов Сварога, никто не знает и о которой никто не должен узнать. Под страхом казни. – Собравшиеся, переглядываясь, замерли, внимая речи Бронимира. – Гостью, которая называет себя истинной наследницей трона Сваргорее, дочерью Драгослава Великого. Царица Злата! – громко проговорил Бронимир, положив руку на сердце. Люди ахнули, и взоры присутствующих обратились к Злате. – С царицей прибыл и Великий Волхв Полоза, который служил Драгославу Великому

¹⁴ Заведующий гонцами веденей – веденей, занимающийся отношениями между княжествами.

– Миодраг. – Бронимир вновь положил на сердце руку, и мужи посмотрели на поклонившегося им Миодрага.

Престольный зал наполнился смятением и волнением. Подождав, когда люди успокоятся, Бронимир продолжил речь:

– Царевна прибыла на наш остров, дабы обратиться к Повелителю, – говорил князь. – Царевна Злата надеется, что Полоз внимлет ей, и люди вновь будут слышать глас нашего Покровителя.

Окамир, весь Собор смотревший на Злату, тихо спросил:

– Почему царевна так уверена в том, что замолчавший после воцарения Освободителей Полоз ответит ей в тайной гонимости нашего княжества? Почему царевна не обращалась к Повелителю ранее?

Люди в зале волновались. Бронимир, хмурясь, смотрел на поджавшую губы Злату. Окамир предупреждал его, что нельзя верить деве из столицы. Вдруг эта девушка не Злата, а тайный соглядатай Веслава? Но Бронимир внял настойчивым письмам Миодрага.

– За мной постоянно следили в Свагоборе, – вздернув подбородок, ответила Злата. – Перед капиями Полоза не зажигают огнивиц, и Покровитель не может явить свой глас. Я не могла нарушить законы Свагобора. А на вашем острове капий Полоза всё ещё в центре стоит.

– Стоит, царевна, и Небесный Огонь подле него горит, – кивнул Окамир. – Вот только Полоз не отвечает на наши молитвы. Почему же Он ответит на ваши?

– Потому что я дочь его Наместника, – уверенно ответила Злата. Миодраг хмуро смотрел на Окамира: княжеский веденей был подозрителен и умён. Бронимир же взирал на Злату.

– При всём уважении, – Окамир положил на сердце руку и поклонился царевне, – но ваш отец проиграл Веславу. Драгослав мёртв, а вы – не наследница трона, как бы нам ни хотелось иного. – Окамир, не моргая, смотрел на вспыхнувшую гневом Злату. Взгляд тёмно-серых, как грозовые тучи, глаз княжеского веденея налился чернотой. Уложенные на пробор чёрные с проседью волосы, перехваченные медным обручем, обрамляли сухое лицо, делая облик веденея ещё более холодным.

Царевна вскочила и, с трудом сдерживая себя, громко сказала:

– Мой отец жив. Его спас Мор.

Бронимир с ужасом смотрел на Злату; шум голосов наполнил зал.

– Это святотатство! – пытался перекрыть всех немощный Бажен своим старческим фальцетом. – Боги не оживляют людей! Владыка подземного царства забирает души!

– Моего отца забрали Чёрные Птицы и вознесли на небо! – громко ответила Злата, и голоса стихли. – Не только его Дух, но и тело.

В престольном зале воцарилась звенящая тишина. Бронимир внимательно смотрел на царевну. Злата стояла, вытянувшись как струнка; невысокого роста, хрупкая, но гордая и сильная царевна тяжело дышала, с трудом справляясь с нахлынувшими чувствами.

– Вы это видели, Злата? – Тихий вопрос князя прозвучал будто гром. Злата резко обернулась на Бронимира, что, откинувшись на спинку трона, прожигал её тяжёлым взглядом неверия.

– Видела. Я была на Блажене во время битвы.

– Мне было видение, – чётко и спокойно проговорил Миодраг, и собравшиеся посмотрели на волхва. – Полоз явил мне видение после того, как корабли вернулись из Блажена. Вы знаете, что Полоз и Мор ещё в Золотом Веке заключили союз.

– Это возмутительно! – перебил Миодрага Бажен. – Полоз был повержен Перуном, а Чернобог с Белобогом заключили мир!

– Вы правы. – Миодраг положил руку на сердце. – Но Полоз и Мор свой союз так и не расторгли. Или вам известно обратное?

Бажен нахмурился.

– Нам об этом ничего не известно, – задумчиво ответил Великий Волхв Власова острова.

– Если бы Боги расторгли союз, – сказал Миодраг низким голосом, который так хорошо убеждал людей, – люди бы об этом знали. Победа Перуна говорит только о его победе, как и мир, заключённый между Богами Яви и Неяви. Но в Священных Тестах не сказано о том, что после Ледяного Века Мор и Полоз расторгли свой союз.

– Даже если ваши слова правдивы, – обратился к Миодрагу Бронимир, – то зачем Морю спасать слугу Полоза, пусть наш Покровитель и является его союзником? Ведь война Богов Ледяного Века давно закончилась.

– Потому что она закончилась не так, как того хотел Мор, – ответила за волхва Злата и подошла к трону Бронимира. Царевна, нарушая все правила приличия, сверху вниз гордо посмотрела на князя, который, расправив плечи, не уступал её пронзительному взгляду. – Мор спас моего отца, потому что надеялся на то, что Драгослав сможет вернуться к людям и продолжить правление Сваргореей в качестве Наместника Полоза. Я не думаю, что Мор хочет вернуть Ледяной Век, не думаю, что этого хочет и Полоз. Вы же сами это понимаете, служа Повелителю вопреки законам.

Бронимир хмуро смотрел на дерзившую царевну, но князю хватало выдержки не вступать с ней в спор. Миодраг устало вздохнул и обхватил руками голову: какими опрометчивыми были слова Златы! Юная, строптивая царевна... Угроза войны Богов может напугать даже преданных Полозу людей.

– Царевна, и что же хочет, по вашему разумению, Мор? – сложив в замок украшенные перстнями руки, поинтересовался Бронимир.

– Вернуть долг Полозу, – Миодраг не дал ответить Злате. – Веслав победил Драгослава мечом Перуна, Иглой. – Волхв поднялся со своего места. – Царевна права, Мор не хочет Долгой Зимы. Мор возвращает Владыке вод ту силу, которую когда-то у него забрал, заставив возвести Колодец в Неявь. Ведь Полоз не только Перуну проиграл. Пучины вод отныне населяют создания Неяви, которых приходится сдерживать Полозу.

Миодраг поклонился и сел. Злата отошла от Бронимира, который продолжал внимательно смотреть на неё, и тоже опустилась на стул.

– Мы поверим вам, Злата, если Полоз ответит вам. – Окамир так же, как и князь, пристально смотрел на царевну. – Если вы та, за кого себя выдаёте, если Драгослава Великого и правда спас Мор, тогда Повелитель явит вам свой глас в Небесном Огне.

Миодраг был разочарован тем, как закончился Собор. Волхв Полоза не был уверен в том, что Повелитель сразу ответит Злате, а «Триян» уже отбыл в окольные воды, туда, где его должен будет потопить Полоз, чтобы море вынесло обломки корабля к берегу Борея. Если с гордым Бронимиром ещё можно было договориться, то великий веденей княжества Окамир, который напоминал Миодрагу самого себя, точно не даст царевне второй попытки. Волхву было страшно думать о том, что будет, если Бронимир доложит о Злате в Солнцеград.

Когда Миодраг и Злата остались вдвоём, волхв вновь отчитал царевну – говорить на Соборе надо было иначе, не пугать людей и не гневить князя. Злата же была уверена в том, что Полоз ей ответит, и не разделяла беспокойства Миодрага, чем ещё сильнее прогневала старца.

На следующий день Бронимир, Окамир и Великий Волхв Власова острова Бажен отвели царевну в тайную гонтину Власо-Змая, которая располагалась в глубине священной рощи Святотора.

В деревянном храме царил белёсый полумрак: небесный Сварожич горел подле резного капия Полоза, и всполохи Небесного Огня таяли в серебристом сиянии дыма огнивиц.

Миодраг с замиранием сердца смотрел сквозь призрачное марево на то, как Злата, облачённая в белый траур волхва, поднесла к огнивице ладони и небесное пламя обхватило её тонкие пальцы. Пристально взирал на Злату и Бронимир, рядом с которым ждали ответа Полоза Окамир с Баженом.

Отсветы лазурного огня играли на белом трауре Златы, отражались от её золотых волос, бежали по искусной резьбе капия Полоза и исчезали в сизом тумане, парящем у высокого потолка.

Царевна закрыла глаза и зашептала. Злата ощутила, как синее пламя мягко обхватило её ладони. Царевна обращалась к Повелителю, стараясь как можно сильнее открыться Полозу, но Бог молчал. Злата молвила о даре – о «Трияне» – но Владыка вод не явил свой глас. Не ответил ей Полоз и на мольбу, не внял царевне и на Слово Духа.

– По-моему, Злата, даже если и правда дочь Драгослава, силой Велеса не владеет, – не дождавшись, пока девушка закончит волхвовать, мрачно проговорил Окамир. – Кажется, мы только зря теряем время.

– Согласен, – хмуро ответил Бронимир, и Злата, прервав ворожбу, с ужасом посмотрела на князя. – Ради вас я рискую не только почётным местом в Палате, но и жизнью, – вздохнул Бронимир. – А вы, царевна, кроме того, что дерзить, ничего не можете. – Бронимир покачал головой. – Царевна Злата, если вы – и правда вы, то мне грустно. Если вы – самозванка, то мне ещё грустнее. Поживите пока взаперти, в тереме, я подумаю, что с вами обоими делать. – Бронимир посмотрел на грозного Миодрага.

Глава 7

Послание

Разверзлись небеса, и разыгрался шторм такой силы, что казалось, будто Полоз с Перуном вновь сошлись в схватке. От гнева Богов небо налилось гнетущей чернотой, тучи клубились, сливаясь с морем на горизонте. Стрибог леденяще выл, и волны безжалостно обрушивались на «Лютояр». Команда отчаянно боролась со стихией, пытаясь не позволить буре потопить судно: благо шквал был замечен вовремя и поморы успели убрать основные паруса корабля, оставив штормовые. Капитан Радегаст надеялся обойти сердце шторма, не опуская штормовой якорь и не ложась в дрейф. Волхв Гудим, привязав себя к фок-мачте, отчаянно шептал, стараясь силой своих Слов помочь поморам. Но серебристые слова волхва тут же рвал ветер.

Ратибор, который впервые оказался на корабле в открытом море, от страха хотел спрятаться в трюме, но ни витязи наместника, ни поморы ему не позволили. Для выживания перед лицом стихии нужны были силы каждого. Поморы, обвязав себя страховочными канатами, уменьшали рифы штормовых парусов, которые с трудом выдерживали стихию. Ратибор работал вместе со всеми, стараясь отогнать мысли о Полозе и о том, что из тёмных волн вот-вот покажется страшный плавник Горыча.

Но слуг Полоза в беснующемся море не было. Корабль заливало водой, и судно едва держалось на плаву. Затянутые свинцовыми тучами небеса расколола стальная молния, и невероятной силы гром сотряс мир. «Перун, – подумал Ратибор, – Громовержец не позволит силам Змия подняться на поверхность».

Молнии сверкали; шквальный ветер стих, превратившись в штормовой. Люди вздохнули свободнее: порывы ледяного шквала чуть не перевернули трёхмачтовый корабль. Гудим воздавал благодарные молитвы Перуну-защитнику. Волны сделались меньше и уже не заливали открытую палубу «Лютояра».

– Мы обошли сердце шторма, – доложил Радегаст Кудеяру, который, несмотря на своё положение наместника царя, работал вместе с поморами.

– Ещё рано поднимать все паруса, – хмуро ответил наместник, вглядываясь в шипящие волны. – Такой шторм среди тихого ясного дня – не просто непогода. Ворожба кого-то из слуг Полоза, если не самого Змия. – Кудеяр сжал в ладони оберег Велеса.

– Ветер попутный, и если мы прибавим основные паруса, быстрее уйдем от непогоды, – попытался возразить морской волк, но Кудеяр отрицательно покачал головой.

– Ветер только переменился, – сказал наместник. – До этого внук Стрибога едва не порвал наши штормовые.

Капитан нехотя поклонился и отдал приказ держать курс под штормовыми парусами. Кудеяр вместе с Радегастом поднялся на шканцы «Лютояра».

– Шторм движется к Большой Земле, – поклонился наместнику вперёдсмотрящий помор Богша.

– Раз мы ещё не прошли мыс Западной Дуги, то непогода идёт к Борейскому фьорду, – задумчиво проговорил Кудеяр, и тут нечто толкнуло судно из-под воды. Невесть откуда взявшаяся волна едва не перевернула корабль. Кудеяр упал, кормщик Богдан смог удержаться за штурвал, Богша и капитан схватились за ограждение.

– Держать курс! – крикнул рулевому Богдану капитан Радегаст, не отпуская ограждения. Богдан, который повис на штурвале, скручивал его своим весом. Рулевой пытался встать, но накренившееся судно и скользкое дерево палубы не давали Богдану справиться с собой. Корабль, ведомый волной, накренился больше, и кормщик ещё больше выворачивал штурвал. Радегаст попробовал отойти от судовой ограды, но тут же упал. Только страховочный канат удержал капитана на палубе.

Цепляясь за балясины ограждения, Кудеяр, не поднимаясь на ноги, старался ползком добраться до рулевого. Но тут море стало оседать и заваливать корабль на другую сторону. Люди с криками покатались по палубе. Кудеяр, который не обвязал себя канатом, чтобы свободно перемещаться по «Лютояру», с трудом успел схватиться за штурвал и повернул его, перевесив вцепившегося в штурвал кормчего.

– Развернуть паруса по силе ветра! – отчаянно пытался перекричать стихию Радегаст.

Поморы, с трудом справляясь с вооружением «Лютояра», старались выполнить приказ капитана. Кудеяр и Богдан поднялись и вдвоём встали у штурвала; кормщик обвязал наместника страхующим канатом.

Со стороны океана катила свои воды волна: гигантская, с вспухшими от напряжения белыми венами, под грозный аккомпанемент грома и молний. Небо разразилось оглушительным треском, и клубящиеся тучи осветила лиловая молния. Ратибор, изо всех сил держась за мачту, молился Перуну.

– Развернуть паруса! – отчаянно кричал Радегаст.

– Ну что, малой, давай, – перекрикивая ветер, обратился к Ратибору помор, что вместе с другими моряками из последних сил тянул канат, силясь изменить положение штормового паруса, – помоги!

Ратибор, борясь со страхом и ледяным ветром, заставил себя отойти от мачты и взяться за снасть рядом с моряками.

Катившуюся из океана громадную волну корабль встретил носом. Море, шипя и пенясь, вновь накрыло судно, обдав «Лютояр» ледяной водой. Ратибор с трудом понимал, что происходит: крики сварогинов тонули в рокоте стихии, и юноше казалось, что весь мир поглотила холодная тьма.

«Лютояр» набрал много воды, но корабль остался на плаву.

– Полоз, – проговорил Кудеяр, отчаянно глядя в волны сквозь паутину облепивших лицо волос.

Мироздание потряс утробный с перекатами раскат грома, и иссиня-чёрные тучи вспорола ветвистая молния. Пошёл дождь.

– Только этого не хватало, – прошептал вперёдсмотрящий помор. Юноша изо всех сил держался за ограждение. Богша обернулся к наместнику.

– Смерч из открытого моря! – пытался перекричать ветер вперёдсмотрящий. Капитан, который теперь стоял у штурвала вместе с Кудеяром и Богданом, посмотрел на наместника.

– Ветер вновь изменился, – пробасил Радегаст. – Мы должны прибавить паруса, дабы уплыть от стихии.

Кудеяр кивнул, и Радегаст отдал приказ поморам. Волхв Гудим старался Словом укрепить ветрила корабля: серебристое свечение ворожбы еле видимым кружевом дрожало у парусов. Обращался волхв и к Стрибогу, дабы его внук¹⁵ благоволил «Лютояру» и оставался попутным.

«Лютояр», подгоняемый ветром, плыл, зачерпывая воду, прочь от шторма, который, казалось, стал вновь набирать силу. Из свинцовой ошестинившейся молниями тучи смерч чёрной нитью связал небо и море на горизонте. Но то ли слова Гудима были услышаны Стрибогом, то ли сварогином и правда помогал Перун, но трехмачтовый корабль уцелел в битве стихий и вышел в более спокойные воды. Измождённые борьбой люди из последних сил подняли все паруса, и «Лютояр» вновь взял курс на Солнцеград.

Стрибог вновь заботливо наполнял белые паруса ветром, и через седмицу корабль прибыл в столицу. Кудеяр был убеждён в том, что странный шторм, который едва не погубил судно, был вызван самим Полозом, несмотря на то, что никого из слуг Змия в водах замечено не было.

¹⁵ Внук Стрибога – ветер.

Волхв Гудим соглашался с наместником и страшился того, что Полоз вновь нападёт на землю. Поэтому, когда «Лютояр» причалил к Идре, Кудеяр вместе с волхвом и Ратибором, который за время плавания научился общаться с наместником без дрожи в голосе, сразу отправился в Царский Терем.

Веслав принял Кудеяра в малой престольной: небольшом зале с расписными стенами цвета охры. Царское место располагалось на возвышении у противоположной парадному входу стене – украшенный золотым орнаментом трон. Подле мозаичных окон стояли обитые бархатом лавки. Веслав принял Кудеяра без царской свиты, чем поразил Ратибора, который крайне неловко чувствовал себя в царских хоробах. Даже витязям – почётному караулу – Веслав приказал покинуть Престольный зал прежде, чем начал беседу с прибывшими ко двору.

Царь был удивлён внезапному прибытию своего наместника, и когда Кудеяр поведал ему о причине своего возвращения, Веслав сердечно поблагодарил и его, и Ратибора за то, что лично доставили важные вести. Новость сильно встревожила царя, и Веслав велел Гудиму передать известие волхвам Великого Свагобора.

Когда волхв с поклоном покинул престольную горницу, Веслав обратился к Ратибору.

– Ты смелый юноша, Ратибор, – сказал царь рыбаку, который, несмотря на свои старания, едва держался на ногах от страха перед царём Сваргореи. – Наместник Кудеяр уже взял тебя на службу. Чем я могу отблагодарить тебя?

Ратибор опешил от вопроса царя. Веслава Первого, Освободителя, поразившего слугу Полоза мечом самого Перуна, рыбак представлял иначе: гордым и внушающим страх мужем с суровым взглядом. На троне же оказался спокойный человек средних лет, который больше походил на печального волхва, нежели на грозного воина. И эта рассудительность правителя испугала рыбака больше, чем ожидаемая суровость. Царь же, поняв, что испытывает стоящий перед ним человек, мягко улыбнулся.

– Каким бы твое желание ни было, ты можешь смело о нём поведать, – заверил Веслав Ратибора.

– Я не знаю, что просить у вас, – тихо ответил Ратибор. – То, что меня взяли на службу, – награда, о которой я не смел и мечтать.

– Хорошо, пусть так, – мягко согласился царь. – А теперь мне надо потолковать с наместником, – сказал Веслав Ратибору, и юноша, неловко улыбувшись, с поклоном покинул зал. Когда Ратибор ушёл, Веслав спустился с трона и сел вместе с Кудеяром на лавку подле окна.

– Ты не ошибся – шторм и правда был штормом Змия, – тихо молвил царь. Кудеяр удивлённо посмотрел на Веслава.

– Думаете? – спросил наместник.

– Два дня назад от волхвов Борейя прилетел голубь с берестой, – со вздохом ответил Веслав. – В послании говорилось о шторме и о том, что к берегу прибило останки «Трияна».

– Значит, в этой буре кто-то погиб... – нахмурился Кудеяр.

– Не кто-то, – царь внимательно посмотрел на наместника. – Царевна Злата отправилась в Борейя, на родину отца, на этом корабле.

– Что? – Кудеяр не поверил услышанному. – Почему вы уверены в том, что разбился именно «Триян»?

– Волхвы передали, что среди останков, прибитых к берегу, была доска, на которой сохранилась часть имени корабля.

– Полоз забрал Злату... – ещё больше хмурясь, прошептал наместник, и Веслав кивнул.

– Я отправил гонцов и посыльных голубей в княжества с печальной вестью, – сказал царь. – После того как завершатся песни по Злате, будет проведён ежегодный Великий Собор. – Веслав хмуро смотрел на Кудеяра. – Как бы я ни хотел отпустить тебя к Любаве, я не могу, – с сожалением проговорил Веслав, и наместник понимающе кивнул.

– Я попрошу волхвов зачаровать для неё голубя, – тихо ответил Кудеяр и дотронулся до оберега Велеса.

– После Великого Собора отправишься к ней, – заверил Кудеяра царь. – Я надеюсь, Полоз пока не будет нападать на нас, – предположил Веслав. – Видишь, даже Перун помогал тебе в пути, – с сомнением добавил царь.

– После вашего сообщения о Злате я в этом не уверен, – признался Кудеяр, положив руку на сердце. – Змий не просто так её жизнь забрал. Если это правда.

– Я думаю, это правда, – кивнул Веслав. – Полоз должен был обратить взор на дочь своего Наместника.

Кудеяр покачал головой.

– Шёпот молвы всё тот же? – спросил наместник.

– К сожалению, – сокрушённо ответил царь. – Люди истолковали гибель Златы как... – Веслав запнулся, – как милость Богов, освободившую столицу от дочери тёмных волхвов. Теперь, по их разумению, Полоз не вернётся точно.

– Спокойное и сытое время нам явно не на пользу, – нахмурился Кудеяр.

– Я хотел построить ещё корабли, – говорил Веслав, опустив взор, – но военный совет и совет веденеев не одобрили приказ, ссылаясь на излишнее расточительство казны.

– Казначей Остроглаз всё возмущается расходами на дружину? – спросил наместник.

– Ты даже не представляешь как. Ворон, конечно же, доволен, как и военные чины, – грустно усмехнулся Веслав. – Но веденеи и казначей не согласны, что дружину надо укреплять. – Царь немного помолчал и, переведя взгляд на расписной потолок, тихо проговорил: – Мне кажется, я один пытаюсь хоть что-то сделать. Крайне тяжело идти против неверия.

Кудеяр хмуро посмотрел на молодого царя: порой наместнику казалось, что в Веславе слишком много неуверенности. Если бы царь был более суров, ему бы не пришлось соглашаться с советом веденеев – правящие мужи приняли бы царскую волю. Кудеяр не любил вспоминать время Драгослава, но Наместник Полоза, в отличие от его племянника, умел повелевать людьми, и его приказы выполнялись беспрекословно даже без ворожбы. Если бы такое качество было и у Веслава... Кудеяр покачал головой, отгоняя мысли: о подобном он вслух никогда не говорил, ибо на престоле был благословлённый Богами человек, который проявил к нему, наместнику Драгослава, невероятное великодушие, не только сохранив жизнь, но и оставив на государственной службе.

– Тяжело, но, к сожалению, необходимо, – ответил наместник. – Судов за этот сезон мы, конечно, уже не построим, но армию укрепим.

– Да помогут нам Боги, – устало проговорил Веслав.

– Помогут, – кивнул Кудеяр. – В народе чтят Освободителей, а правящие мужи... Им придётся согласиться с вашей волей, – говорил Кудеяр, и Веслав обернулся на своего наместника. – Я вас во всём поддержу. Даю слово. – Кудеяр положил на сердце руку, поднялся и, поклонившись Веславу, покинул престольную.

Василиса сидела подле окна и сквозь слёзы смотрела на великолепный Солнцеград, купавшийся в лучах летнего полуденного солнца. Вести о Злате, которые принёс голубь волхвов Борея, и вести, что вчера поведал Кудеяр, вогнали царицу в глубокую тоску. Василисе всегда было жаль Злату, несмотря на то, что царица знала, как к ней относится царевна. Василиса не сердчала на Злату – она полагала, что Боги были несправедливы к девушке. Мать Свагора могла бы помочь Злате пережить горе, Сварог мог бы не позволить Полозу забрать её. Неужели Полоз и из Златы сделает прислужницу? От этой мысли наворачивались на глаза слёзы.

Василиса отвернулась от окна и с грустью оглядела пышное убранство своей горницы: расписные стены, печь с изразцами, резной стол, на котором стояла ваза с ягодами и кувшин с водой. Солнечный свет струился сквозь мозаичные окна. Скоро уже шесть лет, как Василиса стала царицей. Но только первые два года она была по-настоящему счастлива. С тех пор, как Мор обратил на неё взор своих безглазых очей, царица стала увядать. Видения мучали, не давали жить. Василиса сжала в ладони берёзовый оберег, с которым никогда не расставалась. Царица знала, кто спас ей жизнь, и если вначале она радовалась своему спасению, то теперь оно страшило её. Царицу страшила плата, которую, как она чувствовала, Мор потребует не только от неё, но и от её близких. Владыка Нижнего Мира должен был забрать её душу: тогда, на поле боя, Василиса исполнила свое предназначение, открыв Веславу силу Света. Сама она, как и Агния, должна была погибнуть, вернув долг Морю и сохранив равновесие Света и Тьмы. Василиса была уверена, что тогда Мор не стал бы помогать Полозу, спасая его слугу, Веслав справился бы со своей утратой, а Злата осталась бы жива – царевну не забрал бы Полоз. Но теперь... теперь вся надежда на то, что у её Духа хватит сил противостоять зову Неяви.

По настоянию Веслава Василиса вновь обращалась за советом к Великому Волхву Далемиру, но и в Свагоборе ей не помогли: ни Слово Великого Волхва, ни его благословление. Даже совет старца Далемира – поместить у изголовья постели огнивицу со Сварожичем – не развеял кошмары и тоску. Не помогали и пышные обеды, которые, не скупясь, проводил ради неё Веслав; ни артисты, что каждый день плясали при дворе; ни прогулки, на которые водил её царь. Почти каждую ночь Василиса видела Колодец, почти каждую ночь она боролась с желанием прыгнуть во тьму. Ведь знала Василиса, что если она прыгнет в Колодец, всё случившееся потеряет смысл.

Царица смахнула слёзы и, убрав под одежды оберег, покинула свои хоромы. Она всё же согласилась пойти на прогулку с Ярой и Фросьей, которые ещё с утра звали её развеять печаль (Мухома с семьёй решили дольше погостить в Солнцеграде). И Яра, и Фросья жалели Злату, но княгини не были искренними в своем сочувствии. Даже служка, который принёс весть о кончине царевны, сообщал о смерти дочери Драгослава с неестественной печалью. Василиса понимала своих подданных, и это понимание только больше печалило её.

Царица спустилась в приёмные хоромы Царского Терема, где её уже ждали Яра и Фросья с детьми: красивые, в дорогах, с камнями, платьях. Осанки обеих сделались под стать новому положению – и Яра, и Фросья держались гордо и чинно, истинные знатные дамы. Василиса невольно вспомнила их другими: в простых рубахах и сарафанах, улыбающихся деревенских дев. Когда-то и на ней самой был сарафан изо льна, а не расшитое царское платье, когда-то и она искренне смеялась – в ушедшие беззаботные счастливые года. Царица постаралась отогнать безрадостные мысли и улыбнулась Яре и Фросье.

Женщины отправились в Святобор, что располагался за Великим Свагобором, недалеко от Теремного Дворца. Стояла середина липеня¹⁶, и дневная жара таяла в благодатной тени святой рощи и на свежем прохладном ветру. Яркие солнечные лучи пробивались сквозь сочные кроны деревьев и зайчиками играли на белом щебне насыпных дорожек. Над цветущими кустарниками летали яркие насекомые. Ясна и Любозар, которые уже успели подружиться,

¹⁶ Липень – июль.

убегали вперёд взрослых и, играя, звонко смеялись. Василиса с грустью смотрела на детей, которых, как ей казалось, у неё уже не будет. Царица слушала подруг вполуха, стыдясь того, что завидует им.

– Василиса, тебе не смешно? – остановила её Фросья. Княгиня смотрела на царицу, улыбаясь. Улыбалась и Яра, и Василиса поняла, что она не услышала какую-то их шутку. – Ох, да ты не слушаешь нас! – расстроилась Фросья и сокрушённо покачала головой. – Твоя хандра тебя погубит.

– Я немного задумалась, – кротко улыбнулась Василиса. Ясна, визжа, пробежала мимо, прячась от Любозара, который теперь её дразнил. Девочка спряталась за мать и со смехом закрывалась от мальчика Фросиной юбкой. Яра пыталась утихомирить сына, но Любозар не собирался отступать и пытался достать Ясну, вырываясь из рук матери. Царица невольно улыбнулась.

– Как бы ни была печальна недавняя весть, – Фросья хмуро посмотрела на царицу, – в ней есть и... определенные обстоятельства... – Княгиня старалась мягче выразить свою мысль.

– Я понимаю, что ты хочешь сказать, Фросья, – со вздохом ответила Василиса. Любозар наконец вырвался из материнских рук, дёрнул Ясну за косу и убежал. За мальчиком погналась княжна. Женщины медленно двинулись вслед за детьми.

– Василиса, не серчай, – обратилась к царице Яра. – Боги помогают тебе.

Царица сердито посмотрела на Яру.

– Вот уж не ожидала услышать от тебя такое, – призналась она. – Смерть – это не помощь Богов.

– Как же не помощь? – спросила Фросья. – Скажу тогда прямо: теперь других претендентов на престол нет. Право твоего первенца на трон уже никто не сможет оспорить.

– Первенца? – покачала головой царица. – Зачем ты так говоришь? – Василиса нахмурилась ещё больше. – Ведь я рассказывала вам...

– Василиса. – Яра подошла к царице и взяла её за руку. – Ты знаешь, у меня больше десяти лет не было детей. Ты ещё совсем молодая, всё впереди.

Ясна догнала Любозара, и теперь оба увлеклись тем, что поднимали с дороги камешки и бросали их, целясь в деревья. Когда кто-то из детей попадал в дерево, оба громко смеялись.

– Тебя в Светомире благословили Боги, – царица убрала руку из ладони Яры, – а меня... Я должна была уйти к Морю, вот Боги и не позволяют мне продолжить Род, – сказала Василиса уверенно и, предупреждая подняв руку, не позволила подругам возразить. – Злата должна была стать царицей после меня и Веслава. А теперь... теперь царю надо будет искать другую царицу.

– Отец Сварог! – всплеснула руками Фросья. – Ты что такое говоришь?

– Да то и говорю, – горько ответила Василиса. – Если обычный муж может позволить себе иметь бездетную жену, то если не будет наследников у царя, кто взойдёт на престол? Сваргорею вновь потрясут междоусобные войны. Я как царица не могу этого допустить.

– Думается мне, ты слишком рано об этом беспокоишься, – уверяла Василису Яра. – В твои-то годы!

Но Василиса отрицательно покачала головой.

– Наследник должен взойти на трон взрослым мужем, а не неразумным юношей, – ответила царица.

– А вдруг проблема не в тебе? – предположила Фросья, и Василиса, вспыхнув, строго посмотрела на княгиню.

– Веслав не умирал, – сухо ответила она. – Царя не зовёт Мор, и его благословил Перун, даровав Иглу.

– Ты спасла Веслава, – развела руками Фросья. – Да и откуда у тебя такие страшные мысли о том, что ты должна была отправиться к Морю?

– Я уже говорила вам.

– Василиса, кажется, тебя заморозили, – тихо сказала Фросья. – Твои речи пугают. Я помню тебя совсем другой. Сильной, смелой, радостной девушкой, которая была намного сильнее Веслава. Если бы не ты, он бы никогда не стал царём и во всем Свете наступил бы Змиев Век.

Василиса остановилась и сердито посмотрела на подруг.

– Агния помогала Драгославу, а я – Веславу. Вот для чего нас обеих послали Боги. Агния умерла, когда её предназначение было выполнено, так же, как и я. Мёртвых нельзя спасти.

Яра и Фросья переглянулись.

– Твоё волхование лишило тебя разума, – обеспокоенно проговорила Яра. – Ты говорила все эти ужасы Веславу?

Василиса горько вздохнула и шагнула назад: они её не понимали. Они не понимали! Никто. Даже волхвы, к которым она обращалась по настоянию отца и Веслава. И тем печальнее виделось царице бытие.

– Я хочу пойти к Богам, – тихо ответила Василиса, пятясь. – В капище Святобора.

– Пойдём, – кивнула Яра, но царица покачала головой:

– Я пойду одна. Не сердчайте на меня.

Не дожидаясь ответа, царица отвернулась и пошла к большой аллее Святобора, что вела к святому озеру. Василиса не обернулась ни на зов подруг, ни на смех играющих детей.

Минуя рощу, Василиса вышла к водоёму. Царица спустилась к причалу, села в лодку и взяла вёсла. Вода была спокойна; у берега острова, располагавшегося в центре озера, ловили рыбу кьор. Звонко пели птицы и стрекотали кузнечики; над водой, что мерно плескалась о плывущую лодочку, летали лёгкие стрекозы. Прохладный воздух сладко пах благоухающими цветами. Священный дуб, раскинувший свои могучие ветви над островом, отбрасывал глубокую синюю тень. И почудилось вдруг Василисе, что в тени на скамейке подле дуба кто-то сидит: тень будто делалась гуще над скамьёй. Сердце царицы сжалось, но Василиса не могла отвести взгляд от полуденного морока. Когда лодка причалила, Василиса, не отрывая взора от неясной тьмы, медленно сошла на берег и поднялась к дубу. Тень над скамьёй колыхнулась, царицу обдало холодом, но Василиса только ближе подошла.

– Печаль твоя глубока, – тихий шёпот таял в звенящем стрекотании кузнечиков.

Василиса вздрогнула, и тень, колыхнувшись ещё раз, стала осязаемой.

– Ты боишься, – молвил голос. – Подойди, сядь рядом. Я заберу твою печаль.

– Кто ты? – робко спросила Василиса, нерешительно шагнув к дубу.

– Зайди в тень, тогда увидишь.

Царица замерла. Живая тень страшила, леденила сердце, но её шелестящий, как осенняя листва, голос успокаивал и манил. Василиса боялась, но хотела подойти. Царице казалось, что тень, навь, которая осталась в Среднем Мире, сможет её понять. Ведь кто знает смертную тоску, как не мёртвые?

Василиса вздохнула и шагнула в тень. Тьма, клубившаяся над скамьёй, перестала быть тьмой: подле дуба сидела дева с бледной кожей и белыми как снег волосами. Её белое траурное платье таяло в траве, будто туман. Её пустые глаза были чёрными, как ночь.

– Полудница? – ахнула царица, но не ступила на свет.

– Не люблю, когда меня так называют, – призналась навь и, подвинувшись, указала на скамью. – Садись, прекрасная дева, я тебя не умулю. – Видя, что Василиса не спешит принять предложение, полудница улыбнулась. – Твой дух силен, волхва, не буду тягаться я с тобою.

Царица нерешительно села рядом с навью.

– Зачем ты явилась мне? Да и как пришла сюда, в святое место? – спросила Василиса, нахмурившись. Предчувствие дурного томило царицу, но неясное чувство не позволяло Василисе покинуть полудницу. Тёмный дух явился ей не просто так.

– Святое место? – пожала плечами полудница и оглянулась, будто не поверив. – Я сюда часто прихожу.

– Зачем?

Навь резко обернулась на Василису, и царица отпрянула. Полудница усмехнулась.

– Тебя жду, – ответила тень, но, увидев испуг царицы, положила на сердце руку. – Она прислала меня.

– Она? – не поверила Василиса. – Но она стала берегиней, стала ради меня... Она не может... – Тут царица умолкла и внимательно посмотрела на навь.

– Не может общаться с русалками и полудницами? – договорила за царицу навь. Василиса кивнула. – Почему?

– Потому что вы не служите Свету.

Полудница тихо рассмеялась, но от её сиплого с хрипотцой смеха стыла кровь.

– Как и ты, – прошелестела она.

– Что? – Василиса даже встала от удивления. – Я никогда не служила Мору!

– Я думала, ты премудрая, – вздохнула навь. – Мор не требует служения, как и Сварог. Служение выдумали вы, люди. Есть поступки, которые ведут в Царствие Мора, а есть поступки, которые ведут в Царствие Сварога. Вот и всё.

Царица медленно опустилась на скамью и с грустью посмотрела на полудницу.

– Я не понимаю, что ты хочешь мне поведать?

Навь сокрушённо покачала головой.

– Всё ты понимаешь, царица Сваргореи, – проговорила полудница с поклоном, и Василиса нахмурилась. – Я пришла тебе помочь.

– Помочь?

– Помочь, – кивнула полудница, – справиться с печалью. Ведь я тоже умерла.

Василиса вздрогнула, и навь, метнувшись к ней, коснулась её руки. Василиса не успела защитить себя ворожкой: от тоски её дух ослаб. Ледяное касание не причинило боли – наоборот, полудница, взяв царицу за руку, будто дала ей силу. Вместе с холодом покидала печаль, и во тьме таяли страхи. Во тьме не было Колодца, не было Мора. Там не было ничего: ни мук видений, ни мук совести, ни мук страха. Только тишина и спокойствие. Василиса почувствовала, как сами закрываются глаза, тело становится лёгким, как пёрышко, а дух устремля-

ется в неведомые дали. Дали, где можно вечно летать и танцевать, как полудницы, не ведая тоски. Но резкий порыв ветра пронзил мягкую тьму, и царица открыла глаза. Чёрные глаза нави были недопустимо близко.

– Я – жива! – воскликнула царица и вскочила. – Ты же – умертвие!

– Да, моё тело тает в свете дня, – полудница указала на себя. – У тебя же тает дух. Но я могу спасти тебя, – громче прошелестела навь.

– Сгинь! – громко сказала Василиса, отшатнувшись. Холодный ветер налетел вновь, и, будто по велению внука Стрибога, медленно таял морок. Василиса, невзирая на страх, всё ещё оставалась в тени. Полудница мягко улыбнулась в ответ, отчего царице сделалось жутко. Ветер развеял туман сна, и Василиса, справившись с собой, вышла из-под сени дерева. Как только царица встала на свет, сидящая под дубом дева вновь обратилась тенью. Ветер продолжал кружить, качая ветви могучего дуба.

– Не ты, матушка, мне навь послала, – прошептала Василиса, сжимая в руке берёзовый оберег. Царица, с трудом поборов морок, отвернулась от священного дуба и медленно побрела к лодке. Страх перед навью отгоняло смутное чувство, которое влекло к призраку. Как же умертвие Неяви пришло в Святобор?

Спустившись на пирс, Василиса обернулась: тень под дубом сместилась, и скамью освещало солнце, пробивающееся сквозь дрожащую на ветру листву. Как же так? Царица посмотрела на капище, которое располагалось на возвышении острова: даже в свете дня было видно, что в огнивицах горел Сварожич. Василиса вздохнула и села в лодку.

Налетевший ветер взволновал тихие воды озера, и поднявшиеся волны бились о борта лодки. Но ветер подгонял суденышко, волны не мешали Василисе плыть: царица даже подняла вёсла, и заботливый ветер нёс её лодочку. Внук Стрибога был студёным, не летним. Но эта его свежесть не походила на холод Неяви – она отрезвляла и отгоняла морок. Когда лодка причалила к пирсу, ветер стих. Василиса удивлённо огляделась: ей помог Стрибог?

– Спасибо, Ветер, – тихо прошептала царица, и лёгкое дуновение коснулось её. Василиса грустно улыбнулась и сошла на берег.

Глава 8

Серебряная Песнь

Мирослава открыла глаза, но мир был слишком ярким, и она зажмурилась.

– Доченька, – молвил матушкин голос, – ты слышишь меня?

– Да, матушка, – тихо ответила Мирослава, не размыкая глаз. Свой голос девушка услышала сухим и резким, будто всю жизнь воды не пила.

Тёплая ладонь матери легла на лоб и погладила по голове.

– Как ты? – прошептала мать.

– Пить хочу, – сипло ответила Мирослава.

По шуршанию ткани Мирослава поняла, что мама покинула её комнатку – занавеской отгороженную от остального дома кровать подле печи. Мирослава вновь постаралась открыть глаза: холодный дневной свет, что лился из окон большой горницы, пробивался сквозь вышитый узор занавески подле её постели. Но даже такой неяркий свет ослеплял, складывался в серебряные всполохи. Свет играл на белых вышитых простынях и, превращаясь в туман, таял у потолка. Мирослава изо всех сил старалась не закрывать глаза и не поддаваться мороку.

Матушка вернулась с кружкой воды: мать шире отодвинула занавеску, отчего Мирославе ещё больше захотелось зажмуриться.

– С тех пор, как с Красной Весны Вель с Забавой принесли тебя без сознания, уже день прошёл, а ты всё спишь, – говорила матушка, помогая Мирославе сесть и давая ей воду. Свет отражался и от расшитой льняной рубахи матери, теряясь в складках тёмной понёвы; играл на материнском лице, мягко очерчивая морщины вокруг добрых глаз. Мирослава, отгоняя навязчивое, поморгала и взяла воду. – Сегодня я отца за волхвом послала. Скоро придёт старец Никодим. – Мать опустила на стул подле кровати Мирославы.

Мирослава пила, и с каждым глотком воды ей становилось легче. Когда Мирослава выпила воду, мать взяла кружку и обеспокоенно посмотрела на дочь:

– Что случилось на празднике?

Мирослава нахмурилась: в памяти было только то, как она с сестрой собиралась на Красную Весну. Далее начиналась чёрная пелена. И чем больше старалась девушка вспомнить, тем темнее становился морок.

– Я не помню, – покачала головой Мирослава и посмотрела в серые, обрамлённые морщинами глаза матери. – А что Забава говорит?

– Забава вообще не хочет рассказывать о празднике. – Матушка вздохнула и опустила взгляд. – Даже отец не смог разговорить твою сестру – ходит чернее тучи, будто сам Полоз ей на Весне явился, храни нас Сварог. Даже запрет отца не выходить из дома твою сестру не вразумил. – Мать снова посмотрела на дочь. – Медовухи небось обе напились, да? И этот Вель постоянно о твоём здравии спрашивает, у калитки всё околачивается. Женихалась с ним уже?

Мирослава непонимающе смотрела на матушку, которая строго глядела на неё.

– Кто такой Вель? – спросила Мирослава.

– Ты даже не помнишь того, кто тебя на руках в избу принёс? – строго спросила мать. – Неужели медовуху пили?

Мирослава подвинулась ближе к матери и взяла её теплую грубую ладонь.

– Матушка, я правда ничего не помню, – искренне говорила Мирослава. – Последнее, что в памяти моей, – как мы с сестрой на праздник одеваемся. Даже не помню, как из дома вышла.

Мать строго покачала головой и убрала свою ладонь из рук Мирославы.

– Не думала, что вы так нагуляетесь, – вздохнула матушка и поправила на голове платок. – Одна как туча чёрная, вторая с похмелья второй день прийти в себя не может. Не будет вам

более праздников, малыё ещё да глупые. – Матушка поднялась со стула и строго посмотрела на дочь: – Есть хочешь? Кашу принести?

– Нет, – растерянно ответила Мирослава. Происходящее походило на дурной сон, от которого никак не удавалось проснуться.

– Может, молока налить?

Мирослава отрицательно покачала головой.

– Тогда оденься, коли силы есть. Скоро волхв придёт. Может, успеешь до его прихода отобедать. – Мать вышла и закрыла занавеску, оставив Мирославу одну.

Мирослава села на край постели: голова кружилась, тело было ватным и слабым. Девушка дотронулась до лба тыльной стороной ладони – холодный. Жара нет. И памяти тоже нет. Но более всего удивляло Мирославу душевное спокойствие: она не чувствовала ни мук совести, которые обычно испытывала, когда бранили родители, ни беспокойства о том, почему не помнит праздник. Не помнит – значит ещё не время.

Мирослава медленно встала, подошла к скрыне, что стояла подле постели, достала оттуда вещи. Сняла ночную рубаху, надела дневную, повязала понёву. Взяла гребень и зеркальце, чтобы волосы убрать в косу, и замерла: в тусклом отражении её лицо виделось неестественно бледным. «Даже если я и пила медовуху, – думала Мирослава, – она не могла сотворить со мной такое. Чтобы день проспять и встать мертвенно-бледной». Но и увиденный в зеркале облик не нарушил спокойствия Мирославы: она заплела косу и вышла в горницу.

Все ставни были открыты, и сквозь вышитые занавески лился сизый дневной свет – день был пасмурный. Свет серебрил большую белёную печь и будто покрывал инеем сушащиеся над ней травы. Но в молочном свете непогожего дня чувствовалось спокойствие, тишина и умиротворение. В красном углу горел синим Сварожич. На столе, убранном белой скатертью, в горшке стояла каша и дымились блины. В девичьем углу пряла Забава, которая на сестру даже не взглянула. Дневной свет, отражаясь от белой рубахи сестры, освещал Забаву тусклым серебром. Мирослава покачала головой, стараясь сбросить наваждение, подошла к Забаве и села на лавку рядом.

– Матушка говорила, что меня без сознания в избу принесли? – тихонько спросила она. Забава продолжала прясть. – Что-то случилось на празднике, да? – спросила Мирослава. Забава молчала. – Я ничего не помню! – Мирослава коснулась сестры, но Забава убрала руку.

Поняв, что сестра не ответит, Мирослава сходила к кадке умыться и села за стол. Положила себе в тарелку каши, налила в кружку молока. Когда Мирослава закончила есть, в горницу вошла матушка, за ней – отец, который вёл старца в белых одеждах – волхва Никодима. Старец был высок, морщинист, с седыми волосами, и взгляд его серых глаз был пронзителен, но добр. Никодим напомнил Мирославе древнее древо: сухое, с посеревшей корой, украшенной белыми разводами, но из-за сухости своей всё ещё крепкое – такому дереву никакие ветра не страшны.

Обе сестры встали со своих мест и, почтительно положив руки на сердца, поздоровались с волхвом. Никодим мягко приветствовал девушек и, внимательно посмотрев на Мирославу, проговорил:

– С тобой, красавица, беда приключилась? – Голос у волхва был тихим, мягким, но сильным. Старческую хрипотцу наполняли глубина и умиротворение.

Мирослава кивнула, и Никодим сел за стол напротив Мирославы. Родители опустили на лавку подле окна. Забава, оторвавшись от прядения, перевела взгляд на сестру.

– Что случилось с тобой? – поинтересовался Никодим. Мирославе стало немного не по себе от пронзительного взгляда серых, словно затянутое тучами небо, глаз, окружённых резкими морщинами.

– Я не помню, – честно ответила Мирослава. – Я помню только то, как мы с сестрой собирались на праздник, помню, что я не хотела идти на него, а Забава меня уговорила. Больше ничего не помню.

– Тебя страшит твоё беспамятство?

– Нет. Мне спокойно.

Волхв кивнул и закрыл глаза.

– Дай мне руку, – попросил старец, и Мирослава протянула ему ладонь. Когда сухие старческие руки обхватили её ладони, Мирославе показалось, будто по рукам побежало лёгкое покалывание. Странное чувство было тёплым, от него веяло ещё большим спокойствием и умиротворением, чем от сизого дневного света. Волхв зашептал, и Мирослава невольно закрыла глаза. Сквозь закрытые веки она видела, как Слова волхва складываются в серебряную дрожащую Песнь. Песнь разгоралась светом, её узор делался насыщеннее, ярче, живее – он походил на ажурное кружево, что, дрожа, заполняло светлицу. Узор так разгорелся, что в его свете, не открывая глаз, Мирослава увидела убранство избы. Ярko увидела будто наяву. Только горница была серебряной. Мирослава видела, как обеспокоенно смотрела на неё и Никодима матушка Добромира – добрая, милая мама. Мирослава, оставаясь за столом, в своём видении подошла к матери ближе: Мирослава даже увидела солнечные морщинки, что разбегались от серых, горячо любимых, маменькиных глаз. Мирослава посмотрела на своего отца Ивана – он держал за руку мать и так же, как и она, с беспокойством смотрел на Мирославу и волхва. Мирослава видела поседевшие волосы отца и немного грустные синие глаза. Видела Мирослава и сестру – несмотря на свою обиду, Забава тоже переживала за Мирославу. И обиду Забавы тоже видела Мирослава – будто тёмная паутина окружила голову сестры и льдом сковала её сердце. Интересно, почему? Мирославе казалось, что если она подойдёт к сестре ближе, то сможет прочесть то, что написано в тёмной опутавшей её тоске, и узнать, что она сама, Мирослава, сделала. Но мягкий голос позвал её, и Мирослава обернулась. Она увидела себя, сидящую за столом с закрытыми глазами и шепчущую вместе с волхвом. Спокойствие помутилось испугом, и Мирослава, ахнув, открыла глаза.

– Думы других знать тебе пока рано, – прошептал Никодим, – ты на Песнь Весны так много сил потратила, что на день слегла. Но грядущий холод ты чуешь хорошо, даже слишком... – Волхв немного помолчал и совсем тихо произнёс: – Может, даже из-за него ты и захворала. Знать бы, почему именно тебе Боги открыли дар...

Мирослава убрала руку из ладоней старца.

– Что сейчас было? – тревожно спросила она. От утреннего спокойствия не осталось и следа.

– Не знаю, – пожал плечами старец. – Что было – тебе виднее.

– Но вы же за руку меня взяли, и я с закрытыми глазами всю избы видела! А когда хотела поближе рассмотреть обиду сестры, вы сами меня обратно позвали!

Услышав речи Мирославы, матушка всплеснула руками, а Забава ахнула и прикрыла рукой рот.

– Да, – Никодим ответил на немой вопрос хмурого отца Мирославы. – Твоя дочь открыла в себе Силу Велеса. – Волхв посмотрел на Ивана. – Отравила её не медовуха, а Песнь, которую Мирослава пробудила в себе. Потому юная волхва ничего и не помнит. – Старец вновь посмотрел на испуганную Мирославу. – Как только сила к тебе вернётся, – сказал он ей чётко, – вспомнишь всё, что было на празднике.

– Так Мирослава в том не виновата? – спросила Забава, и Никодим посмотрел на неё.

– Я не знаю, что приключилось у вас на Красной Весне, – ответил волхв. – Я только Силу в Мирославе почувствовал и немного направил её. Сильной ворожей станешь. – Волхв хмуро взглянул на поражённую Мирославу и вновь обратился к Забаве: – Но твои сердечные мучения кто угодно за версту учует. – Забава залилась краской, нахмурилась. – Скажу только одно –

насиленно мил не будешь. Встретишь ещё своё счастье, только подождать тебе надобно. – От этих слов Забава ещё больше нахмурилась и снова повернулась к прялке.

– Как так, старец Никодим, – обратился к волхву Иван, положив руку на сердце, – ни у меня, ни у жены волхвов в Роду не было. Откуда у дочери сила Велеса?

– Сила Велеса есть у каждого человека, – ответил старец. – Её открыть надобно. Видимо, благодаря Свагоре у Мирославы получилось.

– Старец Никодим, получается, каждый может быть волхвом? – робко спросила Мирослава.

– Каждый, – согласился Никодим. – Только люди разучились слышать Песнь своей души.

– Но что открыло во мне силу Велеса?

– Когда вспомнишь, тогда и расскажешь, – улыбнулся Никодим и посмотрел на родителей Мирославы: – Вы должны отправить вашу дочь в Свагобор учиться. Её сила редка, её развивать надобно. – Волхв чуял холод, что оведал дух Мирославы и которому юная ворожея не противилась, видя в нём благо и спокойствие. Но ни ей самой, ни её родным волхв не поведал о том – если Мирослава обручится с вечностью и научится обращаться с Даром Велеса, холод может отступить.

Услышав про Свагобор, матушка Добромира отрицательно покачала головой, а Забава с воодушевлением посмотрела на старца. «Если сестру обручат с вечностью, если сделают её волхвой и она примет обет безбрачия, – думала Забава, – Вель точно обратит на меня внимание».

– Вы хотите, чтобы дочка мир покинула? – ахнула Добромира.

– Я тоже против такого, – поддержал жену Иван. – Я бы лучше Мирославу за Веля просватал, нежели в келье на всю жизнь запираю.

– Почему же в келье, батюшка? – спросила Забава, и все посмотрели на неё. – Есть же лесные волхвы, которые путешествуют по Свету с проповедями. Пусть и моя сестрица мир посмотрит.

– Твоя сестра мирской жизнью жить должна, должна Род продолжать, – покачал головой Иван. – Надеюсь, ты говоришь это не из-за Веля, дочка.

– Да кто такой Вель? – возмутилась Мирослава. – Не помню я его совсем!

– Не помнишь, говоришь? – Забава не выдержала и встала. – Не помнишь, почему я тебя на праздник звала, когда ты идти не хотела? – Мирослава отрицательно качала головой. – Конечно, не помнишь! – подбоченилась Забава. – Не помнишь, как с ним полночи танцевала, обнималась и лобызалась? – Мирослава в ужасе смотрела на сестру. – И теперь подобное волхвованием называется, да? – Забава, вытерев слёзы, зло смотрела на Никодима, который с сочувствием глядел на девушку.

– Успокойся, дочка! – строго сказал отец и, переведя взгляд на Мирославу, проговорил: – А с тобой мы позже поговорим. И так перед старцем Никодимом, – Иван положил на сердце руку, – стыдно.

– Нечего стыдиться, – мягко ответил Никодим, видя, что Мирослава тоже готова расплакаться. – Сила Звёзд порой и не на такие безумства толкает. Потому и учатся обращаться с даром Велеса в Свагоборах, потому волхвы и обручаются с Вечностью.

– Дар Велеса! – дерзко воскликнула Забава. – Сила Звёзд!

– Дочь, успокойся! – Иван тоже встал со своего места.

Забава вытерла слёзы и гневно посмотрела на сестру.

– Тьфу! – плюнула она в пол и, несмотря на негодование отца, который хотел, чтобы Забава села на место, покинула горницу, громко хлопнув ведущей в сени дверью. Мирослава закрыла лицо руками и, не выдержав, заплакала.

– Я не делала того, о чём говорит сестра, – тихонько сказала она, не отрывая от лица рук. – Я не могла так поступить!

– Я думаю, твоя сестра говорит правду, – мягко ответил Никодим, и Мирослава, опустив руки, заплаканными глазами посмотрела на волхва. – Но в том, что она говорит, нет ничего дурного. Забаве нравится Вель, но ему, видимо, по нраву ты.

– Но я даже не помню его, – прошептала Мирослава.

– Ничего, вспомнишь, когда твоя слабость пройдёт и силы вернутся, – заверил Мирославу Никодим. – А твоя сестра ещё встретит своё счастье.

– Я не хочу его вспоминать, – отрицательно покачала головой Мирослава. – Если бы я его любила, то уж точно не забыла. – Мирослава посмотрела на родителей. Отец вновь сидел рядом с матерью на лавке у окна. – Я хочу уйти в Свагобор.

– Дочка, одумайся! – Добромира сложила руки у груди. – Ну, поцеловалась ты с Велем в праздник, мы тоже в юности с отцом тайно встречались, пока родители не узнали. – Добромира посмотрела на мужа, ища поддержки. Иван кивнул и продолжил:

– Нас тоже побранили, а потом на брак благословили. А с Забавой я сам поговорю.

Мирослава отрицательно покачала головой:

– Я хочу в Свагобор, папа. Я сегодня видела комнату сквозь закрытые веки. Видела обиду Забавы – чёрное облако вокруг её головы! Видела себя со стороны! Мне никогда не забыть такого! – Мирослава умоляюще глядела на родителей. – Я хочу учиться ворожке!

Добромира обхватила голову руками.

– Не хочу благословлять тебя на уход из мира. – Она умоляюще глядела на Мирославу. – Хочешь, хоть завтра тебе свадьбу с Велем сыграем!

– Не в Веле, матушка, дело, и не в Забаве. – Мирослава посмотрела на мать и перевела взгляд на отца. – Я сама хочу учиться ворожке!

– Её желание искренне и чисто, – поддержал Мирославу Никодим, и Добромира с Иваном обратили взоры на старца. – Причина же вашего желания не в заботе о дочери сокрыта, а в нежелании её отпускать. Вы так не хотите того, чтобы Мирослава вас покидала, что готовы просватать её за незнакомого вам человека! – Никодим укоризненно покачал головой, и Иван нахмурился. – Но даже если она выйдет замуж – она уйдёт от вас. У неё будет свой дом, своя жизнь. Когда приходит время, детей надо отпускать. И её время пришло.

– Да, я не хочу дочку отпускать, – призналась старцу Добромира. – Если Мирослава будет с Велем жить, она тут, рядышком будет, – тихонько добавила она.

– Матушка, почему ты меня не слушаешь? – удивилась Мирослава. – Не люблю я Веля вашего, я даже не помню его!

– А вдруг ты с этой Силой Велеса не только праздник, но и любовь забыла? – предположила Добромира.

– Тогда, матушка, та любовь была ненастоящая и меня от неё Боги уберегли!

– Думаю, дочка, тебе надо встретиться с Велем, – не оставлял попыток отец. – Вдруг вспомнишь его? Он вчера несколько раз приходил, о тебе спрашивал. Даже сегодня с утра захаживал, до того, как я к волхвам отправился.

– Я не хочу с ним встречаться, отец! – возмутилась Мирослава. – Почему вы с матушкой не только меня, но и старца Никодима не слушаете?

– Мирослава, не горячись. – Волхв мягко посмотрел на Мирославу, а потом и на её родителей: – Давайте так решим. Я отвезу Мирославу в Половец, в Сестринский Свагобор, вольной послушницей. Пусть месяцок-другой поживёт с волхвами и решит, по нраву ли ей бытие ворожей. Может, за это время и Веля вспомнит. Если затоскует её сердце – вернётся к вам, и свадьбу сыграете. А коли остаться решит – послушницей станет.

Иван и Добромира долго молчали, им не нравились слова волхва, не хотелось отпускать дочку так далеко – в столицу княжества, что находилась на другом берегу Половодского озера. Да и было страшно обоим за неё – ни Иван, ни Добромира не ведали о жизни волхвов, отчего та им виделась тяжёлой, полной ограничений, неясных сил и тоски. А если дочь так и не научится

обращаться с ворожбой, что тогда будет? Лучше бы она дома осталась и забыла о волхвовании так же, как она забыла о празднике. Заверения старца Никодима о том, что не нужно бояться за дочку, родителей Мирославы не утешили. И только к вечеру Никодим уговорил обоих отпустить Мирославу в Сестринский Свагобор.

– Я приду за Мирославой завтра, на рассвете, – сказал Никодим, поднимаясь. От угощения старец отказался.

– Как завтра?! – ахнула Добромира. – Так быстро...

– Дорога нам предстоит долгая, через озеро плыть будем, – отвечал Никодим. – Скоро лето, а Мирославе бы до времени летнего с Силой-то своей познакомиться.

– Всё равно нам её отпускать, – вздохнул Иван и хмуро посмотрел на Никодима: – Завтра, так завтра.

Весь вечер родители Мирославы ждали Веля, но молодой человек так и не пришёл. Добромире это показалось странным, ведь вчера он справлялся о Мирославе не один раз. Вдруг, говорила Добромира мужу, это всё – волхвование Никодима? Но Иван отрицательно качал головой: старец-волхв, деревенский врачеватель, добра всем желает, всем всегда помогает – он не стал бы зачаровывать юношу. Никодим и Мирославе добра желает, говорил Иван. И даже нам. Волхв прав – рано или поздно, но дочь придётся отпустить. В отличие от Добромиры Иван покорился пряже Макоши и не отпустил жену, которая хотела отправиться за Велем сама.

Забава ни с кем не говорила, и даже речь отца о том, что она ещё встретит своего суженого, не успокоила девушку. Молчала и Мирослава: неясное предчувствие холодило душу. Тело вновь обрело крепость, голова перестала кружиться, но воспоминания так и не открылись Мирославе. Она по-прежнему хотела уйти в Свагобор – Мирослава давно мечтала стать волхвой, но, зная отношение родителей к ворожбе, никогда им об этом не говорила. Но Мирослава прежде не покидала отчий дом и родную деревню, и оттого предстоящая дорога и бытие в чужих землях страшили её.

Матушка помогла Мирославе собрать короб с вещами, а отец благословил дочь. Но после благословения говорил Мирославе, что надеется, что Мирослава передумает становиться волхвой, вспомнит Веля и вернётся в родные края.

Старец Никодим пришёл в дом Мирославы перед рассветом, когда на улице ещё стояли сизые сумерки и в предутреннем тумане звенела сонная тишина. В доме будущей волхвы уже не

спали, только Забава не встала провожать сестру. Иван был хмур, Добромира плакала, помогая собираться дочери; Мирослава же сдерживала слёзы – она боялась, что если матушка увидит её печаль, то не отпустит в Свагобор.

– Не плачь напрасно, – говорил Никодим Добромире. – Нынче нет повода для слёз. – Волхв положил на сердце руку и тихо, чтобы никто не слышал, прошептал: – Пока нет.

Родители благословили Мирославу словом и проводили Никодима и Мирославу до калитки, подле которой ждала запряжённая телега с лошадьёю, данная Никодиму волхвами Лесной деревни. В телеге лежали дары, которые волхвы Лесной отправляли в Свагобор Половца, и стояла со Сварожичем огнивица. Отец положил короб Мирославы в телегу и помог сестре дочери, Никодим занял место возчика. Добромира на прощание ещё раз поцеловала Мирославу, и Никодим подстегнул лошадь. Добромира и Иван смотрели вслед уезжающей Мирославе, которая, развернувшись, смотрела на них, пока телега не скрылась за поворотом.

– Значит, такова судьба Мирославы, – хмуро проговорил Иван, ведя жену в дом.

– Я не желала нашей дочке такой судьбы, – сокрушалась Добромира. – И Вель больше не приходил... Точно ворожба!

– Какая ворожба? – Иван закрыл калитку. – Думается мне, это не ворожба – это пряжа Макоши. И нам надо принять волю Богини.

Когда отчий дом скрылся за поворотом, Мирослава дала волю слезам.

– Старец Никодим, не обращайтесь на мою печаль внимания, – всхлипывала Мирослава. – Я всё ещё хочу стать волхвой. Очень хочу! А плакать при родителях мне было боязно.

Лошадь ехала не быстро, тихо ступая по дороге. Улица была пустынна, и по земле стелился серебряный туман. Туман собирался подле деревенских заборов, витал в палисадниках, укрывая сонные избушки. В некоторых окнах сквозь узор закрытых ставень виделся тусклый свет лучин. Кое-где из печных труб поднимался дым, серыми облачками теряясь в предрассветном небе.

– Слёзы это хорошо, – не поворачиваясь, отвечал Никодим. Тихий голос волхва был созвучен раннему утру. – Когда их нет – вот что плохо. Когда слёз нет, тогда и чувств нет. А когда чувств нет, тогда душа умирает, несмотря на то, что тело вроде бы живёт. – Никодим немного помолчал. Где-то пропела птица. – И то, что родителей жалеешь, – тоже хорошо, – добавил волхв. – Так что плачь. Плачь, пока не станет легче. Ведь ты не могла поступить иначе. И Вель не пришёл по твоему Слову.

– Я не понимаю... – ответила Мирослава.

– Твоя судьба соткана Макошью. Ты сама её чувствуешь, судьбу свою. Ты сама чувствуешь, что коли останешься в Еловой – быть беде. Вот почему Вель не приходил.

– Быть беде из-за Забавы?

Никодим тихо рассмеялся и обернулся на Мирославу, которая, вытерев слёзы, внимательно смотрела на него.

– С твоей сестрой всё будет хорошо, да и с Велем тоже. Я же тебе о холоде толкую, – Никодим вновь обратил взор на дорогу, – что в мире ощущается. Не весенний холод, а иной, –

молвил Никодим, и Мирославу охватило неясное ледяное чувство. – Из-за этого холода ты не хотела идти на праздник, и, я думаю, он, быть может, и открыл тебе Песнь, лишив сил, – предположил волхв. – Потому у тебя выбор будет – за холодом пойти или за теплом.

Мирослава некоторое время молчала. Телега переваливалась на дороге – земля ещё была сырая, и колёса проваливались в почву; воздух был прохладен и свеж. Туман, окутавший Еловую, рисовал в воздухе неясные узоры.

– Я не понимаю, – тихо ответила Мирослава.

– Всею своё время, – проговорил Никодим и развернул лошадь. Теперь они ехали по улице, которая переходила в дорогу, что вела в село Верынь. По обеим сторонам улицы, между дорогой и заборами домов, росли высокие дымчатые берёзы. – Когда вспомнишь, тогда к тебе и понимание придёт.

Через тройку дней Никодим и Мирослава добрались до Верыни, день отдохнули в постоялом дворе и продолжили путь. В пути ночевали в телеге: Никодим сворачивал на обочину дороги, зачаровывал телегу Словом, и навьи не беспокоили путников. Мирославе было неприятно и боязно так спать, но горевший в огнивице огонь-Сварожич дарил благодатное тепло и немного успокаивал душу. Мирославу одолевало смутное чувство, но она старалась не показывать волхву, что боится быть так далеко от родного дома. Раз решила стать волхвой, то пора и Дух закалять. Но старец внимал настроению Мирославы и, дабы отвлечь её от грустных дум, рассказывал о ворожбе. Когда же Мирослава попросила его вновь явить Серебряную Песнь (так Мирослава назвала узор Слов, который видела в горнице), Никодим отрицательно покачал головой: ещё рано волхвовать.

Рассказы старца Никодима о ворожбе вдохновляли Мирославу, и девушка порой представляла себя великой волхвой. В своих мечтах, которые Мирослава скрывала от родных, она умела внимать не только Таёжной речке, но и Лесу, животным и птицам; Мирослава понимала шелест Стрибожьего внука и Слово ясноликого Хорса. И думала будущая волхва о том, что Боги наконец обратили на неё свой взор.

После Верыни дорога привела в село Червич, а затем – в Озёрный град, располагавшийся на берегу Половодского озера. Город окружал ров, через который был переброшен разводной мост, и высокая с теремными башнями стена. Недалеко от городской стены могучие с загнутыми бивнями мохнатые ингры валили лес. Погонщики направляли животных к лесопилке,

что занимала поле, простиравшееся по левую сторону Озёрного града до самих Половодских озёр.

– Впервые вижу такое диво! – говорила Мирослава Никодиму, разглядывая массивных животных.

– Да, нынче ингр не так много осталось, – старец тоже обратил взор на работающих животных. – Только в содержании у крупных городов да у столичных островов. Диких почти нет уже.

– Раньше их было больше? – поинтересовалась Мирослава.

– Конечно, больше, – кивнул Никодим. – Мир меняется, животные уходят. Вот и туров меньше становится, да и хорсгоров – священных оленей – почти не встретить. – Волхв направил телегу к Озёрному городу.

Озёрный был городом светлым и чистым, с широкими улицами и домами в несколько этажей. Резные терема были богато украшены, а купол Свагобора, располагавшегося на городской площади по соседству с княжеским теремом, сверкал в лучах весеннего солнца. Мирослава впервые оказалась в городе, и Озёрный произвёл на юную волхву такое сильное впечатление, что она даже забыла о тоске по отчому дому. Но ещё больше поразил Мирославу порт. Девушка никогда не видела кораблей, такого количества людей и не слышала столько шума.

– Вот бы матушка с батюшкой город увидали! – говорила Никодиму Мирослава. – Сестре Озёрный град пришёлся бы по нраву!

– Это ты ещё Половец не видела, – улыбнувшись, ответил старец Никодим и остановил лошадь на обочине дороги. – И морской порт Солнцеграда, Идру. Там сотни кораблей!

Никодим оставил Мирославу и отправился в порт искать корабль, идущий в Половец. Мирослава, устроившись на скамье телеги удобнее, стала с интересом разглядывать город. Звенящий весенний день был в самом разгаре: солнце поднялось высоко, и начинало припекать; берёза, подле которой стояла телега, отбрасывала лёгкую кружевную тень.

Дома на примыкавшей к порту улице были высокие – в два-три этажа, украшенные резными теремами. Разноцветные горожане толпились у базара, располагавшегося между улицей и портом. Тут продавали всё: от тканей и утвари, привезённой из соседних княжеств, до озёрной рыбы. Между палаток и по улице громыхали гружёные телеги; торговцы зычно зазывали покупателей, покупатели шумно торговались, дети просили у взрослых гостинцы... Город дышал шумом, голосом, словом – город будто пел, пел песнь на ведомом только ему языке. Если внимательнее прислушаться, эту песнь возможно услышать. Сквозь голоса людей и шум повозок, сквозь солнечный свет и свежий ветер, сквозь шелест берёз и птичьи трели... можно услышать, как звенела серебром Песнь. Если закрыть глаза, то Песнь возможно и увидеть – лёгкий мерцающий узор, что искрился во всём Свете, струился сквозь него, будто живая вода по Мировому Древу. За Песнью можно пойти – отправиться сияющей дорогой, уводящей за горизонт.

За горизонтом высились неприступные скалы. Они были такими высокими, что терялись в небесах: серый с белыми разводами камень исполинской стеной возрастал из бушующего моря. А за скалами, далеко на Севере, где воды океана сковало ледяное дыхание Неяви, стоял Мёртвый Город. В том городе был Колодец, и обжигающий ветер смерти дул из его чёрной зияющей дыры. Чёрный ветер дул всё сильнее и сильнее; ветер пробирал до костей и разрушал Серебряную Песнь Света. Серебряные нити, звеня, таяли под натиском ветра, и искусное кружево обращалось тьмой...

Глава 9

Ученик леса

Большая Поляна располагалась на окраине Йолка, между крайними высовитами и деревьями тайги. Покрытая плотным мхом, на котором кое-где лежал весенний снег, она была такой ровной, что казалась рукотворной. Поляну окружал редкий частокол, на столбах которого глухо постукивали музыки ветра.

Агнеша от волнения не спал всю ночь и пришёл на Поляну до зари. Князя Дрефа ещё не было, и юный йарь, кутаясь в зелёный плащ из мха-веретенника, медленно брёл по полю. Высокое небо светлело, медленно таяли звёзды, и луны, клонясь к закату, прятались за острыми вершинами деревьев. Дойдя до середины Поляны, юноша остановился и осмотрелся: надо мхом стелился туман; вдалеке, в Йолке, мерцали жёлто-зелёные огни. Агнешка невольно улыбнулся: если бы знал его отец Тихон, где сейчас его сын, никогда бы не поверил. Но улыбка спала с лица Агнеши: именно потому, что отец ему не верил, он и оказался здесь. Тихон хотел, чтобы его сын стал рыбаком, чтобы научился не только ловить рыбу, но и торговать. И Тихона очень печалило, что Агнешка совсем не интересовался рыбным промыслом. Настораживала рыбака и страсть сына к лесу, и его рассказы о встречах с берегинями и лешими, в которых Тихон упрямо не верил. Агнеша грустно покачал головой: он очень надеялся, что отец поймёт его, когда он вернётся...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.